

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Шухрат СИРОЖИДДИНОВ
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Рисолат ХАЙДАРОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Нариман ИСКАНДАРОВ

проза

ВСТРЕЧА

Рассказ

Как и много лет назад, от него уходило счастье. Тогда он не остановил его, не вернул, не поехал за ним. Промчались годы. За ту прошлую ошибку пришлось держать ответ перед взрослым сыном.

Алексей НАЗАРОВ

проза

ANAMNESIS MORBI... ANAMNESIS VITAE...

(Записки коллекционера)

Многие художники, уезжая в далекие страны, ищут не хлеба и зрелищ, а энергии для реализации своих образов. Самое страшное для художника, когда на его глазах умирают никому не нужные его дети – картины. Для того, чтобы они жили долго, мастер готов на любые трудности и невзгоды.

Рубен НАЗАРЬЯН

караван истории

Первопроходцы

В 1887 году узбекская интеллигенция столицы Туркестанского края отпраздновала неординарное событие: парижское ученое археологическое общество... избрало своим членом ташкентского коллекционера древностей, купца Акрама Аскарова. Именно ему суждено было стать первым узбеком, членом зарубежного научного общества.

НОВЫЕ ИМЕНА

Лина УСПЕХОВА

КАК ВО СНЕ

Рассказ

...Губы в полной мере ощутили вкус его губ, сочный, мягкий, как вкус спелых вишен. Первый поцелуй, первое прикосновение, первая ласка. Все было впервые. Впервые я открыла для себя струны своего тела, которые звучали в унисон со струнами ее души.

ПОЭЗИЯ

Александр АРИСТОВ

Благодарю тебя за все...

Я жизнь прожил то радуясь, то плача.
Любил, дружил, за хвост ловил удачу.
Терял очки и набирал штрафные,
Дни были сладкие
И были дни иные.
Но жизнь мою, корявую такую,
Я не готов сменить ни на одну другую!

ВЕНОК ПОЭТУ

Рустам МУСУРМАН

ДЛЯ СЛЕЗ НУЖНЫ ПРОСТЫЕ ЗЕРКАЛА

...После того, как я закончил работу над очередным переводом его стихов, Александр Аркадьевич, будто почувствовав, что можно идти дальше, позвонил мне: «Есть новые стихи, посвященные юбилею любимого Ташкента, следует поговорить...» В тот день я слышал его голос в последний раз.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ

- Мухаммад Али.** Амир Темур Великий. (Роман-эпопея, перевод с узбекского М.Али и С.Камиловой).5
Абдулла Арипов. Не все то золото... (Сказание, перевод с узбекского Н.Ильина).46
Кулман Ачил. Плов для сына. (Рассказ, перевод с узбекского З.Бобоевой).136

ВЕНОК ПОЭТУ

- Александра Давшан.** Время Александра Файнберга.30
Раим Фархади. Не покинет Родины поэт...35
Рустам Мусурман. Для слез нужны простые зеркала...40

ПОЭЗИЯ

- Александр Аристов.** Благодарю тебя за все...44

ПРОЗА

- Алексей Назаров.** Anamnesis morbi... anamnesis vitae... (Записки коллекционера).49
Марина Беглова. Многоточие отсчета. (Роман).88
Нариман Искандаров. Встреча. (Рассказ).139
Сайдамин Бакиев. Мерфология, или законы, по которым мы живем.142

МИР ДЛЯ ДЕТЕЙ

- Раиса Крапаней.** Танцует розовый фламинго...78
София Файзиева. Ветер... шлепает по лужам...80

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Валерий Германов.** Три сестры Жданко. Часть I. Alter ego академика С.П.Толстова. (К 105-летию со дня рождения Татьяны Жданко).81
Рубен Назарьян. Первопроходцы.132

НОВЫЕ ИМЕНА

- Лина Успехова.** Как во сне. (Рассказ).114
Анна Бубнова. Любовь беззвучная, первая и отчаянная... (Стихи)..... 118
Олег Котенков. Из солнечных лучей сложу большой костер... (Стихи)..... 123

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Кадырджан Насыров.** Еще один мост к сокровищнице мировой поэзии.125

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Анатолий Кондратенко.** Если повезет... (Рассказ).128

*На 1-4-х страницах обложки картины из коллекции
Алексея Назарова.*

Звезда Востока

2014 № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Хуршид Иброхимов

Подписано в печать 03.06.2014.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1005 экз. Заказ 183-14

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи».

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

переводы

**АМИР ТЕМУР
ВЕЛИКИЙ***Роман-эпопея**

Книга первая

Джахангир Мирза

Глава двадцатая

I

Сохибкиран и Сараймульханум еще до окончания строительства величественного четырехэтажного дворца Боги Чинар частенько приезжали сюда, чтобы прогуляться по саду.

Чинары, любимые деревья Сараймульханум, высажены по обеим сторонам дворца. Их царевна с Сахибкираном посадили, когда еще земля пустовала, поэтому к этим деревьям у нее особые чувства. Удивительно, чинара, посаженная с правой стороны дворца, поднялось очень быстро, быстро разрослась, а второе дерево почему-то слабее... Это удивляло Сараймульханум. Джахангир Мирза тоже обожает эти чинары, правую он называл «достопочтенный Сахибкиран», а левую – «сын». Такое сравнение радовало Сараймульханум, но она недоумевала, как смог принц почувствовать эту параллель, вторая чинара была посажена ею с мыслями о будущем сыне. Она постоянно поручала садовнику почаще окучивать и поливать их. Когда они окончательно переехали в Боги Чинар, махди улё заботу о чинарах взяла на себя. В конце весны к ее заботам прибавились не менее приятные хлопоты: в ближайшие дни должна была приехать принцесса Хорезма Ханзада ханум...

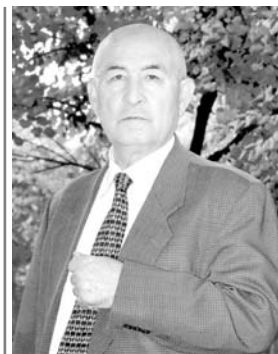
Месяц тому назад из Хорезма пришла радостная весть. Хорезмшах Юсуф Суфи, устроив пышный той, проводил Ханзаду ханум в Самарканд, одарив ее подарками и приданым достойным дочери султана. Эта желанная новость обрадовала всех.

По совету Сараймульханум встречать принцессу Хорезма отправили Куртугу Хатун, невестку чингизида Кайдухана. Таков обычай: чингизидов должны встречать чингизиды.

До этого хорезмшах Юсуф Суфи удивил всех: забыв об обещании выдать Ханзаду ханум за Джахангира Мирзу, он совершил набег на город Кат. Амир Темур потребовал объяснений. Оказалось, что этот поступок связан с хакимом Хутталана Амиром Кайхусравом...

Вернувшись из Хорезма, Сахибкиран велел организовать разбирательство по делу хутталанского хакима. Провокационное письмо Амира Кайхусрава хорезмшаху Хусайну Суфи служило прямым доказательством его вероломства. К тому же, начальник крепости Хиндуван в государстве Амира Хусейна Амир Халил бросился в ноги Темурбека:

– Амир Сахибкиран! Амир Кайхусрав подлец и смутьян, он убил Амира Хусейна в отместку за убийство брата. Мы требуем

Мухаммад АЛИ

Народный писатель Узбекистана. Поэт, прозаик, публицист, переводчик, автор более тридцати произведений.

Председатель Союза писателей Узбекистана. Лауреат Государственной премии.

* Продолжение. Начало см. "Звезда Востока" №3, №4 за 2013 г., №1, №2 за 2014 г.

наказать его по законам шариата, просим передать Амира Кайхусрава в наше распоряжение. Дальше мы сами знаем! Мы сами решим... Необходимо отомстить за кровь Амира Хусейна!

Амир Темур вспомнил, как однажды Амир Кайхусрав, выпучив круглые глаза, требовал наказать Амира Хусейна. Да уж, за каждое деяние следует возмездие. Кровь за кровь! Нужно обдумывать каждый шаг...

– Вникните в мотивы поступков Амира Кайхусрава, проведите тщательное расследование! – велел Амир Темур. – Решите все по справедливости!

Расследование обнаружило немало проступков и злодеяний хакима Хутталана. По повелению хана Турана Суюргатмишхана в соответствии с законами шариата нукеры Амира Хусейна казнили Амира Кайхусрава в Самарканде. Новым хакимом Хутталана был назначен сын старого друга Темурбека Мухаммада Мирака Шер Бахрам. По сути Мухаммад Мирака и Амир Кайхусрав – кровные родственники, они двоюродные братья.

После казни сын Амира Кайхусрава Султан Махмуд вместе с Абу Исхаком Ясури и Махмудшахом Бухари в панике сбежали в Хорезм и, сбив с пути Юсуфа Суфи, вовлекли его в заговор. Вот почему Юсуф Суфи осмелился пойти на Кат...

Сараймулькханум поднялась на второй этаж, чтобы еще раз осмотреть покои, выделенные для принцессы Хорезма. Самая большая из трех комнат предназначалась Ханзаде ханум, вторая – для янга¹ и подружек, третья комната для приданого. Предполагалось, что принцесса в свадебном наряде выйдет к гостям отсюда. Учитывая, что на дворе лето, были установлены разноцветные шатры посреди сада и цветников. Специально для невесты был построено великолепный Зеленый шатер. Свадьба начнется в Боги Чинаре и продолжится в Конигиле. Там тоже раскинули множество цветных шатров. Величественный особняк, возведенный для жениха и невесты, блистает безупречной красотой и роскошью, комнаты, убранные рубинами, жемчугом и хризолитом, спят глаза.

Сараймулькханум с первых же дней пребывания в гареме заметила особое расположение Сахибкирана к Джахангиру Мирзе. Этот юноша был ей тоже симпатичен. Доброжелательный, отзывчивый, искренний, с чистым взглядом и горящими глазами, он не мог не вызывать добрых чувств. Махди улё по-матерински относится к принцу, в свою очередь, Джахангир Мирза тоже привязался к ней. Видя их дружбу и взаимоуважение, Амир Темур радовался мудрости и сердечности махди улё...

Величественный Самарканд наполнился слухами:

– Говорят... Его Величество Сахибкиран сосватал из Хорезма невесту для сына! Красивая, подобно луне! Говорят, на следующей неделе свадьба!..

– Невеста из рода Чингисхана, говорят, она внучка Узбекхана. Джахангир Мирза теперь станет кураганом.

– Приданого столько, что, говорят, его везут на сорока верблюдах, арбы переполнены жемчугом, рубинами, сапфирами, золотом...

Эти новости облетали дом за домом, махаллю за махаллей... Население Самарканда с нетерпением ждало день свадьбы, а старики благословляли, желая: «Дай, Бог, каждому такого счастья!»

Золотой обоз принцессы Хорезма остановился в центре Боги Чинара, у самого дворца. Ханзада ханум с помощью Икбол бики и Оккиз осторожно ступила на красный ковер, постеленный на землю. При этом, она успела бросить мимолетный взгляд на зеленый сад. Летнее солнце нещадно палило. Ее внимание привлекли две царственные чинары. Перед дворцом выстроились в ряд разряженные молодые женщины. Все взволнованы... Это жены и невольницы гарема Амира Темура. Впереди всех грациозная женщина в белом платье, на висках два черных завитка-локона, на левой щеке красуется маленькая черная родинка. Ханзада ханум сразу догадалась, что это Сараймулькханум – самая любимая и влиятельная женщина в гареме Сахибкирана. Она слышала, что Джахангир Мирза почитает Сараймулькханум как мать.

Две представительницы рода Чингисхана шли навстречу друг к другу. Сараймулькханум, посмотрев на Ханзаду ханум, отметила белизну ее кожи, красоту черных глаз, гранатовые губы и маленькую черную родинку справа над верхней губой, привлекательные ямочки на щеках и с радостью признала, что она – одна из прекраснейших созданий природы. Ханзада ханум, грациозно поклонившись, остановилась в двух шагах от нее. Махди улё нежно поцеловала в лоб Ханзаду ханум и ласково сказала:

– Добро пожаловать, моя принцесса!

...В Конигиле свадебное торжество подходило к концу. После свадьбы жених и невеста будут жить в роскошном дворце Накши Джахан, воздвигнутом на горном склоне Чупан-ата специально для Джахангира Мирзы.

¹ Янга - свахи невесты, остающиеся при новобрачных после свадебной церемонии.

Шел шестой день свадьбы в Кониголе, Джахангир Мирза был вне себя от счастья... Он пьян от мысли, что его возлюбленная, о которой грезил месяцами, годами, здесь, рядом, в одном городе, и они скоро уединятся. О боже! Неужели это все правда?..

Ахий Джаббар бахадур тоже был счастлив, что, наконец, мечта его принца сбылась. Дай Бог, чтобы в этом мире все достигали своих желаний! Десятник гордился, что смог внести свою лепту в это богоугодное дело. К гордости присоединялась и радость – вместе с принцессой Хорезма приезжает ее преданная наперсница, очаровательная смуглянка Оккиз... При этой мысли сердце Ахий Джаббара бахадур сжимается от волнения ...

Наступил последний, седьмой, день свадьбы. Ближе к аср намазу¹ Джахангир Мирза с друзьями отправился в Боги Чинар, считавшийся «домом невесты». Жениха окружают Сулайманшах, Жаханшах ибн Жаку, Умаршайх Мирза, Султан Махмуд ибн Суюргатмишхан, Адилшах жалайир, Мухаммад Мирак и другие молодые амиры. Ахий Джаббар бахадур тоже суетится рядом, прислуживая им.

В пути их сопровождали музыканты. Музыка звучала непрерывно: торжественные звуки карнаев сменялись звонкими голосами сурнаев, затем звучали танцевальные мелодии... Друзья жениха затагнули свадебную песню «Ёр-ёр»:

Перед воротами цветущий пруд, эй, милая моя,
Мы пришли посмотреть на цветы, дорогая моя,
Но цветы лишь предлог, милая моя,
Мы пришли за тобой, любимая моя.

Жених в золотом чапане не отводил глаз от весело танцующих друзей. В Зеленом доме специально для жениха и его друзей накрыт праздничный стол. Вкуснейшие блюда сменяют друг друга, настроение у присутствующих приподнятое, не смолкают веселье и шутки... Друзья жениха даже не заметили, как жених отлучился в другую комнату, где им прочитал никох²...

Вечер тонкой вуалью опустился на город, невеста в сопровождении подруг и родственников при свете больших факелов под звуки торжественной музыки отправилась в сторону Конигола. Караван из двадцати нарядных телег жемчужной ниткой тянулся за принцессой. На огромной повозке, с четырех сторон освещенной факелами, сидит Ханзада ханум с подружками, в других телегах – приданое невесты. Звуки задушевной свадебной песни «Ёр-ёр» кружат над небом Самарканда.

Присутствующие нетерпеливо ждут невесту, предаваясь сладким воспоминаниям о своих свадебных днях. Свет от огромного костра бликами отражается на лицах танцующих гостей.

– Пусть поднимет невесту! Пусть поднимет! – послышались отовсюду голоса.

Джахангир Мирза приблизился к повозке Ханзады ханум и, нежно подняв на руки свою красавицу, осторожно опустил ее на землю. Дыхание участилось... Сердце забилось сильнее... От пьянящего запаха мускуса и амбры, а может, от близости той, о ком он столько грезил, жених чуть не лишился чувств. Сулайманшах во время подхватил Джахангира Мирзу и, приобняв друга за плечи, шепнул:

– Возьмите себя в руки, мой принц! Поздравляю! Поздравляю!

Амир Темур, наблюдая за происходящим, заметил, как побледнел сын, и мысленно похвалил Сулайманшаха за поддержку. Да, венценосный отец давно знал, что Джахангир Мирза сгорал от любви к Ханзаде ханум. Об этом он не раз беседовал со старшей сестрой Кутлуг Туркан окой...

По правде говоря, он искренне желал воссоединения двух прекрасных молодых ростков, желал пышной свадьбы, Аллах свидетель, он стремился к этому изо всех сил. Но из-за упрямства хорезмшаха Юсуфа Суфи это событие пришлось отложить. Немудрено, что жених от счастья немного не в себе, ведь ему удалось обойти всех многочисленных поклонников хорезмской красавицы. Внучка Узбекхана – теперь член семейства Амира Темура. Слава Аллаху! От этого брака на свет появятся замечательные дети. Они станут достойными преемниками великого трона, продолжат род Амира Темура, род Чингизи-дов... Джахангир Мирза и Ханзада ханум укрепят мощь салтаната...

Гости поздравляли Амира Темура:

– Да будет благословенна новая семья! Поздравляем! Поздравляем!

– Поздравляем, Амир Сахибкиран!

– Пусть обрастают детьми!

– Благодарю! Спасибо! – отвечал он, приложив правую руку к груди.

Под звуки свадебной песни «Ёр-ёр» невеста три раза обошла костер. Затем ее повели

¹ Аср намаз – молитва перед закатом солнца (третий намаз)

² Никох – молитва при заключении брака.

в сторону Белого дома, который словно светился в темноте. Как только невеста прошла по бархатной паяндоз¹, женщины и девушки с радостными криками кинулись к порогу, пытаясь, во что бы то ни стало, первыми схватить белую бархатную ткань².

В огромной комнате, освещенной свечами, несколько девушек и свях весело переговариваясь, развешивают на стенах приданое невесты. Правый угол закрыт плотными бархатными шторами, это чимилдик.³ Две свахи невесты суетятся вокруг этого святого уголка.

– Говорят, моя милая, в мире каждая ткань мечтает быть использована для чимилдика, – заметила первая сваха.

– Да-да, голубушка, все ткани об этом мечтают, – подтвердила вторая.

Ханзада ханум в свадебном наряде расцвела еще больше, затмив красотой саму луну. Икбол бика, Сиймин бика и Оккиз ни на минуту не оставляют невесту, предупредительны и внимательны. Глядя на них, Шакар бика счастлива до слез...

Совсем недавно, когда имам в Боги Чинаре, совершая обряд бракосочетания, читал молитву, Ханзада ханум впервые почувствовала присутствие суженого, их отделяла лишь дверь⁴. А когда Джахангир Мирза поднял ее на руки, она затрепетала! Первый раз в жизни к ней прикоснулся мужчина, и это был Джахангир Мирза, она почувствовала сильные и вместе с тем нежные руки своего жениха! Это счастье, такое счастье, которое Аллах дарит только своему любимому рабу!

Сестра Амира Темура, милотвидная Кутлуг Туркан ока, открыв чимилдик, увидела в углу пери в белом одеянии, которая застыла в почтительном поклоне, приблизившись к прелестной Ханзаде ханум, она неспеша приложила губы к ее лбу и ласково сказала:

– Дорогая моя принцесса! Да будет ваше счастье совершенным и безукоризненным! Дай Бог! – потом, протянув мешочек с монетами, велела: – Эй, свахи! Возьмите вознаграждение за брачное ложе и застилайте быстрее царственную постель! Аминь! Аллах велик!

Шакар бика, Сараймулькханум, Куртуга Хатун, все женщины стоящие вокруг, раскрыли руки для благословения:

– Аллах велик!

Две свахи, будто ждали приказа, ловко приступили к своим обязанностям. В мгновение ока атласные матрасы, шелковые курпачи, слой за слоем выросли в человеческий рост. Сверху постелили тончайшую шелковую простыню. Все с интересом и восхищением смотрели на брачную постель в восемь слоев в центре комнаты, сердца женщин таяли от сладких воспоминаний молодости.

– Жених! Жених идет! Жени-и-их!.. – раздались голоса.

Женщины отступили, уступив дорогу жениху.

– Добро пожаловать, наш милый жених! Добро пожаловать! – свахи поспешно подвели его к чимилдику. Сулайманшах и Жаханшах ибн Жаку шли рядом с женихом, но свахи пропустили за полог только Джахангира Мирзу.

Великий принц, переступив чимилдик, посмотрел на невесту... Первый раз в жизни он так близок к возлюбленной, первый раз может разглядеть сказочную красоту милой невесты! Но, к сожалению, Ханзада ханум, укутанная в большой тонкий платок, стояла опустив голову... Взволнованный жених поднял невесту и посадил на высокое брачное ложе.

Первая сваха поднесла молодым красивое золотое зеркало. Оно было большое и одинаково отражало обоих.

– Луна или солнце, мой милый? – спросила сваха у Джахангира Мирзы.

И Ханзада ханум, и Джахангир Мирза посмотрели в зеркало... Лица их были так светлы, что побледнел свет свечи. Ханзада ханум посмотрела в зеркало и тут же склонила голову. Джахангир Мирза глубоко вздохнул. Ла хавла вала куввата! Как твердила молва, ее кристально чистое лицо, словно омыто лунным светом, волоокая, с пунцовыми губами, маленькой черной родинкой, ямочками на щеках, черными изогнутыми бровями. Она бесподобна! Это лучшее творение природы, первая красавица, прекраснее прекрасного! Теперь эта прелестница – его, Джахангира Мирзы! Его мысли перенеслись далеко-далеко, к тем временам, когда он впервые, услышав о ее красоте, влюбился, вах-ва-вах, его возлюбленная оказалась прекраснее и желаннее, чем он предполагал!..

– Луна или солнце?..

Джахангир Мирза пришел в себя и понял, что нужно отвечать:

¹ Паяндоз – белая ткань, стелется перед невестой, чтобы путь ее был чистый и светлый.

² Таков обычай – кто станет обладателем свадебного паяндоза, того ждет удача и женское счастье.

³ Чимилдик – занавес, полог, обычно из белой ткани, закрывающий угол комнаты, где жених и невеста уединяются в первый вечер после свадьбы.

⁴ По древнему обычаю, жених с имамом сидят по одну сторону двери, невеста с подругами – по другую, не видя друг друга.

– Луна!

Свах подошла к Ханзаде ханум и повторила вопрос:

– Луна или солнце, моя милая?..

Ханзада ханум посмела взглянуть в зеркало, подняв склоненную голову... «Значит, этот молодой человек... принц Джахангир Мирза!.. Отважный сын Его Величества Амира Темура Курагана, принц мира всего, свет очей государя, радость цветника счастья, престольный принц Джахангир Мирза!.. Несравненно мил! Достоин называться возлюбленным. Теперь он – принц Ханзады ханум. Ханзада ханум, отвергнувшая многих сватов, прибывающих с разных концов света, и не оставлявшая никому надежды, отказавшая многим именитым богатырям и амирам, эта прелестная Ханзада ханум теперь принадлежит только этому юноше... Она вспомнила слова матери: когда они выезжали из Хорезма, ее мать Шакар бика, посадив дочь рядом, говорила: «Зеница моего ока, это веление Аллаха, оказанное нам, женщинам. Это наследие нашей праматери Евы... Запомни мои слова. Ты становишься невестой чужого дома, станешь спутницей незнакомому человеку. Если твой спутник небо, ты должна быть землей. Будь землей, будь лелеемым одеялом! Говори сладкие речи, никогда не говори плохих, горьких слов. Будь приветлива. Старайся быть привлекательной. Никогда не показывайся ему в плохом настроении, не показывайся в изношенной одежде!» ... Незнакомого человека... – говорила тогда мать.

Ханзада ханум не знала своего принца и лишь рисовала его образ в мечтах, но, посмотрев в зеркало, чуть не ахнула – это были именно те милые черты, взлеянные зеркалом воображения!.. Если Джахангир Мирза небо, то Ханзада ханум согласна быть землей, стремящейся к этому небу, получать счастье от созерцания этого неба, жить его любовью! Она готова пожертвовать ради него всем – юностью, красотой, всей жизнью! Согласна быть не только нежным одеялом, но и его тенью, пылью его шагов! «Никогда не говори плохих, горьких слов», – говорила мать... Ханзада ханум не скажет плохих, горьких слов, никогда, наоборот, отдаст возлюбленному всю свою нежность, как поётся в народной песне будет душой его души!..

– Луна или солнце? Скажите солнце, моя милая! Что? Солнце?

Голос свахи послышался издалека. Вопрос повторился. Ханзада ханум от волнения потеряла дар речи. На вопрос свахи «Солнце?» смогла лишь кивнуть головой...

Теперь наступила очередь обряда одаривания деньгами и сладостями свах и других женщин, присутствующих на церемонии. Принц горстями осыпал женщин золотом, серебром, рубинами, жемчугами.

Снятие сапог жениха – один из самых приятных для свах обрядов, ибо в голенище тоже можно найти много золотых и серебряных монет, и это честный заработок свах. Свахи легко справились с этим и уложили молодых под шелковое одеяло...

Все потихоньку стали выходить из комнаты. Свахи устроились за дверью в комнату молодых, в специально отведенном для них месте. Стало тихо. На брачном ложе с замирающим сердцем лежат, как невинные ягнята, Ханзада ханум и Джахангир Мирза. Хоть свахи и шепнула жениху на ухо: «Мой милый, обнимите невесту! Эта пера теперь принадлежит вам!» – у него не хватало смелости что-то предпринять...

Начало светать. Спозаранку в Белый дом прибыли Сулайманшах, Султан Махмуд, Жаханшах ибн Жаку. В доме у Сулайманшаха специально приготовлена комната для отдыха жениха.

Как только жених вышел из комнаты для новобрачных, Ханзаду ханум окружили Икбол бика, Сиймин бика и Оккиз. Начались смотрины.

...Наконец наступил долгожданный вечер. Как говорится, ночь – время влюбленных, сумерки властно накинули на землю черную сеть. В Кониголе заметно поубавилось народу.

Сумерки владеют волшебством чар... Когда принц в наряде жениха приблизился ко двору, у порога его встретили только две свахи...

Готовя брачное ложе, они вели неспешный, но поучительный для молодых разговор:

– Одна из милостей Аллаха – подарить право своим рабам соединяться телами и душой! – говорила первая. – Когда молодожены занимаются любовью, поговаривают, что ангелы парят над ними, моя милая!

– Так в этом и есть вкус жизни, в этом – земное наслаждение: любить душой и телом, моя дорогая...

Свахи говорят тихо, но жених и невеста, сидящие за чимилдиком, слышат все. Намеки свах, заставляют трепетать их и без того возбужденные тела. Свечка в углу, будто подтверждая правильность женских речей, кивала головой.

В это время первая сваха подошла с маленьким мальчиком на руках и посадила его на ложе.

– Да пошлет Аллах сына, да пошлет сына, моя милая!

– Да будет сын, сын, мои милые! – добавила вторая.

Молодожены залились краской, сердца затрепетали, как птицы в клетках.

Первая сваха, забирая мальчика с ложа, сказала жениху с невестой:

– Все, теперь настало время... Поднимитесь на свое ложе. Волею Аллаха, вы стали парой друг другу, и чисты друг для друга. Теперь блаженствуйте, наслаждайтесь в свое удовольствие, мои милые!

– Согрейте друг друга телами, любите друг друга, мои дорогие!

Амиру Темуру приятно, что его заветное желание осуществилось, он благодарил Аллаха за то, что дожил до этого дня. Теперь страсть, бурлящая в крови его любимого сына Джахангира Мирзы, сольется душевным порывом самого красивого цветочка рода Чингисхана, соединит одну династию с другой, и появится новое поколение джахангиров – завоевателей мира... А это, несомненно, доброе, святое дело, вызывающее приятное удовлетворение, которое угодно и Аллаху, и рабу Его.

II

...Жених и невеста прожили в Конигиле десять дней, потом перебрались в свой дом – во дворец Боги Накши жахан.

На пятнадцатый день к полудню у ворот Боги Накши жахан остановилось несколько мулов и верблюдов, навьюченных шелками и драгоценностями. Это были подарки-курмана¹ для любимой невестки Его Величества Амира Темура. Подарки Амира Довуда дуглата и Амира Жаку барласа уместились на нескольких вьючных животных. Ахий Джаббар бахадур, Учкора, Ианалтекин, Йулкютлуг трудятся в поте лица, выгружают тюки, сортируют и перетаскивают их в дом. Учкора между делом напевает свою любимую песню:

Земля не насытится дождем,
Жена – мужем...никогда...

Через пару часов появился гонец и объявил, что прибывает султан Турана.

– Его Высокопревосходительство Сахибкиран Амир Темур Курага-а-а-ан изволили пожаловать в гости к своему венценосному сыну!

Заиграли карнай и сурнай. Джахангир Мирза в сопровождении Ахий Джаббара бахадура вышел встретить достопочтенного отца. В отдалении показался белый аргамак Амира Темура, скакуна за поводья вел Мухаммад Чурага доддах. Чуть позади шли Амир Жаку барлас, Амир Довуд дуглат, Сулайманшах, Жаханшох ибн Жаку. Замыкали процессию Сараймулькханум, невольницы Улус ока, Тогай Туркан ока, Менгли бика, Тулин ока. Среди них – младшая сестра Амира Темура Ширин бика, дочери Ока Беги ханум и Султан Бахт бегим.

Оглушительно ревели карнай и сурнай. Гостей встречали перед Зеленым домом. Амиру Темуру помогли спешиться. Подошел Джахангир Мирза и, приложив руку к груди, радостно поприветствовал:

– Добро пожаловать, достопочтенный Сахибкиран! – Он с поклоном поцеловал подол белого халата благодетельного отца и несколько раз провел им по своим глазам.

– Молодец, сынок, хвала тебе! Давай-ка обнимемся! – Амир Темур заключил в объятия сына и поцеловал его в лоб. – Пусть будет благословенна ваша невеста! Молодец, сын мой!

Вокруг раздался голоса: «Поздравляем! Поздравляем!» «Молодец!».

Кутлуг Туркан ока незаметно подала знак Ханзаде ханум, смущенно стоявшей позади. Прекрасная пери, одетая в белоснежный наряд, плавной походкой подошла к Амиру Темуру и трижды поклонилась ему. Затем, как ее учили, она, как и ее супруг, грациозно опустилась на колени, поцеловала подол халата Амира Темура и три раза провела им по своим глазам... Каждое движение Ханзады ханум было легким и непринужденным. Все с интересом наблюдали за луноликой красавицей.

– Добро пожаловать, наш любимый достопочтенный отец!.. – тихо произнесла Ханзада ханум, опустив голову. – Храни вас Аллах!

– Пусть вознаградит вас Всевышний счастьем! – Амир Темур, растроганный ее хорошими манерами, помог принцессе подняться. Затем, поцеловав невестку в лоб, воскликнул: – Вы не невестка мне, а дочь. Да, дочь! Моя родная дочь! Слава Богу, теперь у меня не две, а три дочери!

– Благодарю! Мы счастливы оказанной милостью, достопочтенный наш отец!

Ханзада ханум была польщена тем, что Амир Темур назвал ее дочерью. Она, не поднимая головы, поклонилась Амиру Довуду дуглату и Амиру Жаку барласу. Амиры поздравляли молодых: «Да будет ваша жизнь долгой», «Дай, Бог, вам счастья!»

¹ Курмана – специальные подарки молодой невестке от близких родственников.

Очередь дошла до махди улё Сараймулькханум. Ханзада ханум подошла к царевне и собралась было поклониться, чтобы поцеловать подол ее белого шелкового платья. Но Сараймулькханум, не позволив ей сделать этого, заключила ее в свои объятия и по-матерински ласково поцеловала принцессу.

– Дай, Бог, вам счастливой жизни, чтобы вы ни в чем не нуждались, – сказала Сараймулькханум. – Пусть появятся в вашем доме дети, благополучие и удача!

Ханзада ханум кротко улыбнулась и, поклонившись, поблагодарила махди улё.

– Пожалуйте к анхору. Амир Сахибкиран, пожалуйста на сури! – пригласил Мухаммад Чурага доддах.

Одну сторону сури занял Амир Темур, другую – амиры. Слева, на другой сури под большой чинарой расположились друзья Джахангира Мирзы, Ахий Джаббар бахадур со своими джигитами быстро обслуживают гостей. Поданы разнообразные кушанья. Звучит прекрасная музыка. От искусной игры музыкантов сад будто преобразился.

– Хвала и честь вечному Творцу! – сказал Амир Темур, до сих пор сидевший задумавшись. Мухаммад Чурага доддах сделал знак музыкантам. Воцарилась тишина. – ...Мы любим в своем салтанате устраивать пышные торжества, чтобы наш народ радовался вместе с нами, чтобы люди знали, что жизнь, подаренная Аллахом, прекрасна... Наш Пророк, да будет мир над ним, вдохновленный божественной мудростью, запрещал разобшенность рабов божьих и всегда учил высоко держать знамя объединения. Хорезм – это наше отечество, захваченное монголами. По воле монголов страна была раздроблена, каждый ее угол была обречен на муки одиночества. Словом, теперь страна объединилась. Свадьба Джахангира Мирзы и Ханзады ханум – это святая свадьба. Это священный брак, укрепивший целостность нашей родины, свидетельство могущества салтаната...

– Вы правы, Амир Сахибкиран!.. – поддержал Амир Жаку барлас. Ханзада ханум была его внучатой невесткой, и это радовало его. – Это самое благородное свидетельство единства салтаната, нашей родины!

Послышались слова одобрения. Джахангир Мирза был на седьмом небе от слов достопочтенного отца. О, Аллах! Любовь принца и принцессы Хорезма служит укреплению единства родины! Как принцесса отнесется к этому? Это самая высокая оценка их любви!

Амир Темур понемногу попробовал все блюда богатого дастархана.

– Да, мои дорогие амиры! – сказал Амир Темур. – Девять из десяти государственных дел нужно решать машваратом и только одно решать силою меча... Какая выгода от вражды? Нужно крепко держать узы дружбы и родственных отношений, жить мирной, спокойной жизнью. Слава Аллаху, вопрос о Хорезме тоже имеет счастливый исход. Теперь у нас одно препятствие – отношения с нашим северным соседом – царством Джеты. Они в любую минуту могут нагрянуть к нам с войной. Неужто мы все время должны защищаться от полчищ монголов?.. Неужели у нас нет других забот? Нас ожидает много великих дел. Нужно свести счеты с монгольскими разбойниками, с упрямым правителем Джеты Амиром Камариддином. Следует предпринять поход в Узген, нужно укоротить руки и сломать крылья разбойников Джеты... чтобы они не смогли летать! На сей раз в третий поход отправимся на Джету!

Взор Амира Темура был устремлен вдаль, его пальцы невольно потянулись к подбородку.

...Прошел месяц.

Джахангир Мирза решил, наконец, вывезти свою любимую погулять. Сорок дней, как побоеет молодой невестке, Ханзада ханум не выходила из дворца Боги Накши жахан. Ее подруги – Икбол бика, Сиймин бика, Оккиз, как мотыльки, порхали рядом, развлекаая принцессу. Ока Бегим ханум с Султан Бахт бегим ежедневно навешали маленькую ханайим¹, не давая ей скучать. Рядом с Ханзадой ханум ее матушка Шакар бика.

Молодая невестка в восторге от намерения Джахангира Мирзы. Она вспомнила, как в Хорезме они ездили на прогулки с подружками. Ах, как прекрасно это Голубое озеро! Теперь они поедут в Конигил, в тот Конигил, где справляли их свадьбу...

Восемь лет назад, когда правитель Мавераннахра Амир Хусейн повесил сарбадаров, прекрасный Конигил потерял былую прелесть. Великолепная усадьба, некогда построенная известным хакимом Самарканда Садром Сулайманом на берегу реки, превратилась в руины.

Амир Темур любил Конигил с детства. В юношеские годы, приезжая в Самарканд, он собирал ровесников и отправлялся на прогулку на пастбище. Когда же стал правителем, тщательно занимаясь благоустройством столицы, не забывал и Конигил. К нему была проложена дорога, расчищены места для шатров. Теперь здесь часто проводят большие свадьбы, различные торжества. Правая сторона поляны, берег реки, стала излюбленным

¹ Ханайим – супруга принца.

местом времяпрепровождения большой семьи Сахибкирана.

Именно здесь выросли два красивых шатра. Розовый шатер предназначался для молодых, а огромный белый – для остальных. Окрестности покрыты бархатной зеленью. С высоты поляна Конирил казалась малахитовым узане с розовой и белой розами по середине. Небо чистое, прозрачное, словно гладь божественного анхора. Горы величественно охраняют восток... Принцесса Хорезма у розового шатра любит безупречную лазурь неба, ярким подсолнухом солнца и не может скрыть своей радости:

– Ах, как прелестны эти места, мой принц! – Она прищурила свои огромные глаза. – Какое бездонное небо!.. Рябит в глазах! Ой-ёй-ёй! Все чудесно: и зелень, и поляна, и те горы, и небо!

– Да, моя принцесса! Мир прекрасен! Жизнь прекрасна! Все здесь прекрасно! Но вы прекраснее всех, вы – жемчужина моего сердца, смысл моей жизни! Дай, Бог, нам вместе наслаждаться долго-долго прелестью жизни в этом чудесном мире!

– Молю Аллаха, пусть Всевышний дарует нам десятерых детей... Вся прелесть жизни в детях! Наш достопочтенный отец всегда так говорит. Из них семеро...

– Ну-у-у, вас... – брови Ханзады ханум невольно нахмурились.

– Из них семеро сыновей, три девочки... – продолжал принц, не замечая ее реакции. – Десять...

– Столько? Не смущайте меня... – Ханзада ханум замолчала и опустила голову.

Принц весело рассмеялся, заметив, что она все приняла за чистую монету.

– Да, моя принцесса, мир прекрасен! – страстно шепнул принц... – Все прекрасно! Но прекраснее всех вы сами, моя душа!

Ханзада ханум, улыбаясь, кокетливо посмотрела на принца, будто приговаривая: «Правду ли вы говорите?» – и смущенно опустила глаза. Принц хоть и не видел ее глаз, но знал, что сейчас они светятся благодарностью и счастьем.

Икбол бика с подругами и Ока Беги ханум с Султан Бахт бегим шумно обсуждали и рассматривали свои шатры. Между двумя шатрами на большой супе расстелены мягкие тюфяки, богато накрыт дастархан.

Ахий Джаббар торопливо подносит к дастархану угощения, Оккиз сервирует блюда согласно этикету. Юноша между делом исподлобья наблюдает за ловкой девушкой. Она давно заметила взгляды бахадура, но делает вид, что ничего не видит.

После трапезы наступило время развлечений и задушевных бесед. После остроумной и веселой мунозара¹ Икбол бика взяла в руки бубен и затянула песню:

Стану водой я той в речке,
Куда попала сестра, ёр-ёр.
Стану трубкой кальяна
Зятя моего, ёр-ёр.

Пусть узнает зять меня –
Свояченицу, ёр-ёр.
На уборе головном –
Украшения, ёр-ёр.

Пусть радуется сестра,
Взглянув на вас, ёр-ёр.
Пожалейте тут рядом
Увидев сестер, ёр-ёр...

Народная песня «Ёр-ёр» трогает сердца, рождает в человеке какие-то неизвестные чувства... Сиймин бика пригласила Оккиз танцевать. Оккиз сначала чувствовала себя неловко, но постепенно танец увлек ее. Бубен заставлял девушку двигаться усложняя ритм, она верно находила движения, осящая счастье и радость от того, что на родине, что за зеленой занавеской прекрасный юноша восхищенно следит за ней... Ощущает радость и лицо заливается краской... Удивительно...

Оккиз пригласила на танец Сиймин бика, та, сделав два-три круга, подошла к Ханзаде ханум и пригласила ее.

– Да ну-у, вас! Будь вы не ладны... Не надо! – сказала Ханзада ханум тихо и смущенно стала отмахиваться. Озорница Сиймин не отставала, обратившись к Джахангиру Мирзе, который хлопал в ладоши в такт музыке, пригласила:

– Дорогой наш зять, просим вместе с келин бикой станцевать «Лазги»!

¹ Мунозара – словесное состязание.

– Я... я... – засмеялся принц, было видно, что приглашение пришлось ему по душе. – Я не умею танцевать!

– Келин бика красиво танцует!

На середину круга вышли Джахангир Мирза и Ханзада ханум. Над Конигилом зазвонел бубен. Принц скромничал, он хорошо танцевал. Зачарованный танцем своей супруги, он, не отрывая восхищенных глаз от ее пленительного лица, кружил вокруг нее, опьяненный волшебной силой музыки. Ханзада ханум была вся во власти танца и счастья! Как же прекрасна жизнь! Истинное счастье и смысл человеческой жизни – быть рядом с любимым человеком, любить и быть любимой! Ей казалось, что она начала глубже постигать тайны бытия...

Через неделю гости из Хорезма засобирались домой. Ханзада ханум слезно прощалась с достопочтенной матерью Шакар бикой, подругами Икбол бикой и Сиймин бикой.

Рано утром усиленно охраняемый караван отправился в Хорезм.

Глава двадцать первая

I

Желание Амира Темура поскорее устранить упрямого Амира Камариддина из рода дуглатов было так велико, что, несмотря на суровую зиму, он издал высочайший фирман о походе на Джету. Волнения в этом крае вот уже сколько лет беспокоят салтанат. О решении Хумаюн урду Джахангир Мирза услышал от Мухаммада Чурага додхаха в Боги Накши жахане.

Когда легендарное войско дошло до Катвана, что неподалеку от Дизака, начались сильные морозы. Холод был таким, что руки коченели, усы и бороды леденели, застывала слюна на ветру. Джахангиру Мирзе казалось, что деревья в такую стужу сбились в кучки, пытаясь согреть друг друга. Кормить лошадей стало сложнее, ходили страшные слухи, что несколько воинов погибло, замерзнув ночью, а кто-то отморозил нос... Внезапно появившееся солнце от холода куталось в одеяло облаков.

Амир Темур в Хумаюн урду размышлял: еще ни разу во время похода не приходилось возвращаться с полпути. Прежде, чем что-то предпринять, он семь раз отмерял, чтобы один раз отрезать... А сегодня был вынужден признать, что поспешил. Ему было почти сорок лет, приходилось впервые принимать такое сложное решение.

– Возвращаемся в Самарканд, переждем месяца два, пока морозы не стихнут... – сказал он собравшимся военачальникам.

Это был первый поход Джахангира Мирзы после женитьбы на Ханзаде ханум. Всего десять дней назад они выехали из Самарканда, а ему казалось, что прошло лет десять. Принц, предполагавший, что разлука с любимой продлится полгода, а то и целый год, услышав приказ Сахибкирана, возликовал. Он успел соскучиться по горячим объятиям принцессы, по ее нежному голосу, гибкому стану. Все лето и осень молодожены проводили дни в радости и веселье, а ночи – в блаженстве. Оба прекрасны, как свежие цветы. Такое в жизни случается редко, как правило, нежные цветы соединяются с безобразными колючками, но волею Аллаха эти два прекрасных создания нашли друг друга. Ханзада ханум, провожая в поход молодого супруга, заливалась горячими слезами. Эх! Вот вернется Джахангир Мирза и нежно высушит ее слезы...

Возрашение жениха для Ханзады ханум стало настоящим праздником. Встретив его с поклоном, она поцеловала подол чекменя Джахангира Мирзы и, приложив руку к груди, радостно промолвила:

– С благополучным возвращением, мой принц! С вашим возвращением наш дом стал полной чашей.

– Вернулся, вернулся! Все хорошо, волею Аллаха, душенька моя!

– Я коротала эти длинные дни и ночи в молитвах о вас и нашем достопочтенном отце Сахибкиране, мой принц!

– Я так соскучился, как же я соскучился! Однако... вы ни разу мне не приснились. Видно, вы не скучали... – шутливо упрекнул супругу принц.

– Вай, как это может быть? Вы, наверное, не думали обо мне... Вот и проговорились!

Супруги рассмеялись. С милой улыбкой Ханзада ханум тихо положила голову на плечо возлюбленного.

У принцессы есть важная новость для принца. Целый день она ждала подходящего момента, и вот, наконец, они остались одни. Ханзада ханум, стесняясь смотреть Джахангиру Мирзе в глаза, прошептала:

– С вас суюнчи, мой принц!..

– Моя душа – вам суюнчи, моя принцесса! – страстно прошептал принц. – За что суюнчи? За что?..

Ханзада ханум, улыбаясь, опустила голову:
 – Вот уже несколько дней я не чувствую вкуса пищи, мой принц, мне так хочется соленького...
 – Хочется соленького? К чему бы это?.. Неужели?..
 – Не знаю... Матушка Кутлуг Туркан ока, услышав это, обрадовалась и, поцеловав меня в лоб, сказала: «Вы забеременели. Дай бог вам сына – богатыря!..»
 Джахангир Мирза сначала смутился, но потом, радостно схватив супругу на руки, закружил ее по комнате, несмотря на ее протесты.
 – Ну-ка, моя принцесса, покажите-ка мне ваш сладкий язык, произнесший эти слова. Хочу посмотреть, правду ли он говорит...
 Ханзада ханум, не задумываясь, высунула нежный язычок, а Джахангир Мирза с неистовством стал целовать его, заставив застонать супругу:
 – И-и-мм! И-мм!
 – Да, вы правы, ваш язычок это подтвердил. Поздравляю, моя принцесса! Волею Аллаха, у нас будет сын! Сын будет у на-а-ас!!! – радостно закричал принц.
 – Ах, вы мой проказник! Вам бы лишь повод найти!..
 – Если я еще раз поцелую вас, то ваш сладкий язычок мне еще многое расскажет... – умоляюще сказал принц.
 – Вот вам за это! – Ханзада ханум шуточно наградила принца пощечиной. Джахангир Мирза охал и ахал, поглаживая левую щеку.
 – Ой, что я наделала?.. Больно вам? Сильно ударила? Простите, я же легонько... – извинялась Ханзада ханум. Ее большие глаза умоляли.
 – Сильно! Очень сильно ударили! Даже голова заболела... – сказал Джахангир Мирза, нахмутив брови. – Погладьте, может быть, боль пройдет...
 – Хорошо, мой милый принц! – Ханзада ханум стала старательно гладить левую щеку и голову Джахангира Мирзы. – Боль, боль, покинь голову! Иди к развалинам! Иди к горам! К пескам иди! Покинь сию минуту! Сгинь, сгинь, сгинь!... – торопливо зашептала заклинания принцесса.
 Джахангир Мирза, еле сдерживавшийся от смеха, пользуясь случаем, обнял ее за тонкую талию. Только тогда Ханзада ханум поняла, что принц слукавил. Она ничего не успела сказать. Не выпуская ее из объятий, принц направился к царственному ложу. Долго они озорничали в постели: обнимались, кувыркались, боролись.... Через какое-то время над их головами начали весело парить ангелы...
 Молодость принца и принцессы еще позволяла им шалить. Джахангиру Мирзе было девятнадцать, а Ханзаде ханум – шестнадцать лет...

II

Через два месяца Амир Темур отправился с войсками в Джету. Джахангир Мирза в составе авангарда в сопровождении Шайха Мухаммада Баён сулдуза и Адилшаха жалайира продвинулись намного вперед. В их задачу входило преследование Амира Камариддина. Как сказал «язык», пойманный в Джете, Амир Камариддин не знал о походе Амира Темура. Войско остановилось в местечке Бойтог, недалеко от побережья Иссык-Куля.
 Амир Темур отправил Джахангиру Мирзе высочайший указ:
 «Повелеваю задержать Амира Камариддина!»
 Джахангиру Мирзе сообщили, что Амир Камариддин скрывается в горах. Оказалось, что правитель Джеты обосновался в окрестностях Баракаи Гуриён¹. Амир Камариддин, увидев доблестное войско принца, до утренней зари сбежал в горы. Бахадурам удалось уничтожить половину войска противника. Особенную смелость проявили джигиты Ахий Джаббара бахадура. Осадив местный каменный дворец, они захватили богатую добычу. Погиб только один из нукеров Ахий Джаббара, лучший друг Йулкутлуг, что очень расстроило отважного военачальника.
 Эх, можно было бы как-то смириться, если бы этот доблестный воин погиб от вражеской стрелы... Но судьба распорядилась иначе. Йулкутлуг погиб при взятии неприступного каменного дворца. Открыть огромные ворота было сложно, и Йулкутлуг, потеряв терпение, бросил веревку с крюком на отвесную десятиаршинную стену. Учкора, следя за ним, предупредил: «Будь осторожен, друг мой», мурлыча любимую песню:

Земля не насытится дождем,
 Жена – мужем... никогда...

Когда осталось несколько шагов до цели, крюк со стены почему-то сорвался! Поговаривали, что один их воинов неприятеля скинул злосчастный крюк. Йулкутлуг скончался на месте, не приходя в сознание. Покойный был верным и преданным другом...

Джахангир Мирза направил в Хумаюн урду гонца с донесением о сложившейся ситу-

¹ Баракаи Гуриён – около нынешнего города Алма-Аты.

аши, при которой невозможно задержать Амира Камариддина, бой хотя и выигран, но враг сбежал в горы. Нет необходимости приезжать сюда достопочтенному Сахибкирану, принц готов и полон желания пуститься в погоню за злейшим врагом, если на то будет воля Его Высочества...

Но неожиданно из Хумаюн урду был получен фирман, гласивший, что принц Джахангир Мирза со своим войском должен возвратиться в Кара Касмак.

Возвратившись, принц тут же нанес визит Сахибкирану и, преклоня колени, представил богатую добычу.

– Дай Бог вам удачи, мой принц! – Амир Темур был рад, что его любимый сын вернулся с победой. – Вернулись с такой богатой добычей...

– Мы старались, достопочтенный отец! – приложив руку к груди, поклонился принц. – Хотя немного, но надеемся, что ценное...

Лучшим подарком от Джахангира Мирзы были младшая жена Амира Камариддина Буён ока, красавица, дочь Дилшад ока, и несколько прелестных невольниц.

Амир Темур улыбнулся. Джахангир Мирза был недоволен собой, ему казалось, что он не смог как следует образовать отца, упустил Амира Камариддина, он не смел поднять глаз на отца. Амир Темур понял причину смущения принца и, чтобы ободрить сына, хотел было сказать что-то, но не успел. Джахангир Мирза виновато вымолвил:

– Как могли, Амир Сахибкиран... Это все, что сумели добыть. Если надо, я жизнью пожертвую ради вас...

Амиру Темуру стало не по себе, и он дрожащим голосом возразил:

– Не говорите так, сынок, никогда больше так не говорите! Не следует вести такие речи! Ваша жизнь нужна вам самому, нам нужна! Самый лучший подарок для нас – это ваша жизнь и ваше здоровье. Пусть Аллах хранит вас!

– Прошу прощения, достопочтенный Сахибкиран! – склонил голову Джахангир Мирза. – Допустил бестактность...

– Не говорите так... А что до Камариддина, то мы поймем его. Увидя вашу отвагу и вас, такого славного богатыря, грозного, как лев, он перепугался и бросился наутек, бесчестный трус! Совершает набеги на нашу страну, а сам – в кусты. Но от нас он не уйдет! Когда придет время, я поручу лично вам поймать его. Еще приведете его ко мне со связанными руками! Не принимайте близко к сердцу, на падайте духом, сын мой!

Джахангир Мирза отметил проницательность отца и был благодарен Сахибкирану за понимание. С любовью глядя на отца, он испытывал гордость, что является сыном такого человека.

...Возвращаясь в Самарканд, Амир Темур свернул на привал в долину Арпа ёзи¹, о которой много слышал.

Река, пересекающая долину, благодатно орошала округу. Живописные окрестности радовали глаз. Амир Темур еще в Кара Касмаке почувствовал симпатию к неотразимой красавице Дилшад оке. Вина цветка в том, что он безупречен... Сохибкиран пожелал украсить свой славный гарем этой красавицей, решив взять Дилшад оку в жены...

– Пусть трубят свадебные карнаи! – был дан указ.

Дастарханы ломятся от яств, усердные виночерпии угощают гостей красными винами в золоченых пиалах. Радости и веселью нет конца, музыка гремит на всю округу, от прекрасных песен тает сердце. Все с удовольствием благословляют судьбу, соединившую звезды доблестного Сахибкирана и степной красавицы.

Войску было дано три дня отдыха. Узгенд большой город и воины растеклись по нему, словно вода по песку. Адилшах жалайир с Шайхом Мухаммадом Баёном сулдузом направились в сторону самой величественной гробницы с тремя куполами. После смерти Бахрама жалайира возглавлять род гордых жалайиров стал Адилшах жалайир. Приземистый, коренастый, с узким лбом и правильными чертами лица, он был слегка туговат на левое ухо, поэтому говорил на тон выше. В битве против Амира Камариддина Адилшах жалайир с Шайхом Мухаммадом Баёном сулдузом героически сражались плечом к плечу с воинами Джахангира Мирзы. Принц тому свидетель, но, тем не менее, он поручил Ахий Джаббару бахадуру не спускать с них глаз.

Оба амира вошли в гробницу и у изголовья могилы опустились на колени, Адилшах жалайир прочитал молитву:

– Господин жалайир! – прошептал Шайх Мухаммад Баён сулдуз после молитвы, оглядываясь по сторонам. – Как вы заметили, несмотря на мужество и героизм, проявленный в сражениях, мы все равно остаемся в тени... Вон, Камариддина обратили в бегство, а все почести – престольному принцу Джахангиру Мирзе! На его имя была отправлена и государственная поздравительная грамота. Куда ни помотришь – всюду барласы. Все

¹ Арпа Ези – долина у прибрежного города Отбоши, что на юго-востоке от Иссык-Куля.

для них: и звезды, и слава, и признание. А жалайиры и сулдузы остаются в стороне. Житья нам нет! Не-е-е-ет! Если и дальше так пойдет, весь наш род исчезнет... Исчезнет!

– Что вы хотите этим сказать, господин сулдуз? – удивился Адилшах жалайир. – Говорите яснее! Вы же знаете, что я туговат на левое ухо... Говорите громче, здесь никого нет, кроме покойных... Они никому не выдадут тайны... Поверьте!

Адилшах жалайир забыл известную истину, что и стены имеют уши. По другую сторону гробницы у окошка кто-то подслушивал их разговор. Это был Ахий Джаббар бахадур.

– Что эти несчастные задумали? Говорят, никого нет... Разве Аллах не свидетель? – нервничал Ахий Джаббар бахадур.

– Мы ведь разговаривали с вами в Кара Касмаке! – таинственно напомнил Шайх Мухаммад Баён сулдуз. – Помните?..

Адилшах жалайир сразу не смог вспомнить тот разговор. Тем более, тогда столько обо всем говорили. Что имеет в виду Шайх Мухаммад Баён сулдуз: вопрос об отделении Ходжента или об организации беспорядков в Самарканде? Или...

– Я не припомню... О чем говорили, господин сулдуз?

Шайх Мухаммад Баён сулдуз рассердился. Пришлось заново изложить суть разговора, и он, увлекшись, даже не заметил, как его голос зазвучал громче:

– Э... это самое... Амир Сахибкиран... – Шайх Мухаммад Баён сулдуз сделал характерный знак правой рукой у горла. Чуткий на слух Ахий Джаббар бахадур не смог понять, о чем шел разговор, но тут ему на помощь пришел сам Адилшах жалайир:

– Насчет покушения на Сахибкирана?

– Что? Покушение?... – Ахий Джаббар бахадур невольно сжал кулаки.

– Да-да... Именно это... Сейчас настало время... – серьезно продолжил Шайх Мухаммад Баён сулдуз. – Нельзя откладывать! Мы не будем поступать так, как этот недотепа Зиндачашм опарди, да! Помните, чем это закончилось? Не будем надеяться на других, как это делал вонючий Амир Кайхусрав. Мы будем надеяться только на себя! Да, на себя! Тем более, нам сейчас доверяют больше, чем когда-либо: мы сумели показать смелость и отвагу в сражении с Камариддинном! Надо воспользоваться!

– Вот так бы и сказали! Да-да, будем надеяться только на себя! – подчеркнул Адилшах жалайир.

– Господин жалайир! Я все продумал!.. При возвращении в Самарканд, когда мы доедем до Ходжента, вы настойчиво попросите Амира Сахибкирана, чтобы он денек погостил у вас дома, дескать, дух вашего отца возрадуется! Принц Джахангир Мирза, естественно, из уважения к отцу не будет сидеть с ним за одним дастарханом. Сохибкиран останется один. И когда пир будет в самом разгаре... Дальше предоставьте все мне...

– Да, только вспомнил, теперь понял... Хорошо, хорошо! – согласился жалайир. – Угостим Амира Темура должным образом... Хе-хе-хе..

– Организовывают заговор, негодяи! – заскрипел зубами Ахий Джаббар бахадур... – Даже увидев участь смутьянов – не поумнели! Эх, стереть бы сейчас их в порошок! Вот бы здесь прямо сейчас прочесть им заупокойную? И могила рядом! Похороню разом! Нет, это надо донести Амиру Сахибкирану, он сам примет решение!

...Подъезжали к Ходженту. При въезде в город Адилшах жалайир, почтительно встав на колени перед Амиром Темуром и целуя подол его халата, настойчиво попросил посетить его дом:

– Прошу Вас не погнушаться моим гостеприимством, Амир Сахибкиран! Возрадуйте дух моего покойного достопочтенного отца...

– Пожалуйте, Ваше величество!.. – попросил Шайх Мухаммад Баён сулдуз, не сумев скрыть нерешительности.

Амир Темур повелел Джахангиру Мирзе подготовиться к отъезду. Султан Турана решил посетить дом Адилшаха жалайира, дабы узнать, одумались ли неблагодарные ходжентские мужи. Темурбек бывал в этом доме пятнадцать лет назад, когда Амир Боязид жалайир женился на дочери Амира Баёна сулдуза. Потом в этот дом переехал Бахрам жалайир. За это время ничего не изменилось: двор такой же просторный, одноэтажный дом с террасой...

Дастархан уставлен всевозможными угощениями. Амир Темур пробует только фрукты, сохраняя спокойствие, но украдкой следит за происходящим. Заметно невооруженным глазом, что Адилшах нервничает, руки слегка дрожат. Амир Темур подмечает, излишнюю угодливость и слашавость речей.

На самом деле, мысли Адилшаха жалайира были совсем иными: «Амир Боязид жалайир, Сари Буга жалайир верно служили, и что получили взамен?! Ни почестей, ни уважения... Род жалайиров правит салтанатами в Ираке и Азербайджане. А мы?.. Отец Бахрам жалайир за отвагу в балхском сражении был удостоен чести взять в жены супругу Амира Хусейна, дочь Тармаширинхана, Севинч Кутлуг оку и стал кураганом. Да, кураган! А я

сын курагана! Я еще покажу себя, Амир Сахибкиран! Бог даст, жалайир завоюет Туран!..»
 Шайх Мухаммад Баён сулдуз тоже сидит как на иголках, не чувствуя вкуса еды.

«Когда мой достопочтенный отец хаким Самарканда Амир Баён сулдуз правил страной, Темурбек был всего-навсего простым амиром, без роду и племени, не известным далее кишлака Ходжи Илгара... – размышлял Шайх Мухаммад Баён сулдуз. – Это я наследник хакима Самарканда! Божьей милостью я избавлюсь от Амира Темура и сам стану падишахом Турана! Сделаю Самарканд своей столицей!..»

Амир Темур понял, что у хозяина дома злые намерения. Такое осуществляется, как правило, в разгар пиршеств... Его внутренний голос приказал: «Покинь это место!» Сахибкиран еще раз стал свидетелем того, что Аллах божественным откровением хранит его от опасности. Чувствовалось, что настало время...

Он незаметно сильно ушипнул себя за нос, на глазах выступили слезы, из носу пошла кровь.

– Вы чем-то обеспокоены, Ваше Величество Сахибкиран?.. – участливо спросил Адилшах жалайир.

– Что это? Кровь?.. Кровь идет из носа?.. – удивился Шайх Мухаммад Баён сулдуз. – Нужна помощь?

– Нет, вовсе нет! У меня время от времени случается такое... – объяснил Амир Темур, держась за нос. – Выйду-ка во двор... остановлю кровь... Нет, нет, вы не беспокойтесь, сидите, не хлопчите! Не портьте такой вечер. Я сейчас вернусь... Продолжим пиршество...

Амир Темур вышел во двор, вскочил на заранее приготовленного коня. Джахангир Мирза вспыхнул: «Следует проучить этих подлецов! Разрешите мне, я отрублю им головы, как незрелые тыквы!»

– Вы хотите запачкать благословенную саблю кровью этих негодяев, мой принц? Храните ее чистоту! – сказал спокойно Сахибкиран. – Подождите, они еще сами придут с повинной головой... Вот так, управляя государством, приходится притворяться не видящим, хотя видишь, и не знающим, хотя знаешь! Это неписанный закон... Ну, поехали, нельзя терять времени. В Самарканд!

Джахангир Мирза восхитился благородством и чуткостью Сахибкирана, и больше не промолвил ни слова.

Амир Темур нигде не останавливался. Он помнил обещание, данное махди улё Сараймулькханум, и направил коня во дворец Занжирсарай, находящийся неподалеку от Карши, там он решил перезимовать, занявшись любимой охотой.

Была середина зимнего месяца далв¹. После охоты Амир Темур с Джахангиром Мирзой отдыхали во внутренних покоях дворца, мирно обсуждая положение в стране, ситуацию в Дашти Кипчаке и в соседних государствах.

– Говорят, мой принц, что в Дашти Кипчаке стало беспокойно... Весть принесли мои доверенные люди. Ок Урда и Кук Урда выясняют между собой отношения. Не прекращается противостояние между хакимом Мангкишлака, упрямым Туйходжой огланом, и хаконом Урусханом. Лучше, если это противостояние продолжится...

– Прошу прощения, достопочтенный отец! Я бы хотел предпринять поход на Дашти Кипчак... Мечтаю побывать в тех местах. Наши враги любят совершать разбойничьи налёты на беспокойные земли. Не теряем ли мы попусту время?.. Думаю, надо опередить их. Говорят же, куй железо, пока горячо... – словно опытный полководец сдержанно заметил Джахангир Мирза.

Амир Темур приятно удивился разумным речам принца, увидев в них здравое зерно.

– Я не сомневаюсь, вы еще побудете в тех местах, успеете увидеть... Потерпим еще немного. Время само подскажет, что делать, мой принц! Действовать, не оценив ситуации, можно впросак попасть, понести урон. Вы слышали, говорят, беспокойно и в Хоросане...

В это время пришла весть, что Адилшах жалайир готов целовать порог Хумаюн урду. Возмущенный Джахангир Мирза подумал: «Не стыдно ли этому подлецу являться сюда? Нельзя допускать этого негодяя! Нужно выгнать его, как собаку...»

Адилшах жалайир со стыдливо опущенной головой на коленях дополз до ног Сахибкирана и заплакал навзрыд:

– Прошу помиловать, Амир Сахибкира-а-ан! Меня сбили с пути! С пути сбили!.. У меня, видать, не голова, а пустая тыква, нет своего ума... Меня тешили пустыми надеждами, сулили золотые горы, обманули! Вы друг моего отца! Вы мне как родной отец! Решился покуситься на жизнь достопочтенного отца! Я бестолковый, злодей, тварь неблагодарная! Разве я человек?! – плакал жалайир.

В словах Адилшаха жалайира не чувствовалось ни тени фальши. Он искренне раска-

¹ Далв - название одиннадцатого месяца солнечного года (с 22 января по 22 февраля).

ивался и страдал от своей подлости, после отъезда Сахибкирана не знал покоя, не знал, куда себя деть от стыда и горя, терзаясь непростительной ошибкой, хотел даже покончить жизнь самоубийством, но его вовремя остановили...

Джахангир Мирза с ненавистью глядел на Адилшаха жалайира, распластавшегося на земле, и думал: «Негодяй! Совсем потерял совесть, смотрите, как лежит у ног Сахибкирана! Еще рыдает, как баба! Вот сейчас отец скажет, что такой предатель достоин только смерти, и прикажет отрубить ему голову, пнет его, чтобы этот подлый жалайир кубарем покатился вон!». Принц был твердо убежден в этом. Но Амир Темур удивил принца, его покорила излишняя мягкость отца. Разве можно простить того, кто хотел тебя убить? Великодушие тоже имеет пределы. Как можно верить таким людям?..

– Непростительные ошибки считаются грехом, смерть – грех, а исправимые ошибки называются заблуждениями. Заблуждаться свойственно человеку... – сдержанно сказал Амир Темур. – Если осознал свою ошибку, значит раскаиваешься. Говорят, прошлое надо прощать. Да, кто старое помянет, тому глаз вон. Мамат! Одари Адилшаха девятью подарками, пусть его раскаяние отметят пышным угощением.

– С удовольствием, мой государь!

Мухаммад Чурага додах, не теряя времени, приступил к исполнению приказа.

– Благодарю, Амир Сахибкиран! Вы правы, я осознал свою ошибку, осознал! Благодарю! Спасибо! – захлебываясь слезами Адилшах жалайир. – Слава Аллаху... Простили меня, бестокового... доверчивого простофилю... простили...!

Джахангир Мирза и раньше был свидетелем щедрости Амира Темура: Амир Хусейн, Амир Муса... А Зиндачашм опарди – это отдельная история! Пять раз согрешил, но Амир Сахибкиран не велел казнить его, а ограничился лишь распоряжением не допускать этого злосчастного амира к себе, чтобы он на глаза не попадался. Хорошо, что этого негодяя сгноили в темнице. А Амир Кайхусрав? Бахрам жалайир?... Зачем прощать всех? Они вновь и вновь будут подличать. Все равно людьми не станут. От осла – осел, от собаки – собака.

– Убедились, мой принц? – прервал мысли принца Сахибкиран. – Я говорил, что он придет с повинной головой. Вот и пришел... Говорят, Амир Камариддин вновь поднимает голову. Врага превратить в друга – это главная задача человека. Каждый раб божий должен стремиться к этому. Отправлю Адилшаха жалайира, Шайха Мухаммада Баёна сулдуза и Сари буга жалайира с войском в Джету, чтобы они уничтожили Амира Камариддина в его гнезде!

– Не знаю, не знаю... Можно ли им доверять? Мой достопочтенный отец Сахибкиран! – сдержанно поклонился принц. Он чувствовал, что терпение кончается, надо высказать накипевшее на душе. – А если, пользуясь вашей добротой, они затаят злобу ... И что, такие подлые люди, враги салтаната, не будут наказаны?

Амир Темур на мгновение задумался, опустив голову. Он хотел дать обоснованный ответ. Наконец, Сахибкиран тихо заговорил:

– Мой принц! Я вас понимаю, я вижу, что у вас творится на душе... Но... злодейство против злодейства – не удел доброго человека. Умный и мудрый человек своей щедростью и любезностью может превратить злоумышленника и отпетого недоброжелателя в своего единомышленника. На добро легко отвечать добром, но на зло отвечать добром – удел только смелых и благородных людей.

Глава двадцать вторая

I

Для Ханзады ханум близятся счастливые дни. Вот уже два месяца по просьбе Амира Сахибкирана она живет в Боги Чинаре при Сараймулькханум. Султан Турана наказал супруге: «Невестка наша еще молода, не знает, как позаботиться о себе, приставьте к ней опытных нянек, повитух, хорошо осведомленных в этих вопросах!». Потом добавил:

– За всем этим следите сами, Биби!

– С удовольствием, Амир Сахибкиран! – почтительно поклонилась Сараймулькханум. Они были в опочивальне на четвертом этаже.

По сути дела, когда Сараймулькханум узнала о беременности Ханзады ханум, ей захотелось самой воспитывать ребенка, когда невестка разрешится от бремени. Оставалось лишь согласовать это с Амиром Темуром. Но как об этом сказать? Для этого надо улучшить подходящий момент.

Амир Темур каждый четверг гостит в Боги Чинаре. Четверг для падишаха и принцессы считается самым счастливым днем. Сегодня такой день...

Снимая с головы мужа золотую корону (Амир Темур надевал корону по праздникам

и в дни приема послов), Сараймулькханум поняла, что пришел подходящий момент для осуществления задуманного, и умоляющим тоном начала:

– Ваша светлость, Амир Сахибкиран... Мы хотели, если Ваше Величество позволит нам, самим воспитать сладкую ягоду света наших очей, принца народов мира, самим вырастить этот царственный плод... В наших руках... Под нашим присмотром...

Амир Темур с умилением посмотрел на махди улё, которая помогала ему снять золоченый халат. Разумеется, и у него в голове возникала эта мысль. Да и традиции и обычаи дворца таковы. Вот уже шесть лет, как они считаются мужем и женою. Однако Сараймулькханум так и не забеременела... Эх, найдется ли в мире женщина, которая не мечтала бы носить под сердцем дитя? Есть ли женщина, которая не мечтала бы качать колыбель ночами? Сараймулькханум тоже одна из этих женщин, бедняжка... Когда Амир Темур думал о ней, смотрел на полные надежды глаза махди улё, у него сердце сжималось от жалости.

– С богом, Биби! Внука нашего вы сами будете воспитывать!

– Да возвеличит вас Аллах, Амир Сахибкиран! – радостно поблагодарила Сараймулькханум.

Она, словно молодая девушка, с легкостью опустила на колени и стала осторожно разминать правую ногу султана, возлежавшего на царственном ложе. Падишах и царевна выражали Аллаху благодарность за то, что в бурном потоке войн и сражений, военных походов и государственных дел, советов и обсуждений мировых проблем Всевышний даровал им эти счастливые мгновения. В такие минуты они чувствовали себя на седьмом небе и с удовольствием беседовали о семействе падишаха, о воспитании детей, о женщинах гарема и других бытовых делах.

Когда Сараймулькханум своими белоснежными и мягкими руками разминала ноги Амира Темура, он чувствовал покой и умиротворение. Это знали и он, и она. Именно в такие минуты махди улё высказывала свои сокровенные мысли.

– Ока Беги ханум уже выросла... Ей скоро семнадцать... – Сараймулькханум посмотрела на Амира Темура. – Надо бы найти достойного жениха и сыграть свадьбу. Я уже говорила вам об этом, Ваше Величество.

Услышав имя старшей дочери, Амир Темур тепло улыбнулся, представив красивую, добродушную и кроткую Ока Беги ханум, похожую как две капли воды на Джахангира Мирзу. Как-никак рождены одной матерью. Да, дочь нужно выдать замуж. Султан Бахт бегим – скоро четырнадцать.

– Вы знаете Мухаммадбека, сына нашего дяди Амира Мусы. Рассудительный джигит. – Нарушила мысли Сахибкирана принцесса. – Орзумульк ока просила ее руки. Они свои... Не чужие...

– Знаю, знаю, Мухаммадбек хороший парень. Сын вашего дяди, Биби... – Амир Темур надеялся, что такое родство удержит неверного, но очень влиятельного амира Амира Мусу от подлостей... – Да, доброе дело...

Амир Темур, приподняв голову, посмотрел на свое улыбающееся изображение на внутренней стене опочивальни, портрет, нарисованный по просьбе Сараймулькханум. «Да, сейчас не до улыбок... – подумал он. – Джета, под стать своему названию¹, показывает свою разбойничью сущность, все никак не успокоится. Из Хорезма пришли слухи о злоупотреблениях упряма Юсуфа Суфи. Продолжают плести интриги Султан Махмуд ибн Кайхусрав и Махмудшах Бухари. Если рассуждать здраво, то может ли родственник поднять руку на родственника? А с какими намерениями мы сватались! Пока эти два основных вилоята не успокоятся, мы не достигнем своей великой цели – создать салтанат, известный всему миру. Прежде всего – единство, целостность страны, а потом откроется путь к другим достижениям, но его надо проложить быстрее! Цель поистине величественна – осчастливить людей мира, для этого Амир Темур Кураган должен завоевать мир! Только тогда народ страны будет жить счастливо и спокойно!..»

Сахибкиран поманил пальцем Сараймулькханум. Добившись разрешения Амира Темура, махди улё стала капризничать:

– Нет... пусть пойдет к вам Дилшад ока... В последнее время дальше Гулбаг сада вы не показываетесь... Медом там намазано, что ли...

– Сегодня душа тянется к фее Боги Чинара...

– Заботы салтаната заставляют Вас забыть вашу фею...

Амир Темур желал махди улё. Сараймулькханум почувствовала это. Дуть на огонь, начинающий тлеть, раздувая, воспаляя его – это ли ни кокетство? Сараймулькханум не только разжигала страсть султана Турана... Махди улё очень рассудительная женщина, она знает, что малая доля кокетства сладка.

¹ Джета – означает разбойник.

– Вы мой ангел, моя бесподобная фея, краса и цветок моего гарема!
Сараймулькханум растаяла... Она и без того готова была броситься в объятия Амира Темура, но не подавала виду.

II

Старшая дворцовая няня с четырьмя невольницами заботятся о Ханзаде ханум, мотыльками кружатся вокруг нее. Заходя в комнату невестки на первом этаже, Сараймулькханум всегда застаёт там нянек, развлекающих принцессу то сказкой, то песнями. Если Ханзаде ханум захочется днем прилечь, они под всякими предложениями заставляют ее двигаться, зовут на прогулку в сад.

Принцесса тяжело переносила беременность. В последнее время она часто капризничала.

– Как она? Как двигается? Легко или тяжело? – спросила у старшей няньки Сараймулькханум.

Опытная нянька поняла махди улё. По поведению, действиям Ханзады ханум Сараймулькханум хочет определить, кто будет первенцем царственного цветника: мальчик или девочка...

– Слава Аллаху, моя госпожа, движения легкие! – улыбаясь ответила няня. – Движения моей принцессы легкие, да легкие! Волею Аллаха, родится сын, мальчик! Да...

– Ваши слова да Богу в уши! – Сараймулькханум одарила няньку горстью денег.

– Будьте осторожны, наблюдайте за ней, пусть не лежит много, пусть двигается! Ребенок может набрать вес! Почаше выводите на прогулку в сад! Пусть гуляет побольше!

– Поняла, моя госпожа!

Оккиз заботится о подруге больше, чем няньки: ни на шаг не отходит от своей принцессы, днем и ночью рядом с ней.

...Войско Турана двигаясь в сторону Хорезма, достигло окрестности Хос, что в тридцати верстах от города Кат, и остановилось на привал. От бесконечных набегов хорезмшаха Юсуфа Суфи на города Кат, Хевак, Бухара терпение Амира Темура, наконец, лопнуло, он вынужден был вновь отправиться в поход. Много послов было отправлено к хорезмшаху, но все безрезультатно.

Перед выездом из Самарканда к Амиру Темуру привели Шайха Мухаммада Баёна сулдуза, который после Ходжента совсем исчез из виду. Амир Темур был в добрых отношениях с его отцом Амиром Баёном сулдузом. Несколько раз бывал в гостях в Хисари шадмане, да и сам Шайх Мухаммад Баён сулдуз был верным, сдержанным, преданным парнем, но в последнее время шайтан сбил его с пути, и он примкнул к интриганам.

– Достопочтенный отец Сахибкиран! Нужно немедленно повесить этого предателя! Этот неблагодарный заслуживает смерти! – с горечью сказал Джахангир Мирза. Ему казалось, что на сей раз у отца достаточно оснований... Железное терпение Амира Темура должно лопнуть.

– Мой принц! – начал Амир Темур. – Прежде всего, нужно доказать его вину! Не разобравшись, нельзя наказывать невинного человека. Бог этого не простит. Пусть проверят все как следует!

О Боже! И так ясно, как день, что этот нечестивец виновен! Все же на лицо! Разве не он вовлек в заговор Адилшаха жалайира в Узгенде. Это было доказано в Ходженте! Нет необходимости дополнительно проверять!... – думалось принцу, тем не менее, он промолчал.

Когда проверка была закончена, выяснилось, что Шайх Мухаммад Баён сулдуз причастен не только к заговору в Ходженте, но и в Хорезме, в Хисари шадмане, в Ташкенте. По верховному указу Суюргатмишхана виновника отдали в руки Шодравана наймана, организатором убийства брата которого был Шайх Мухаммад Баён сулдуз. Шодраван найман мог бы в возмещение его греха получить много золота, яхонтов, серебра и простить его, но мстительный амир требовал только крови Шайха Мухаммада Баёна сулдуза – и виновнику отрубили голову...

...В окрестностях Хоса воинам дали возможность отдохнуть. Лошадей, освободив от снаряжения, пустили свободно пастись. Поблагодарив Аллаха, все приготовились к отдыху. Неожиданно Мухаммад Чурага додхах объявил, что явился Жаканшах ибн Жаку с вестями из Самарканда.

– Послан хакимом Самарканда господином Амиром Акбуга найманом.

– Пусть войдет!

Амир Темур почувствовал недоброе.

«С какой новостью пришел гонец? Лишь бы в салтанате было все благополучно...» – подумал он.

Жаханшах ибн Жаку, поклонившись Амиру Темуру, сделал шаг назад и передал новость:

– Амир Сахибкиран! Амир Сарибуга и Адилшах жалайир, отправленные в Джету на задержание Амира Камариддина, взбунтовались против салтаната. Увидели, что страна, так сказать, без власти, падишах в отъезде... Обманув градоначальника андижанского вилаята, жалайиры и кипчаки объединились и напали на столицу, осадили крепость. Горожане, вооружившись стрелами и луками, не подпустили нечестивцев к городу...

– Где они сейчас? – Амир Темура начал теревить кончик бороды. Эти предатели поставили его в неловкое положение перед Жахангиром Мирзой...

– Не смогли захватить Самарканд и направились в Бухару.

«Так, бунтовщики хотят объединиться в одном месте... В Бухаре один из заговорщиков – Махмудшах Бухари... – размышлял Амир Жаку барлас, еще не успевший поздороваться с сыном. – Когда-то я проучил его за дурное поведение, предал позору, привязав и протащив его на хвосте лошади. Тогда я хотел казнить этого неблагодарного нечестивца, но Амир Сахибкиран не согласился...»

Джахангир Мирза, услышав недобрую весть, удивился: «Эх, жалайир, жалайир! Только прошлой зимой Адилшах жалайир валялся в ногах отца в Занжирсарае, целуя землю, умолял простить за Ходжент... Неужто все забыл?.. Ведь еще и полгода не прошло! Да, верно говорят, осел родит осла, собака – собаку!»

Принцу стало жалко отца, задумчиво теревившего кончик бороды. Жаль, ах, как жаль! Как он, Амир Сахибкиран, верил этим негодьям! Хотел увидеть листья, посадив сухую палку, или вырастить цветок на камне. Теперь можно сказать: «Вот, видите, мой достопочтенный отец, оказывается, я был прав, там, еще в Ходженте, Адилшах должен был быть наказан по заслугам!».

Джахангир Мирза встал с места, приложив руку к груди, собираясь что-то сказать Амиру Темуру, но, странно, начал не о том, а совсем о другом:

– Мой достопочтенный отец, Сахибкиран! Если Хумаюн урду позволит мне, я со своим войском отправлюсь в путь, чтобы не дать возможности воинам Адилшаха войти в Бухару... Мне кажется, опасно дать возможность объединиться двум коварным врагам...

Амир Темура долго смотрел на Джахангира Мирзу, будто впервые увидел его. Слегка побледневшее лицо сына Сахибкиран объяснил яростью, охватившей его... Каким расудительным растет Джахангир Мирза! Не стал ворошить прошлого – ведь мог смутить отца – а занят поисками выхода из трудного положения! Амир Темура сам хотел отправить Джахангира Мирзу навстречу врагу, остановить его, а потом и самому отправиться туда. Решение сына рассеяло его мрачное настроение, гнев отступил...

Амир Жаку барлас поддержал Джахангира Мирзу.

– Престольный принц принял совершенно справедливое решение, Амир Сахибкиран!

– Хумаюн урду разрешает вам! Езжайте, проучите этих неблагодарных нечестивцев! – строго сказал Амир Темура. – Пусть Аллах сохранит вас, мой принц!

Войско Джахангира Мирзы перекрыло дорогу врагу в окрестностях Карманы. В это время и Хумаюн урду подошли к Рабати Малик, что недалеко от Карманы. Узнав об этом, Адилшах и Сарибуга отступили и предпочли убежать в сторону Дашти Кипчака...

...Первый высочайший фирман, объявленный Хумаюн урду после возвращения Туранского войска в Самарканд, не удивил ни сановников, ни простых людей. Согласно фирману весь род жалайиров за неоднократные предательства распущен и роздан всем влиятельным амирам. Спустя некоторое время, пришла тревожная весть из Андижана. Упрямец Камариддин, сбитый с толку Адилшахом жалайиром и Сарибуга жалайиром, совершил поход в Андижан, превратил город в руины... И по сей день блаженствует в Андижане...

Мухаммаду Чурага додхак было поручено срочно созвать машварат в Куксараяе.

– Есть ли средство обуздать коварного Камариддина? – тихо спросил Сахибкиран членов машварата. – Всегда у нас проблемы с этим негодяем и жалайирами... Если в красивейшем уголке нашей страны свободно разгуливает враг, как мы здесь, в столице, можем быть спокойны? Враг в Андижане, а наш милый Умаршайх Мирзо скитается в горах Оша...

Хотя Амир Темура говорил тихо, в его словах скрывалась настоящая буря. В мгновение наступила тишина. Все чувствовали себя неловко от такого начала машварата, будто были виноваты в случившемся.

Амир Сайфиддин некуз заметил пристальный взгляд Суюргатмишхана, будто просивший его высказаться.

– Царственная власть – это некая золоченая одежда, Аллах надевает ее на своего любимого раба... – начал говорить Амир Сайфиддин некуз. – Та-ак-с... Эти неблагодарные нечестивцы встали на путь обмана. Где видано, чтоб капля равнялась с морем, синица бо-

ролась с ястребом? Уму не постижимо! Коли так, пока падишах не проявит жестокости, страна не будет знать покоя. Нужна жесткость, Амир Сахибкиран!

– Прошу помиловать старика, Ваше Превосходительство! Если вы позволите мне управлять баронгаром – правым крылом войска, – я разберусь с происками Адилшаха жалайира, – заявил Амир Жаку барлас, его ярость выдавал побледневший след от удара сабли посредине носа.

Взял слово Амир Довуд дуглат:

– Амир Сахибкиран, – начал он басом, – прошу вас дать мне жавангар – левое крыло войска, – я распотрошу этого петушка Камариддина, считающего себя бойцовым петухом... Да-да, вышippаю все его перья по одному!..

– Сарибуга жалайира, с вашего позволения, Амир Сахибкиран, я уничтожу сам, – присоединился Суюргатмишхан.

Амиры поддержали всех выступивших и выразили свое согласие с ними.

– Примите мою благодарность, господа! – сказал Амир Темур. Немного подумав, добавил: – Что касается походов против Джеты, то допущено много ошибок, во всем виноват один я! Осознаю...

Амиры быстро переглянулись... Амир Довуд дуглат басом сдержанно возразил:

– Причина всего этого смута, в неоперившейся курице Камариддине. Это мы недостаточно решительно действовали, не довели дело до конца, приходится это открыто признать... Очень жаль, что он из рода дуглатов... Опозорил весь наш род. Вы вовсе не виноваты!

– Нет, на вас нет никакой вины! Поняли! – подтвердил Амир Муса, который до сих пор сидел молча.

«Да, вы виноваты, Амир Сахибкиран! – подумал Мухаммад Чурага додхак. – Ваша вина в том, что вы доверяете каждому проходимцу и злодею, прощаете всех». Но это не прозвучало.

– В походе против Джеты допущено много ошибок, и все по моей вине, – сдержанно повторил Амир Темур. – Говорят, если себя считаешь тигром, то другого считай львом. Дело, которое можно завершить за раз, заставляет возвращаться к нему в пятый раз. Для салтаната Турана это непростительно... Слов много, но время дорого. Надо немедленно отправляться в Андижан. Какой совет даст Амир Сайфиддин некуз, когда отправимся?

Амир Сайфиддин некуз, знаток астрологии, по своей привычке кашлянул разок и сказал:

– Та-ак-с, подходящим днем можно считать следующую среду. В среду к полудню святое время считается, Амир Сахибкиран!

– Святое время!

– Святое время! – послышались голоса со всех сторон.

– Господин Амир Жаку! К среде приготовить все походное снаряжение! Собрать всё войско!

Амир Темур понял необходимость серьезной подготовки для окончательного уничтожения упрямяца Камариддина. Не решив этой задачи, невозможно осуществить другие великие замыслы! Необходима решительность! Твердая воля!

Когда Сахибкиран раздумывал о походе против Камариддина, придворный объявил о прибытии гонца из Боги Накши жахан. В Хумаюн урду вошел десятник Джахангира Мирзы Ахий Джаббар бахадур и, поклонившись, поцеловал ноги Амира Темура. Сохибкиран обратил внимание на встревоженный вид запыхавшегося гонца. Что случилось? Или невестка Ханзада ханум разрешилась от бремени? Только вчера Сараймулькханум говорила, что она на сносях. Какую же милость оказал Аллах? Даровал мальчика – будущую надежду мира? Или девочку, достойную называться принцессой мира? Может, этот гонец скакал, торопясь скорее получить сунучи от самого Сахибкирана, невольно его рука потянулась к карману.

– Прошу помиловать, Амир Сахибкиран...

– Помиловал...

– Принц народов мира, престольный Джахангир Мирза... внезапно заболел... Светлую голову не может оторвать от подушки...

Удивленные этой новостью амиры переглянулись.

Сердце Амира Темура учашенно забилося, но он не показал своего беспокойства. Заболел любимый сын Джахангир Мирза – цветок сада салтаната, свет его очей, радость его сердца... Вот уж сколько дней тревожилось сердце Сахибкирана. Вот, оказывается, причина. Еще в окрестностях Хоса, когда сын собирался в Бухару, чтобы встретить там вражье войско, он обратил внимание на его бледность. Ничего не поделаешь. Недаром говорится: в береженный глаз соринка попадает, принц частенько стал болеть. Амир Темур видел, что сын, несмотря на плохое самочувствие, считает недостойным не

участвовать в походах. Хочет всегда быть рядом со своим достопочтенным отцом. Принял участие во всех четырех походах против Джеты. «Внезапно захворал... В последнее время испытывал слабость... Вот чего я больше всего боялся...» – подумал Сахибкиран.

Амир Темур в сопровождении сановников немеленно отправился в Боги Накши жахан. В саду увидел Кутлуг Туркан ока, Ширин бика, невольнич гарема. Глазами искал Сараймулькханум, но вспомнил, что она может быть с Ханзадой ханум в Боги Чинаре. Да, нельзя, чтобы в Боги Чинаре знали о болезни Джахангира Мирзы. Об этом надо предупредить Амира Довуда дуглата. Но будет лучше, если это поручить самой Сараймулькханум.

Амир Темур вошел в комнату Джахангира Мирзы и увидел его спящим. Дышал он спокойно. Лицо было бледным... Рядом с ним сидел Мир Сайид Барака. Кутлуг Туркан ока просила духовного наставника помолиться за принца. Семейный лекарь Намазходжа Шаши занят приготовлением различных снадобий. Ему помогают еще несколько лекарей.

Все отступили, дали дорогу Амиру Темуру. Он, склонившись над головой Джахангира Мирзы, приложил губы к его лбу, он был влажным от горячего пота. Схватив руки сына, султан заметил умоляющий взгляд Намазходжи Шаши. Семейный лекарь топтался в нерешительности, не зная как предупредить Амира Темура.

– Простите меня, Ваше Величество Сахибкиран... – шепотом сказал Намазходжа Шаши. – Нельзя беспокоить принца, ему нельзя двигаться, всю ночь он не сомкнул глаз, слава богу, кризис прошел... Только недавно уснул...

– Что же случилось с ним? – обеспокоенно спросил отец.

– Тело принца покрылось каплями пота... пульс участился, дыхание тоже. Появилась сильная жажда, ему захотелось на прохладный свежий воздух, на мой взгляд, в добром его сердце чувствуется слабость... На все воля Аллаха! Даст Бог, поправится!..

Видя Джахангира Мирзу, беспомощно распростертого на постели, глаза Амира Темура наполнились слезами, но он усилием воли не позволил им пролиться.

– Да ниспошлет нашему принцу исцеление милостивый и милосердный Аллах! – открыл руки для молитвы Мир Сайид Барака. – Аминь!

– Да ниспошлет Аллах исцеление! – сказали все, проведя руками по лицу.

Да, на этом свете каждый шаг раба божьего – величайшее испытание... Благоразумный раб божий добродетельной своей жизнью должен пройти через все испытания, проявляя разумение и сообразительность. Каких только испытаний не перенес Амир Темур! За все он благодарит Всевышнего. Вот сейчас он, султан Турана, находится между трех огней! Любимый сын Джахангир Мирза вдруг захворал, говорят, слабое сердце. Странно... Неужели у двадцатилетнего молодого человека в расцвете сил может быть слабым сердце?... Амир Темур в этом возрасте был способен горы свернуть, сила и отвага его не имели предела... Как жаль, жаль!..

В эти же дни вот-вот должна разродиться его любимая невестка Ханзада ханум... Днем и ночью он в молитвах просит Всевышнего быть милосердным к ней так же, как и ко всем рабам его. Ибо это его первый внук, слава Аллаху, первый внук! Гляньте, вторая невестка, другая жена Джахангира Мирзы, Бахт Мульк, тоже беременна, так что Амир Темур постоянно должен быть в Самарканде! И в такое время враг напал на страну, чужая нога топчет родную землю... Какой человек в такой час будет спокоен? Другие могут, но Амир Темур Кураган этого не потерпит! Ни в коем случае! Так какой же путь выбрать? Остаться в Самарканде или идти навстречу врагу? Какое решение принять?

Сохибкиран вдруг вспомнил слова шайха Бурханидина Маргинани из книги «Ал-Хидая». Странно, что живший двести лет назад Великий имам сумел точно найти те слова, которые тронули в свое время душу Сахибкирана! «Если враг нападёт на страну, то защита родины становится обязательной для всех – было написано там. – Даже женщина, не спрашивая разрешения мужа, а раб – разрешения своего хозяина, должны вступить в бой против захватчиков. Ибо в таком случае, защита Родины становится «фарзи айн», то есть самым первым долгом».

Родина священна! Нет ничего священнее! Надо стереть с лица земли врагов, которые топчут его родную землю! Это и есть тот самый «фарзи айн», о котором писал Великий имам! Необходимо начать поход против Джеты! Против Джеты!..

В среду Его Величество султан Турана Амир Темур Кураган оставил больного Джахангира Мирзу на попечение лекарей и во главе большого войска отправился в поход.

Глава двадцать третья

О последних событиях, происшедших в Боги Накши жахане, никто из обитателей Боги Чинара, естественно, не узнал.

Сараймулькханум встретила у ворот своего дворца Амира Темура. Они сели на узорчатом сури у анхора.

– Ситуация сложная, Биби. Вернемся скоро, если Аллаху будет угодно.
 – Да будет так, мой повелитель... – грустно сказала царевна.
 – Как самочувствие нашей невестки?
 – Слава Богу... Все хорошо.
 – Будьте внимательны, оберегайте ее! – наставлял Амир Темур. – Не говорите ей о недомогании принца. Желательно уберечь невестку от недобрых вестей. Пусть разрешится благополучно. Передайте ей, что принц тоже отправился в поход...

Обеспокоенная и состоянием Ханзады ханум и тяжелой болезнью принца, Сараймулькханум совсем опечалилась. Некстати ее опора уезжает, оставляя царевну одну...

– Хорошо, мой повелитель... – произнесла Сараймулькханум, едва сдерживая слезы... – Да спасет Вас Бог!

Амир Темур, чтобы не расстраивать невестку, решил не встречаться с ней, лишь пожелал: «Да сохранит ее Всевышний!»

...Абрикосовые, персиковые деревья и виноградники, наслаждаясь щедрыми лучами солнца, радуют глаз изобилием плодов, особенно в месяце саратан. Ханзаде ханум больше всего нравится гулять в саду. Они проходят через гранатовый, грушевый и айвовый сады... Потом останавливаются напротив дворца, и присаживаются отдохнуть у большого анхора. Для принцессы нет большего наслаждения, чем смотреть на прозрачную воду и предаваться своим мыслям...

Рядом с анхором клумбы с прекрасными благоухающими цветами. Если смотреть вдаль тропинки между цветниками, посыпанную красным песком, открывается изумительная картина величественного дворца с золочеными колоннами, сверкающими на солнце. Две чинары, растущие рядом со дворцом, взмахнули ввысь и хвастливо покачиваются, зная, что сад назван именно в их честь – Боги Чинор...

Чинару справа сравнивали с достопочтенным отцом, а чинару слева с его сыном. Сараймулькханум рассказала об этом Ханзаде ханум.

Сидя у анхора, Ханзада ханум перевела взгляд с чинар на царевну и спросила:

– Ваше величество, а где сейчас «отец и сын – чинары»? Что-то их долго нет?

– Они давно в Андижане... – Сараймулькханум уверенно продолжила: – Как нам известно, их высочество обратил врагов в бегство...

...Действительно, узнав, что Амир Темур идет с громадным войском, куроподобный Камаридин убежал из Андижана. Амир Темур оставил Умаршайха Мирзу в Андижане, а сам повернул коня в Атбаши, где скрылся враг.

В долине Арпа Ёзи был создан машварат.

– Пока жив этот негодяй, желание грабить и убивать у него не иссякнет, Амир Сахибкиран... – яростно всплеснул руками Амир Улжайту. – Да, нет предела его злодейству. Этот коварный плут еще много неприятностей принесет, да...

– Этого проклятого непременно надо поймать! Он всегда найдет лазейку, чтоб улизнуть! Надо помешать ему это сделать! – сказал упитанный, маленького росточка смуглый Хинду Каркара кипчак.

– Да, надо поймать его! – поддержал Хинду Каркары, человек с острым подбородком, смахивающим на орлиный клюв, сын Амира Жаку барласа кипчака Жаканшах ибн Жаку.

Аббас бахадур думал иначе:

– Догнать хитреца Камаридина можно... Однако разумнее вернуться, Амир Сахибкиран... По двум важным причинам. Первая – мы уже выгнали захватчика из нашего дома, как говорится в народе, за нору мыши – тысячу тенгя. Сейчас он ищет себе убежище, новую нору. Во-вторых, враг очень хитер и коварен. Он хорошо знает каждое ушелье в горах, каждый уголок пустыни, на его поиски уйдет много времени...

Амир Темур, глядя на выступающего, стал поглаживать длинными пальцами недавно остриженную черную бороду. Он понял ход мыслей Аббаса бахадур. Бахадур жалеет Сахибкирана. Хочет напомнить, что в Самарканде болен принц Джахангир Мирза, на сносях Ханзада ханум. Слава Богу, установлен мир на земле, враг изгнан...

В этот момент Мухаммад Чурага додхах прервал машварат.

– Суюнчи, Амир Сахибкиран! Суюнчи! Гонец из Самарканда!

– Суюнчи? За что суюнчи?.. – слышались удивленные голоса со всех сторон.

На пороге показался гонец Шадраван найман. На его левой щеке была родинка, похожая на бородавку. Он поклонился Амиру Темуру и, отступив назад, сказал:

– Привез добрую весть из Самарканда! В столице торжество в разгаре. В царственном саду зашел новый цветок! Супруга высокопочтимого принца Джахангира Мирзы Ханзада ханум, волей Аллаха, подарила семейству падишаха красивого мальчика! Поздравляем, Амир Сахибкиран!

Радость наполнила шатер, амиры стали поздравлять Темурбека. Мухаммад Чурага додхах торопился передать просьбу махди улё:

– Вас просили дать имя сыну принца!

Амир Темур, с радостной улыбкой оглядев всех, был исполнен благодарности. От радости у него запершило в горле...

– Сын принца... да-да... родился сын принца, принц... – промолвил тихо Амир Темур и подумал: «Отпрыск моего Джахангира, в будущем он будет править салтанатом, станет султаном Турана! На весь мир прославит царство Турана. Да будет его имя подобно священному имени нашего пророка, честь и слава султана! Да, пусть он будет назван Мухаммад Султан!

Давно он мечтал так назвать внука. Мечта его сбылась.

Он обратился к сидящим:

– Мы назвали имя... Мы назвали его Мухаммадом Султаном...

Со всех сторон зазвучало: «Мухаммад Султан! Мухаммад Султан! Благородное имя! Да будет он благословлен!»

Амир Темур, протягивая вознаграждение Шадраван найману, горсть золотых монет, спросил о здоровье Джахангира Мирзы.

– Слава Аллаху, чувствует себя хорошо... Махди улё просила Вам передать, что за здоровьем принца в Боги Накши жахан следят опытные лекари, пусть будет спокоен Амир Сахибкиран... – поклонился Шадраван найман.

На душе просветлело. Был объявлен указ Хумаюн урду о торжествах в честь рождения Мухаммада Султана. Устроили пышный пир.

Амиру Темуру захотелось птицей полететь в Самарканд, но негодник Камариддин, как кость в горле, мешал ему.

– Не вернусь в Самарканд, пока не сведу счеты с Камариддином! – заявил Сахибкиран.

Через два дня разведчики Сахибкирана сообщили, что Камариддина в Атбаши нет, он опять куда-то исчез. Амир Темур по следу врага срочно отправил Аббаса бахадура, Хинду Каркару кипчака и Амира Халила, а сам с двумя сотнями воинов спокойно, без шума прибыл в Атбаши.

Через какое-то время произошло неожиданное! Прибежавший гонец бросился к ногам Сахибкирана:

– Прошу помиловать, Ваше Величество! Ваше Величество!

– Говори!

– Новые вести от дозорных! Слева наступает многочисленное войско!

– Чье же это войско? – удивленно спросил султан у Жаханшаха ибн Жаку.

– Я узнал, чье это войско, Амир Сахибкиран! Это войска Камариддина...

– Что-о-о? Камаридди-и-и-на?

– Да! Значит, он пустил ложный слух о том, что сбежал, а на самом деле с четырьмя тысячами воинов устроил нам засаду...

– Будь он проклят!

Амир Темур, который не предполагал, что враг может оказаться рядом, впал в ярость: прищуренные большие глаза засверкали гневом, он вскочил с места, уязвленный обманом коварного врага. Он знал, что силы неравны, ситуация сложнейшая, а его основное войско отправилось по ложному следу Камариддина...

Амир Темур немедленно собрал воинов и повелел:

– Пусть все двести всадников привяжут к своим коням по две вязанки хвороста, чтобы, подняв пыль до самого неба, устроить врага, будто идут несметные войска! Чтобы двести воинов показались врагу ратью в двести тысяч! Пусть пять бахадуров ночью незаметно поднимутся на гору и в пяти местах разведут огонь! Чтобы враг, увидев костры, подумал, что он окружен войском Амира Темура!

...Через пару часов Амир Темур, стоя перед готовым к выступлению войском, воскликнул:

– Победа над противником зависит не от большой численности, а от поддержки Всевышнего! Не проявлять слабости! Не бояться, надеяться на божью поддержку, смело и уверенно с саблями наперевес броситься на врага!

– За Аллаха, за Родину, за падишаха! Вперед на врага!

– За Аллаха, за Родину, за падишаха! Вперед на врага! – раздались крики воинов.

Амир Темур резко выташил из ножен свою легендарную боевую саблю, размахивая ею, крикнул: «Слава только на поле боя! Бей врага! Бей!!!», – и бросился вперед.

Всевышний, Господь мира вселил в душу Амира Темура величайшую отвагу, он мужественно вступил в беспощадную схватку! С таким же ожесточением и напором начали бой Амир Улжайту и Амир Муса. Это воодушевило нукеров. Никто не думал о спасении своей души. Началась великая битва. Мужество, неустрашимая отвага великого воина Турана заставили врагов разбежаться. С криками «Бежим! Беда пришла! Беда!», – неприятель трусливо отступал.

Войско салтаната сумело разделить вражью силу надвое. Камариддин, наблюдавший за ходом боя с холма, что в фарсах от поля сражения, негодовал. Его воины в панике бежали. Столб пыли от взынок хвороста и костры сделали свое дело, посеяв страх и панику в сердце врага.

– И на сей раз удача отвернулась от нас, опять мы не смогли поймать на крючок этого хромца! Четырехтысячное войско не может одолеть толпу из двухсот человек! – в ярости сжимал кулаки Камариддин. – Когда ненавистный враг был уже в ловушке, эти трусы... Теперь такого удобного случая, наверняка, больше не будет... Бестолочи! Ротозеи! Распысь! Я вам покажу, бестолковые!

Камариддин, проклиная своих военачальников, оставив поле боя, с позором бежал. К вечеру бой закончился.

«Опять я упустил этого карлика-смутьяна! Был совсем рядышком! Самое время было схватить его! Теперь такого удобного случая, наверняка, больше не будет...» – раздраженно думал Амир Темур.

Стало известно, что убитых в сражении более пятидесяти. Амир Темур не пожалел теплых слов своим воинам-победителям:

– Честь и хвала вам, о благословенные львы земли Турана! Слава, волею Аллаха, вам, отважной горстке, заставившей разбежаться четыре тысячи вражьи воины! Наша победа – милость Аллаха. Стих второй суры «Бакара» из Корана гласит: «Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные войска, по воле Божьей. Бог с терпеливыми!» Вознесем же славу Аллаху!

– Слава Аллаху! Слава Аллаху! – могучие крики докатились до самого неба.

Десятникам, проявившим смелость и отвагу, Амир Темур присвоил звание бахадур. Султан Турана часто повторял: «Величайший грех, когда воины не жалеют жизни ради тебя, а ты жалеешь золото, жемчуг и серебро!». Щедро одарил Сахибкиран своих доблестных воинов золотом, жемчугами, добрыми скакунами, оружием, а амиров – почетными одеяниями, саблями и царскими поясами. Хумаюн урду объявил о трехдневном отдыхе. Ждали прибытия Аббаса бахадур и его дружины, которая преследовала врага на севере. Торжество по случаю победы было в разгаре... Но нет покоя в душе Амира Темура. «Как здоровье любимого сына? Встал ли он на ноги? Может быть, рождение Мухаммада Султана оказало целебное воздействие? Увидел ли он своего сына? Какие чувства испытал? Сегодня-завтра от гонца он узнает имя сына... Ханзаде ханум, видно, не легко... От второй невестки новостей пока еще нет ...»

II

Дорога от Боги Чинар до Боги Накши жахан, пролегает через весь город.

Голубой паланкин невестки Сахибкирана Ханзады ханум медленно выплыл из ворот Боги Накши жахан...

После родов сорок дней Ханзаде ханум не говорили о болезни Джахангира Мирзы и о том, что он в Самарканде. Когда принцесса спрашивала о супруге, ей отвечали, что он в походе, мужественно сражается с врагами. Услышав, что к Амиру Сахибкирану отправили гонца с сообщением о рождении Мухаммада Султана, Ханзада ханум обрадовалась. Значит, эту добрую весть узнает и ее Джахангир Мирза! Ах! Мухаммад Султан их первый сын, их долгожданное дитя! Они просили Аллаха даровать им сына! Наверное, принц уже знает, но постеснялся отца, не выехал сразу, а так непременно отправился бы в Самарканд, чтобы быстрее увидеть сына! Не поскакал, нет, полетел бы, словно птица!..

Ханзада ханум представляет момент встречи со своим принцем, воображает, как Джахангир Мирза нежно берет на руки младенца, баюкает его и от этого приходит в восторг. Младенец и мать окружены заботой, няньки заняты ребеночком, ухаживают за ним, купают, пеленают. Махди улё Сараймулькханум все сорок дней предупредительна с Ханзадой ханум, ни на минуту не оставляет ее без внимания.

Перед отъездом в Боги Накши жахан, на тридцать девятый день Ханзада ханум с Оккиз вышли на прогулку в сад. Давненько они вот так не гуляли. Весело болтая, они приблизились к любимому анхору. Здесь можно полюбоваться на любимые принцессой чинары.

Ханзада ханум зачарованно смотрела на цветник, на чинары. Взглянула и... вздрогнула! Не поверила глазам своим: одной из двух чинар, той, что слева, которую Джахангир Мирза называл сыном... не было на месте!

– Моя принцесса! Вам нездоровится? – встревоженно спросила Оккиз, схватив за руку Ханзаду ханум, которая после родов стала похожей на тоненький саженец. Принцесса покачнулась.

– Чем-то обеспокоены?

– Ок!.. Чинара... Где чинара? Одна из тех чинар?..

– Ах, да... Высохла... – равнодушно сказала Оккиз. – Вчера вырвали с корнем. Еще до рождения Мухаммада Султана начала сохнуть...
По телу Ханзады ханум пробежали мурашки.

...Бедная принцесса узнала все потом, узнала и чуть не лишилась чувств! Сараймулькханум обняла невестку, поцеловала в лоб и, с любовью поглаживая ее голову, постаралась успокоить:

– Не печальтесь, моя принцесса! Не печальтесь! Просим милости Аллаха. Аллах всемогущ! Сам дал болезнь – сам и излечит...

Говоря это, Сараймулькханум не могла остановить слез, льющихся из ее красивых глаз.

– Почему я не знала? Как я могла не знать этого? Ведь я была рядом, могла бы быть опорой... – сокрушалась Ханзада ханум. – Почему не дали знать, ханимайим? Почему-у-у? Ведь я...

– Милая моя, принцесса!.. Не печальтесь... – Других слов Сараймулькханум не могла подобрать. – Вот увидите, наш принц поправится!..

Духовный наставник и лекарь, услышав о приближении махди улё и принцессы, предупредительно вышли. Женщин встретила госпожа Кутлуг Туркан ока. Старшая сестра Сахибирана вот уже пять недель не отходила от принца.

Вначале казалось, что болезнь скоро пройдет. Но изо дня в день принц становился все слабее и слабее... Временами терял сознание, потом вновь приходил в себя, ночами бредил. Он исхудал. На лице нет прежнего румянца. В широкой постели его почти не видно.

– Где мой принц? Принц мой где?.. – вбежала в опочивальню Ханзада ханум...

Сараймулькханум, которая только что успокаивала бедную Ханзаду ханум, теперь сама нуждалась в чьей-то поддержке. Она, едва сдерживая рыдания, нагнулась над головой больного, поцеловала в лоб, горькая слеза упала на лицо принца...

Ханзада ханум, увидев исхудавшего принца, потеряла сознание. Кутлуг Туркан ока и Сараймулькханум, забывав обо всем, бросились к ней. Бедные женщины кропили водой лицо Ханзады ханум и причитали: «О, горе! Принцесса моя! Принцесса моя! Откройте глаза! Не пугайте нас!..»

Принцесса, придя в себя, не сразу узнала принца. Неужели это неподвижно лежащее нечто – ее сладкая душа, ее крепость, ее отважный защитник, ее опора, супруг Джахангир Мирза?.. Отчаянный стон вырвался из самой глубины сердца принцессы. Она встала на колени и, положив голову на ноги принца, залилась беззвучными слезами...

– Мой принц!.. Принц мой!.. – горько шептала принцесса.

Она хотела назвать его ласковыми словами, которыми они оба называли друг друга наедине, но постеснялась присутствующих.

Джахангир Мирза вздрогнул от упавшей на его лицо слезы и медленно открыл глаза, пытаясь оглядеться.

– Слава Богу! Слава Богу!.. – радостно воскликнула Кутлуг Туркан ока... Женщины, все еще надеясь на выздоровление принца, внимательно наблюдали за ним. Дворцовый лекарь и духовный наставник немедленно вошли в комнату.

– Слава Богу!.. – повторила Кутлуг Туркан ока. – Со вчерашнего дня не открывал глаза... Вот только теперь открыл! Вот... Мы здесь, мой принц! Пришла махди улё-мать. Ваша любимая жена Ханзада ханум здесь...

Джахангир Мирза ввалившимися глазами посмотрел на Кутлуг Туркан ока, будто спрашивая, где они. Ханзада ханум, чтобы показаться супругу, встала со своего места и подошла к Сараймулькханум.

Джахангир Мирза с трудом выговорил:

– Я... вас... не смог осчастливить... моя принцесса... не обижайтесь на меня... Мне очень хотелось, чтоб вы были счастливы... Попросите Амира Сахибирана, пусть простит меня... простит... никудышного сына... Молитесь Аллаху за мои грехи...

Принцесса прочитала во взгляде принца очень многое, много несказанных слов. Джахангир Мирза хотел еще что-то сказать, но не смог выговорить ни слова.

– Почему вы так говорите, мой принц? Не говорите так!.. Не говорите так!.. О Боже!.. Бог ты мой!

– Вот ваш сын, ваш родной сын Мухаммад Султан! – Кутлуг Туркан ока держала в руках укутанного в шелка младенца, показывая его Джахангиру Мирзе. – Ваш сын пришел навестить достопочтенного отца...

«Ваш долгожданный сын», – промелькнуло в голове Ханзады ханум.

Принц постарался улыбнуться, но ему не хватило сил... Вдруг из носа пошла кровь, лекарь успел ловко ее вытереть. Сараймулькханум взяла голову Джахангира Мирзы и

прижала к груди, а Ханзада ханум продолжала разминать остывающие ноги принца...

– Мама, матушка, почему ноги моего принца холодные?.. Ой, смотрите! Глаза моего принца ввалились... Мой принц! Не пугайте! Откройте глаза, мой принц!... О Боже! О небо!

Мир Сайид Барака, увидев, что Джахангир Мирза в агонии, стал читать аяты из Корана. Когда третий раз читалась сура «Чистое исповедание», больной попытался поднять голову и отдал Богу душу...

Ханзада ханум, рыдая, бросилась на Джахангира Мирзу и вновь потеряла сознание... Сараймулькханум, убитая тяжелой утратой, горько-горько рыдая и причитая, заключила в объятия несчастную Ханзаду ханум, овдовевшую в семнадцать лет:

– Ой, мой принц!.. Ой, моя принцесса!.. Принц мой!.. Принцесса моя!..

...На следующий день войско Турана приблизилось к Самарканду. Когда оно было у Конигила на расстоянии двух стрел, показала большая черная толпа,двигающаяся со стороны города. Сахибкиран удивился, почему эти люди одеты во все черное. Потом понял... сердце его разорвалось! «Неужто лишился сына, лишился своей кровиночки?.. – не верил он. – Неужели... правда? Неужели мой престольный принц покинул этот мир?.. Ох!.. Сердцем чувствовал... чувствовал...»

Все население города, одетое во все черное, без головных уборов, накиннув на головы кошму, вышло навстречу султану страны.

Окрестность огласилась горьким плачем.

Приблизившись, Амир Темура увидел сестру Кутлуг Туркан оку, Сараймулькханум, Улус ока, всех... Без головных уборов, с разорванными от горя воротами. Амир Довуд дуглат, Амир Сайфиддин некуз, Суюргатмишхан, Амир Жаку барлас, Мир Сайид Барака... Все в отчаянии, с красными от слез глазами.

Духовный наставник, никогда не снимавший белой мантии, сегодня одет во все черное. Собрались все ровесники Джахангира Мирзы: Сулайманшах, Султан Махмуд ибн Суюргатмишхан, рядом с ними Умаршайх Мирза, десятилетний Мираншах. У всех опущены головы... За ними следует бесчисленная толпа.

– Горе нам, Амир Сахибкиран, горе! – сказала Кутлуг Туркан ока, в отчаянии бросившись в объятия брата. Вместе с ней навзрыд плакали и другие женщины. – Земной путь Джахангира Мирзы окончен. Он оставил нас... Оставил...

Любимая сестра в тяжелые минуты всегда поддерживала брата. Теперь Амир Темура, заключив сестру в объятия, вместе с ней лил горючие слезы. К нему подходили и стар и млад, выражая соболезнование...

Вдруг его взгляд упал на Ханзаду ханум. Она сиротливо стояла за Сараймулькханум! Красивое лицо, подобное нежнейшему цветку, увяло, глаза потускнели от горючих слез, разорванный ворот беспомощно болтался. Ее глаза безумно блуждают, похоже, она чувствует себя здесь лишней, чужой. Сахибкиран посмотрел на невестку и ему до слез стало жаль ее! Заметив взгляд Амира Темура, принцесса Хорезма кинулась поцеловать ноги свекра, но Сахибкиран не допустил этого: он обнял за плечи и поцеловал в лоб рыдающую невестку.

– Не смогли уберечь принца мира, достопочтенный отец Сахибкиран... – рыдала Ханзада ханум. – Не смогли... Просил вас не поминать лихом... «Передайте отцу последнее прощанье», шептал мой принц...

– Да, да... Да будет милость божья! – глубоко вздохнул Амир Темура. – Вас назвал милой дочерью, а не невесткой... Теперь... вы мне не дочь, а милейший сын! Да, сыном назову! Будете сыном вместо моего сына!..

Услышав это, Ханзада ханум громко зарыдала, дав себе волю...

В это время Кутлуг Туркан ока взяла из рук няньки маленького Мухаммада Султана и подала Амиру Темуру. Дед и внук встретились впервые.

Необыкновенный запах младенца слегка опьянил Сахибкирана: «Поистине, нет ничего на свете приятнее, чем запах младенца!» – вспомнил он хадис пророка.

В толпе, одетой во все черное, резко выделялся завернутый в белоснежное одеяльце младенец на руках Сахибкирана.

Конец первой книги

ВЕНОК ПОЭТУ

*"Поэтический прииск
Александра Файнберга"*

В этом году
исполнилось бы 75 лет
Народному поэту
Узбекистана
Александру Аркадьевичу Файнбергу.
Он ушел из жизни 14 октября
2009 года, не дожив до своего
70-летия всего 19 дней.
А.Файнберг автор более
700 стихотворений, 2 поэм,
блестящий эссеист, переводчик,
автор сценариев художественных,
документальных, мультипликационных
фильмов. Многие его стихи посвящены
Востоку с его тонкостями, таинствами,
трудолюбивым и гостеприимным народом,
с его горячим солнцем и высоким бездонным небом, пирамидальными тополями,
историческими памятниками и современными небоскребами, древними обычаями
и традициями и бросающейся в глаза восточной экзотикой.

Здесь тыква весит тонну.
Арбуз не уместается в глазах.
Он на весы летит с тяжелым звоном.
И гири подлетают на весах...

Здесь нож, сверкая, вспарывает дыню,
Разламывайтесь, красные гранаты!
Сочная айва...
Здесь грозди виноградные – восторг!

Файнберг был и остается поэтом, связавшим свою жизнь и судьбу с землей
Узбекистана, которую он любил как единственную свою Родину, и любовь была
взаимной...

ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА ФАЙНБЕРГА

Поколением их сделали пятидесятые. Предшествующие переживались по-разному: в оккупации, эвакуации, кого-то коснулась война напрямую – ожогом, контузией, ранением, кто-то только родился (как Владимир Высоцкий – 1938, Александр Файнберг – 1939, Иосиф Бродский – 1940). При всех различиях идея оставалась единой: нам нужна победа! Пятьдесят третий и пятьдесят шестой закроют общее и обнажат трещины.

Свидетельствуют книги. Под тонкой обложкой с названием сначала неожиданным, а потом, в течение тридцати лет, постоянно ожидаемым «День поэзии», вышла в издательстве «Правда» в популярной серии «Библиотека «Огонек», книжечка «День поэзии в Москве» тиражом 150 000 экземпляров (это для многомиллионного населения страны!) в тридцать страниц и стоимостью четыре копейки – как позже билет в троллейбусе. Год издания 1962, редактор и составитель Ярослав Смеляков, уже возвращенный из ссылки, оправданный. Действительно, он отобрал лучшее, что было к началу знакового десятилетия. Опытных, заслуженных, уважаемых и новых, начинающих, чьи стихи становились популярными.

Воспоминания, надежды, претензии у каждого свои. Чувство непроходящей вины у А.Твардовского за «незнаменитую войну» с финнами («Две строчки»). П.Антокольский, М.Светлов, И.Сельвинский в окружении бессмертных классиков. Е.Винокуров – в душевной обнаженности. Е.Евтушенко – за Скрябина для студентов через арбузы («Москва-Товарная»). По алюминиевым аллеям, но возвратился из Америки А.Вознесенский: **«Давно я дома. Жив вполне. Но как-то нет меня во мне»**. Р.Рождественский защищает свое «заграничное» имя: **«Несем мы имена удивительных людей. Не уронить бы! Не запятнать бы!»**

Вновь доступный Л.Мартынов с системным анализом прошедшего и проекцией в будущее: **«Видеть время, проходящее по назначенному кругу, понимать происходящее – редко ставилось в заслугу. И еще гораздо менее поощрялось, позволялось предугадывать затмения...»**

Итак, видеть – понимать – предугадывать как основа первородства шестидесятников: поэта, прозаика, живописца, кинорежиссера. Б.Окуджава добавит: **«Совесь, благородство и достоинство – вот оно, святое наше воинство»**.

Наибольшей популярностью пользовалась поэзия. «Поэзия заставляет читателя участвовать, благодаря ей возникает чувство общности, не известное никаким другим видам искусства. Живопись, скульптура, балет, опера – это праздники чувств. Но в них есть что-то пассивное. Только поэзия делает нас участниками творческого процесса», – писал И.Бродский.

Как Александр Файнберг входил в эту поэтическую вселенную?

В шестидесятые годы выйдут три его сборника: «Велотреки» (1965), «Этюд» (1967), «Мгновение» (1969). Они в русле всеобщего настроения, когда «человечеству хочется песен» (Л.Мартынов).

«Деревья музыки полны. Звучат созвездья, валуны. Антенны к звуку тянут руки. Гулят в крови живые звуки... И сам я тоже звук в ночи. На скулах – зарево свечи. От сердца – музыка по венам. Не тенью – эхом бьюсь об стены. Я звук. И я живу, звуча».

Поэзии нового времени нужны были иные слова, потому что **«эпоха всем эпохам! Это ж надо – день ко дню, пусть не сразу, пусть по крохам, обучала нас вранью»**. Так Б.Окуджава написал в 1961 году, а напечатал в 1988-м.

Польский поэт А.Ват, прошедший ссылку, оценивал сложившуюся ситуацию: «Чтобы освободить себя, они (поэты) должны сначала «избавиться от врага»; как змея весной сбрасывает кожу (не аллюзия ли на Бруно Ясенского? – А.Д.), они должны сбросить не только мысли о сталинизме, коммунизме, ревизионизме, а сами эти слова».

Е.Евтушенко, кажется, «откликнулся первым», опубликовав весной 1956 года стихотворение «Наследником Сталина», и долго еще будет стараться «забыть те мысли» и «найти не те слова». Через несколько лет А.Вознесенский в борьбе за чистоту идеи потребует «Уберите Ленина с денег!»¹

А.Файнбергу ничего подобного делать не пришлось. Но позже он напишет вольный сонет «Словарик», перечислив двадцать семь слов и словосочетаний, характерных для ушедшей эпохи: «Стукач». «Сексот». «Забрали после чистки». ЭНКаВЭДэ». «Бухаринец». «ГУЛаг». «Слуга капитализма». «Скрытый враг». И «Десять лет без права переписки». Сегодня большинство слов без комментария не понять. Сонет закрывается «замком» – действенным наставлением: **«Читайте, изумленные потомки, обугленные наши письма»**.

Расставаясь с отброшенными словами, поколение параллельно решало проблему: **«Героя я ишу! Не странно ль это, когда у нас, что месяцы – то герой»**. На какое-то время гражданская война с ее безымянными героями окажется идеальным воплощением благородства и мужества. Пленительную дань теме отдал Б.Окуджава: **«Я все равно паду на той, на той единственной, гражданской...»**. А верность идеалу сохранялась в памяти бла-

¹Первая публикация в «Звезде Востока» в 1966 году.

годаря герою – капитану Барабану, поручику Кларнету, красавцу Флейтисту, Шарманшику, Гитаристу, Скрипачу, но главное, Трубочу. С последним прожита вся жизнь, в конце ее право сыграть на трубе поэт отдал сыну: **«В день рождения подарок преподнес я сам себе. Сын возьмет, озвучит и сыграет на трубе... Что ж, играй, мой сын кудрявый, ту мелодию в ночи, пусть ее подхватят следом и другие трубочки...»**. «Надежды маленький оркестрик» Б.Окуджавы создал эмоциональный пласт русской лирики XX века.

И у Файнберга был свой флейтист. И свой «золотой геликонист». И свой оркестр «духовой и полковой», потому что юность поэта совпала с армейской службой. Службой в мирное время. Когда он начнет печататься, пройденная часть жизни возникнет в стихах – «Солдатское. Пески», «Юность», «Солдатское. Наряд на кухню», «Оркестр». Здесь ирония – шит и меч лирического героя: **«Лучше нету того свету. Три духовки, шесть котлов плюс пятьсот квадратных метров белых кафельных полов. Обстановка – не покуришь. Семь потов – один ответ. Всем хорош наряд на кухню. Аппетита, жалко, нет»**. И параллельно меняется восприятие окружающего мира: **«Снова улица прогнулась под напором молодых. Шар земной вращает юность четким шагом строевым. И над новым музыкантом свишет песня весело. И летит, летит к закату марша медное крыло»**.

В 1977 году выходит его следующий сборник. После необычных заголовков, приведенных выше, при их «говорящем» оформлении новый с тихим названием «Стихи» внешне казался бесцветным. Только раскрыв маленькую книжку, читатель видел яркую, насыщенную сторону изнанки обложки живого красного цвета. Тогда всплывали алые буквы названия – «Мгновение» с авторским эпиграфом «Безвременье? Безмолвие? Мгновенье! Звук!» Звук – и разного – немало в «Стихах», начиная с «Песни о трубоче».

Творец и творчество – смертный и бессмертное слово. Что выбирается? Образ музыканта награжден портретными деталями – «шрам на губе», «волосы убрал со лба», но определяется он как «неведомый трубоч». Звук мелодии получил куда богаче стиховую палитру: **«звук, рожденный на лету, вдруг набирает высоту... К морям, в долины, на луга, на океан, за облака»**. Его хронотоп всеобъемлющ. Жизнь трубоча конечна, хотя не кончена его война, и дороги пройдут еще через Урал, Сибирь, Перекоп, он еще даже не ранен – «нет свинца в груди», но финал предвидится. Поэт соединяет первое определение «неведомый» с финальным словосочетанием «пропасть во мгле». А творчество живет. Поэтому «грядущий справедливый век» станет общим: **«Он твой. Он мой. Он наш». Так надежда остается – будут «песни на земле о жизни и любви»**. Читателю предоставляется не только ориентация на память, но право на сопереживание и сочувствие. Больше к романтическому трубочу Александр Файнберг не вернется.

Однако через несколько лет трубоч, да не один, придет к поэту сам в стихотворении «Июльский сон». Стихотворение сюжетно. В ситуации участвуют одиннадцать персонажей. Каждой группе – трубоча, скрипача, палачам – и автору дано произнести слово. Да еще «соседка крыла мужика», ее лексикон без слов понятен. Мини-спектакль на фоне природных декораций с птицей, облаками, садами, винным ларьком, историческими реминисценциями и, как положено в современной литературе, открытым финалом для читателя. Чтобы тот помнил...

Драгоценная черта поэзии шестидесятников – обнаженно личное начало. Ставший привычным образ сороковых годов «Родина-мать зовет!» уступает место исключительно своему. Для Б.Слуцкого – в драматическом контексте: **«Самый старый долг плачу – с ложки мать кормлю в больнице. Что сегодня ей приснится, как со стула я лечу?»**

Непоэтическое название у стихотворения А.Вознесенского «Обмен». Так же называлась повесть Ю.Трифоновна, вызвавшая как проверка на нравственность бум критики. Бытовая ситуация необходимости, решаемая в чаду быта, становилась, якобы, гуманистической. Слова высокие стоят рядом с канцеляризмами: **«Занимаюсь квартирообменом, чтобы съехались мама с сестрой»**. Характерный для творчества Вознесенского образ дороги, по которой никогда не вернется герой, в этом стихотворении наделяется религиозно-мистическим смыслом: **«Как последняя песня поэта, едут женщины на грузовой. Мать снимает пушинки с шали, и пушинки летят с пальтеца, чтоб дорогу по ним отыскали тени бабушки и отца»**. Цель поэта – успокоить «без вины виноватых и без счастья счастливых людей».

Семейную хронику воссоздал в лирике Б.Окуджава. Стихи об отце и матери написаны в разные годы. А опубликовано все намного позже. Если, разделенные годами и страницами в сборниках, стихи поставить последовательно первыми строчками, мы прочитаем эту хронику. 1957 – «О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой». 1966 – «Убили моего отца ни за понюшку табака». 1975 – «Письмо к маме»: «Ты сидишь на нарах посреди Москвы». 1983 – **«Собрался к маме – умерла, к отцу хотел, а он расстрелян»**. 1987 – «Он был худощав и насвистывал старый, давно позабытый мотив». В итоге: «Все было так давно... И нам остается, пока суд да дело, не грезить, а плакать и петь».

Лирический герой А.Файнберга растет под материнским крылом. Как написал в «Зоне» С.Довлатов, – «комплект родителей» в те годы часто оказывался неполным: одни на войне, другие в ссылке. Но даже в случае его сохранности, ребенку много внимания уделять было некогда, и общение происходило, а не длилось. В стихах о маме то всплывает «отняли мячик», то мелькнет «ее газовый шарфик», то воспроизводится голос как свидетельство, что ты не один: «где-то мама с отцом говорят», «с балкона слышу я: домой...» Прямая речь вводится в стихотворение: **«Ты где, сынок мой, пропадаешь? Опять педалишь? Так одиноко на земле. Уймись. Подумай обо мне. Прости, единственный на свете, мне это горе, душмы эти».** Материнские слова рассеиваются в поэтическом тексте: **«Завтра осень. Пойдут дожди. И ты иди. А я потом. Промокнут стекла. Простынут окна. Вода холодная по водостокам. Надень пальто. Ведь завтра осень».** Повторы, короткие предложения, нескорые слова. В них забота, переживание, раздумье. Проза жизни – в поэтических формулах.

Но наступает день, когда голос, звук исчезают. Тогда А.Вознесенский ставит «Памятник» отцу: **«Я – памятник отцу, Андрею Николаевичу. Я лоб его ношу и жребию своим вмещаю ипостась, что не досталась кладбищу...»** Он просит: **«Охрани, Провидение, своим махом шагреневым, пошади ее хижину – мою мать – Вознесенскую Антонину Сергеевну».**

У Б.Окуджавы «нету надгробья и памяти негде над прахом склониться, рыдая», и появляется желание: **«Хочу воскресить своих предков, хоть что-нибудь сердцу собрать. Они, словно птицы на ветках, и мне непонятна их речь».**

У Е.Евтушенко после поэмы «Мама и нейтронная бомба» неожиданно обнаружилось родственники далеко от родной земли – в Германии.

В стихах А.Файнберга образ ушедшей мамы сливается с природой, присутствует в подтексте, проступает в поэтических строках, казалось, на другую тему, возвращает лирического героя от сиюминутного к вечному: **«Трава какая! И какое поле! И мамы след – утра-ты, горя, боли. И жизнь моя, что маминой взамен. И вечности не хватит встать с колен».**

Окружив поэзию Александра Файнберга голосами его известных и знаменитых современников, мы хотели понять образ лирического героя, увиденного, найденного каждым поэтом из шестидесятых годов. Он соответствовал и в чем-то повторял своего автора, но, выйдя за личные барьеры пространства, остался верен времени. Оно получило у А.Файнберга метафору «время на приколе». В современной вольной лексике «прикол» – это синоним шутки, зачастую неумной. А в национальном сознании все-таки оно воспринимается традиционно. У В.Даля: «Прикол – от глагола приколоть, что, к чему; припилить, пристегнуть булавкой, пригвоздить тычком, острием...» Еще одно толкование: «Конь на приколе – созвездие Большой медведицы с полярною звездой, вокруг коей она обращается. Прикол – звезда, северная полярная звезда», – так говорят на Урале.

Время на приколе можно понимать как прошлое, оно только в памяти. Но если прикол – звезда и символ вечности, то время существует на ней всегда, не исчезает. Символика звезды разнообразна и присутствует как архетип в мировой культуре. «Образ становится символом в силу приобретаемой им функции в жизни лица (личный символ), в жизни социума, государства, в религиозной или культурной общности, идейного содружества, рода, наконец, в жизни всего человечества» (Н.Д.Арутюнова).

Для Александра Файнберга звезда – символ творчества. Создание как рождение поэтических строк – суть жизни поэта. В «Оде черновику» читаем: «Ведь не слова таят они, не буквы, а голоса неведомых нам звезд». Звезды и созвездия входят в состав авторской лексики. Реже патетично: «Твоя любовь созвездьями ведома», с оттенком иронического восторга: «Накрепнулись от счастья созвездья», часто на бытовом уровне: «звездный телеграф», «звездные румбы», «звездное плато» – в соответствии с местоположением лирического героя.

Символика императивна. С высоты звезды, выбранной поэтом, и следует оценивать его лирику. Уровень звезды – уровень взгляда на мир.

Мир открывается под увеличительным стеклом – иначе не увидеть. Не отсюда ли «травинка на губе», неоднократно упомянутая поэтом? А при ироническом подтексте можно и не увидеть явное, как в стихотворении «Отпуск»: «лыжи прелестной эскимоски».

Звезды имеют цвет:

Под небом на земле
Лежишь, раскинув руки.
Ни дружбы, ни вражды...
И далеко-далеко
Две синие звезды.

Взгляд получает цвет, издавна в мировых религиях награжденный духовностью. Голубой несет рецессивный ген, редкий, уступающий более сильным темным оттенкам. С точки зрения генетиков, у всех голубоглазых общий древний предок. С точки зрения физиков, отраженный, видимый нами свет содержит различные сочетания длинноволнового и коротковолнового диапазонов, что дает различные варианты и оттенки окрашивания.

Для голубой радужки глаз цвет, имеющий более короткую длину волны (серый, голубой, синий), оказывается единственным отраженным. С медицинских позиций, в голубом гене спрятан определенный зрительный дефект.

Для нас голубой – синий не означает лучший, а просто другой, хотя у этого другого завидная традиция. 29 ноября 1825 года Пушкин написал собственноручно билет для выезда из Михайловской ссылки под видом крепостного, указав свои приметы: «Росту два аршина четыре вершка, волосы темнорусые, глаза голубые». Васильковые глаза в 1924 году оплакал Есенин: **«Были синие глаза, да теперь поблекли... Синие твои глаза в кабаках промокли»**. Они запоминаются у любимых: **«Твои глаза как синие дверцы. В них любовь моя, в них и сердце»**. Эта синева глаз Анны Берзинь через много лет поразит в Душанбе и Миршакара. Но бывало у Есенина и иначе: **«Что ты смотришь так синими брызгами? Или в морду хошь?»**

Файнберг близких персонажей обязательно наделяет взглядом. Сохраняя цвет, поэт находит каждый раз новое ему обрамление. Лирический герой представлен «синевою, переливами», «в моих все тот же синий дым» и т.д. Первая любовь была голубоглаза, в «Дугобе» девочка «с глазами из бирюзы», у «Незабудки» голубые ресницы, в «Страшном рынке» глаза печали «свет нездешний» излучают, «синий цвет славянских глаз» и т.д. Солдат – «синеглазый рядовой», «глянет синью поднебесной неизвестный рядовой» и т.д. Если есть цветовая деталь, далее меняется, объясняется, утверждается психологическая доминанта. Благодаря «Алке дикой с майдана» открывается истина: **«Всю жизнь из гербового дома бежать в лачугу без герба»**. Рядовому и музыканту, как и предшественникам, предстоит: **«возмужав однажды сразу, стали прежним не чета. Рассудительнее разум. Закаленнее мечта»**.

Сюжет может оказаться конфликтным. Кто виноват, если жизнь, «насвистывая, крутила в оборвочке спортивной шпану с небесными глазами»? Насколько прав его оппонент:

Канай отсюда. Мы с тобой чужие
Писатель, курва. Лучше б воровал.
Отец и мама до сих пор бы жили...

Страшно, если ситуация трагическая, неисправимая:

Угрюм папан с лицом карги.
В двух голубых его – ни зги.
Он знал крутые переделки.
В горах лежат его враги.
А он – бухой, он – без ноги.

Иллюзий – возвышенных ли, бытовых, греющего сочувствия – нет в поэзии Файнберга. Он пишет жестко, но ни в коем случае не кроваво, что присутствует сегодня в мировой культуре. Поэт вводит реалии из противоположных сфер и создает лик современности, как в стихотворении «Креолка и Бык». При сниженной лексике («пахота», «похмелюга», «шваркнувшись», «зараза» и пр.), иронически обыгранном фирменном бренде кульминационно проводится связка «метро – икона». Обе лексемы характеризуют героиню. «Золотоглазая Креолка», она же «распутная Креолка» – дитя двух рас, явление нашего времени с удвоенными возможностями красоты, таланта и увеличения болевых точек. Вершина ее портрета из лексикона НТР – **«вы красивы, как цветной телевизор»**. Человека сравнивают с искусственно созданным объектом: «Великолепная Креолка, собой сверкая, как метро». В вагоне метро вынуждено наступает «простой» ее жизненного ритма – игры «на тело без души», и тогда «в стекло вагона, как в икону, она глядит, подняв чело».

Слово «икона» в русском литературном языке XX века оказалось потерянным – не место вспоминать горькие причины. В поэзии шестидесятников оно оживает. Далекий первоначальный смысл: перед ней можно, надо молиться, прикладываться к ней, падать ниц, лежать навзничь, у каждого может быть «своя» икона. Как у Пушкина в стихотворении «Мадонна» – «одна с Спасителем без ангелов Сиона».

В затемненном стекле Креолка видит, как в тумане нечетко, свою красоту? «Скрывает краска страшные круги» – это внешнее. Что касается души... Но кредо Файнберга: «искал я душу в каждой падшей твари». Тогда стекло не выдерживает грехов распутной Креолки? «И плавится стекло вагона».

В русской великой поэзии есть один образ «плавящего» взгляда: **«И чудо! Из потухших глаз слеза свиновая катится. Доселе возле кельи той насквозь прожженный виден камень слезою жаркою, как пламень, нечеловеческой слезой»**. Но чудо совершилось после того, как Лермонтовский Демон в первый раз понял тоску любви Тамары и готов отказаться от презрения и ненависти к миру.

Что происходит с Креолкой? Что понимает она, находясь в «кабельном мешке, где,

опутав землю петлей, воют под землей вагоны». За вагонным окном – черная тьма, иногда световые блики. И темное стекло – зеркало. В кривое зеркало, «разрезом обнажив бедра», с мембраной телефона, «дрожащей и стонушей от вранья», Креолка уже гляделась.

Может быть, авторское отступление о Снегурке из провинциального городка, у которой «сто звезд во взоре золотом», должно нам объяснить судьбу Креолочки. Не ей ли вслед звучит романс: «О где вы, очи золотые? О где ты, челочка в снегу?»

Драматургия сюжета развивается, втягивая Быка: «И плавится стекло вагона. Но Бык не знает, от чего». Поэт отвечает неожиданно минутным прозрением Быка. После пахоты «с валютой он и вновь с любовью», с соответствующим окружением: **«Вопят горячие цыплята. Баран сожрал веретено. Две золотых свечи проклятых зажгло грузинское вино»**. Завершается картина пиршества обращением к прекрасной Креолке – «обгладывай своих цыплят». И разрушается та же картина «тоской в очах Быка» и сравнением с мировой катастрофой: «Как будто в темные глубины ударило морское дно». Происходит смена стиля – отвратительное исчезает, благородное, высокое мелькнет.

Не судима Креолка. Хотя бы для одного живого существа, пусть Быка, она икона, воплощение страданий. Может быть, он и не знает, что на иконе лики страдальцев, мучеников, небесных защитников человека, а Бык ее защита даже во сне: **«Бык спит, обняв свою икону»**.

Психологические откровения так нетипичны и так важны сегодня. Читателю понятно, что кабельный подземный мешок – индустриальная форма жизни. У каждого сегодня все больше «своя» икона. Лирика Александра Файнберга – это поэзия любви сегодня, на рубеже тысячелетий, в качающемся новом веке. В вечной теме своя героиня. Она появилась в стихотворении «Елка». Название обещает радость: **«Разошелся, разгулялся Новый год. Жжет бенгальские, фужеры об пол бьет. Нас хозяйка поздравляет с январем. Пьет, хочет: будем живы, не умрем»**.

Далее готовый сюжет для романа. Завязка – «Муж на Колыме, накрутил, накурлесил на веку». Развитие действия – **«Свищут зимы. И пронесется года... Пьяной, пылкой – не останется ей ничьей»**. Финал – **«Стынет девочкой одна среди зимы. Чише снега. Отдаленной Колымы»**.

Мотив женской судьбы в русской поэзии традиционно равнозначен одиночеству. Он и Она встречаются, но кончается все разлукой. Что-то остается недоговоренным, главное закрытым. Поэт вскрывает причины, срывает запреты, не повторяясь. Вопросы получают ответы.

В стихотворении «Вдова» причина беззащитности человека – в несовместимости жизни индивидуума и жизни общества. Стихотворение построено на жестких оппозициях: златые кресты – бедный крестик; вдова стоит не жива – **«колышется ряса, блещет мундир»**; не рыдает вдова – текут по московским камням **«то ли кровь, то ль портвейн, то ль кавказский коньяк»**; смотрит она на храм – **«осеняет столицу... то ли храм, то ли срам, то ль позор на крови»**. Погост противопоставления не имеет: **«На погост бы пошла. Только где он – погост?»**

Одно из последних стихотворений с такой героиней имеет форму монолога лирического героя. Его слова: **«Живешь ты? Живи. Ревновать я не буду. К чему это? Вечность, как мы не вдвоем»**, – могут удивить: это так о любимой? Но уже следующая строфа объясняет: он «залетка с иной стороны». Ироническая «залетка» вроде бы смягчает ситуацию, ведь иная сторона – то, что после жизни. Посметь заглянуть? В XX веке это позволила себе Анна Ахматова в черновом незавершенном наброске. И то лишь как предположение: **«Я там иду, где ничего не надо, где самый милый путник – только тень... И никогда здесь не наступит утро»**.

Позиция Файнберга иная. Она в целом ряде стихотворений разных лет остается неизменной. Не о герое слова, которого больше нет, а о любимой – «чтобы ты была счастливою». Упомянутое «Живешь ты? Живи» – не «ирреальная» картинка визита из небытия, хотя лирический герой является «оттуда, откуда никто не является днем», а живые будни, где она – любимая – осталась одна. Преданность такой героине дается не каждому поэту.

Для него **«реальность – не принц на горошине. Реальность – суровый закон»**. Его каждый поэт определяет сам. Истинная беда, «когда опаздывает слово». Поэтическое обращение Файнберга не опаздывало никогда. Воссоздавая день сегодняшней, раскрывая себя, он обращается и к шестидесятникам, и к читателю завтрашнего дня: **«В нарушении традиции я уйду, ребята, к тем, кто еще и не родился. Там, не ведая утрат и не слыша пересуда, меж иных цветов и трав добрым людям петь я буду... Долог путь до их любви»**.

Его поэзия соединяет времена. Настоящее и будущее. Народный поэт Узбекистана Александр Файнберг находит своей песне «отзвук долгожданный».

Александра ДАВШАН

НЕ ПОКИНЕТ РОДИНЫ ПОЭТ

*Спасибо поэту за то, что не струсил,
Не принял загон как закон,
Сумел разрубить этот гордиев узел,
Сумел перейти рубикон.*

Перебираю фотографии разных лет. Их множество, среди них раритетные, снятые пленочной фотокамерой, без цифры, ныне легко множашей изображения. Они словно окна во времени, вместившем столько событий, столько перемен в судьбах людей.

«Иных уж нет, а те далече», – вновь и вновь вспоминается крылатая пушкинская фраза.

На этих снимках моменты памятной встречи в Республиканской библиотеке имени Алишера Навои, проходившей почти тридцать семь лет назад. Помнится, мне позвонила библиотечный работник Лариса Кононова и сказала:

– Наши читатели просят пригласить два «Фа» – Файнберга и Фархади. Сашу я уже уговорила. Приходите обязательно. Вас обоих ждет приятный сюрприз.

Каким был сюрприз – запечатлела фотография. На ней рядом с поэтами, участниками литературно-музыкального (как оказалось!) вечера, хозяйкой библиотечной гостиной Ларисой Кононовой тогдашние звезды эстрады Узбекистана – Наталья Нурмухамедова, далее впредь – Надежда Чегодаева, Малика Алимova, Люся Иосис. Суть сюрприза в том, что девушки исполняли песни на наши стихи. Я и Саша поочередно читали свою лирику. Александр Файнберг в присущей ему экспрессивной манере завораживал аудиторию:

Давай любовь свою оплачем.
Давай свидание назначим
Не мучаясь и не грустя,
Сегодня. Десять лет спустя.
Давай сирени наломаем.
Любила ты? И я любил.
Апрель цветет как не нормальный,
Апрель заборы проломил.

Нас окружали корзины и вазы с яркими цветами, красивые лица слушателей, проявлявших искренний интерес к творчеству авторов, задавались вопросы. Чаше спрашивали: «О какой любви вы пишете, о своей, или выдуманной?»

Александр всегда оставался тонким, легко ранимым и, несомненно, отзывчивым на добро человеком, по-блоковски лучистым. Внутренняя свобода, именно она поддерживала в нем творческие силы:

Простим угрюмость, разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество.

Люди нашего поколения звали его кратко: Саша. Так по-свойски к нему обращались и многие аксакалы, и сверстники – Миртемир и Александр Удалов, Адыл Якубов и Шамиль Алядин, Камиль Яшен и Абдулла Арипов, Зоя Туманова и Рауф Галимов. Сам был тому свидетелем, навещаясь из Самарканда в столицу как начинающий автор, встречая его в конторе Писательского союза и редакции журнала «Звезда Востока», располагавшихся на бывшей Первомайской улице, недалеко от Алайского базара.

«Салам, Саша!» – такое обращение вполне подходило вихрастому, энергичному заместителю ответственного секретаря, молодому перспективному поэту Александру Файнбергу.

Все литературные новости и поэтические дебюты узбекистанцев мы – самаркандцы – обсуждали в кабинете Рафаэля Соколовского, не только опытного газетчика, но и прозорливого ценителя поэзии.

Собирая вокруг себя молодых, Рафаэль Соколовский старательно выискивал у нас «ляпы» и призывал учиться на образцах, едко приговаривая: «Мандельштам в поэзии один-единственный, а мандельштампов – легион».

Фамилия А.Файнберг была на слуху с конца пятидесятых годов. В "молодежке" обратили на себя внимание самые первые файнберговские: «В степном поселке» (1958), «Незнакомому скульптору» (1961), «Мои герои» (1962).

Рафаэль говорил:

– Этот парень станет настоящим поэтом.

Мы соглашались, что Саша настойчиво поднимает свою планку, избавляется от провинциализма. Особенно спорили о стихах «С вокзала я...», «В этом доме говорят о стихах» (1963) и подборках из «Звезде Востока» (1964); «На товарной станции», «Ласковые краски нашей осени», «Снежная королева», «Заповедник», «Дважды два» (1964) в московском журнале «Смена». И, конечно, бурю эмоций вызвали «Велотреки» (1965). Кто-то утверждал: «Повторяет интонации стадионных поэтов». Другие возражали: «Своими метафорами и лирическим пафосом Саша пишет на равных с Андреем Вознесенским». Ему есть о чем писать. Его легкие ассонансы придают стихам звучность и музыкальность.

Тогда о выходе этого сборника, моей первой книжки «Утренняя песнь» (я был студентом-медиком) и «Росы на ладони» поэта Виктора Ляпунова широко извещала республиканская пресса. Об авторах ничего не сообщалось (так в молодежном издательстве умело подрезали крылышки авторам первых книг). Хотя, книги включили в план издания.

Уже в первых опытах была видна даровитость автора, культура стиха, наполненного ветрами исхоженных троп Средней Азии, Памира, Кызыл-кума сначала студентом топографического техникума, затем техником-топографом топорядка, а после службы в армии, студентом факультета журналистики Ташкентского университета.

«Ах, как прекрасно жить и узнавать!» – строкой из его первой книги озаглавил целый подвал в самаркандской областной газете молодой филолог Вячеслав Благоднравов. Рецензент отметил искренность, яркую образность стихов Александра Файнберга, способность видеть лица по-юношески проникновенно («Ты восхитительна, Инка, Инка»).

Вывод критика: «У автора «Велотреков» есть свой голос, но ему следует избавляться от чужих интонаций и влияний, особенно новомодных авторов – Вознесенского, Евтушенко. Время показало, что истинный поэт пишет, как дышит. Воздух времени наполняет его легкие».

Чувство, мысль и слово, включаясь одновременно, рождают чудо стиха. Проходят годы, чудо остается. Никакая попса, насаждаемая индустрией развлечений, не сможет дать человеку то, что дает настоящая поэзия. Разве можно отменить идеологическим диктатом настоящие поэтические строки?

Первые книги молодых тщательно сортировались: без обязательного «паровоза» – декларативной публицистики – автору грозил вылет из темплана. Совершенно заслуженно книга «Велотреки» стала резонансной. За нее (редчайший случай для того времени) и за переводы газелей Алишера Навои на заседании секции русской литературы СП Узбекистана протоколом от 16 сентября 1965 года Александра Файнберга единогласно приняли в члены Союза писателей. Один из рекомендовавших, писатель Вильям Александров, рассказывал, как в 1958 году в отдел редакции молодежи к нему пришел паренек и принес несколько тетрадных листков со стихами, написанными торопливым размашистым почерком. В будничных строках о профессии геолога привлекали искренность, желание не только описать увиденное, но и приблизиться к истине.

Наиболее впечатлила рекомендация видного узбекского поэта Миртемира с размашистой уверенной подписью. По его мнению, Александр Файнберг – поэт, способный искать и находить. Пишет ярко, образно. Он пожелал молодому коллеге «успешно овладеть темой Узбекистана. Воздух родных мест, пускай иногда пыльный, но всегда вдохновляет». И подчеркнул: «Остаюсь поклонником, верней, читателем его произведений». Хорошо сказано. Мудро. С февраля 1965 года поэт назначается на хлопотную должность заместителя ответственного секретаря Союза писателей.

В период Оттепели, когда начиналась космическая эра и гагаринское «Поехали!» открывало новые горизонты, ветер перемен поднимал волну поэзии. Целина зернистого образного слова ждала юных, смелых, увлеченных. Возвращались имена, звучала по-новому классика, из небытия приходило слово репрессированных и зашельмованных поэтов.

В молодости Саша поражал окружающих тем, что блестяще читал стихи наизусть. Не только свои, но и те, которые наполняли кровь кислородом поэзии.

После Ташкентского землетрясения он долго находился под впечатлением знакомства с Андреем Вознесенским: сыпал отрывками из «Треугольной груши», «Антимиров», этого «архитектора нового слова русского», ученика Бориса Пастернака:

Мы выросли в тумане,
Двусмысленном весьма,
Среди гигантоманий
И скудности ума.
Отпам за Иссык-кули,
За домны, за пески
Не орденами – пулями
Сверлили пиджаки.

(1956)

Нам, как аппендицит,
Подалили стыд.

(1967)

И мы, живя в литпровинции, слышали эти звучащие, как ветер в ушах, близкие по чувству, по группе крови стихи и тоже хотели быть услышанными.

Эзопов язык этих стихов был понятен. «Глухой и эпохальный» проецировался он на одну шестую часть света.

Живя в Азии, ступая пыльными тропами караванов, слушая национальные мелодии, русскоязычные авторы получали бесценное богатство – древнюю культуру узбекского народа и сопредельных этносов, традицию, благодатную почву, которую не скроет асфальт и бетон прогресса.

Порой одно вышедшее произведение приносило автору известность.

Мне повезло, в 1961 году за подборку стихов «К звездам!» на конкурсе «Наша Родина», в котором участвовало 16 тысяч авторов, я в одночасье напечатался и вошел в число победителей, что было для меня равнозначно полету в космос.

В 1967 году на волне успеха состоялся мой переезд в столицу.

Бережно храню в архиве отпечатанные на пишущей машинке листки программы республиканского поэтического фестиваля, в числе организаторов которого были Аскад Мухтар, Сайяр, Александр Файнберг и я. Это была переключка новых голосов, приехавших из всех областей Узбекистана и Каракалпакстана. Вчитайтесь в обычные списки участников встреч, семинаров, вечеров в трудовых коллективах, выездов по маршрутам и станет понятным, что тогда в узбекскую поэзию уверенно входили те, которые впоследствии стали известными мастерами пера.

Я работал в комсомоле, а когда не заладилась, как предсказывал Саша, в редакции журнала «Звезда Востока» меня увидел главный редактор Г.Владимиров и, узнав, что я теперь «вольный художник», пригласил работать в журнал. Я согласился, но наши отношения не сложились. Предложенную мной подборку стихов о защите родной природы со стихами Н.Лукьянова, Н.Буровой, А.Файнберга, переводами А.Арипова, Ю.Шомансура, А.Абдураззака он категорически забраковал. «Нельзя чернить нашу действительность, тем самым лить воду на мельницу идеологов империализма», – талдычил он со всех трибун.

Тогда же в молодежной газете весьма «кстати» было напечатано мое стихотворение «Поэт», памяти Бориса Пастернака:

Рассеянный грустный поэт
Вчера потерял вдохновенье.

Забыл за проезд взять билет,
 Поехал не в том направлении.
 Поэт виновато сошел,
 Едва подошла остановка,
 И чувствовал: нехорошо,
 Что так получилось, неловко.
 Но был тут как тут контролер,
 Все правила знавший отлично.
 Он вывел его на позор,
 Клеймя, словно критик, публично.
 Дрожали обрывки афиш,
 Весенний царил беспорядок.
 Там плакал у лужи малыш,
 Тонул его белый кораблик.
 Бумажный кораблик промок
 Плывя по морям-океанам.
 Поэт был совсем одинок.
 Но все-таки был капитаном.
 – Давай-ка, дощечку сюда,
 Приделаем мачту и парус. –
 От прежней беды ни следа,
 Стояли друзья, улыбались.
 А был на исходе февраль,
 Ждал март свой черед в нетерпенье.
 И скоро подъехал трамвай
 И в нижнем увез на правленьи.

В сейфе литбоссов оказалось еще несколько моих «острых» стихов.

А тут масла в огонь подливает журнал «Юность», в 1-номере за 1971 год публикуется стихотворение «Аральское море уходит...»

«Враждебные радиоголоса» его толкуют как протестное. В Союзе писателей проходит оперативно созванное заседание с повесткой дня: «Об ушербных мотивах в стихах Р.Фархади».

Не хочу называть фамилий тех, кто участвовал в нем, но замечу, что Саша Файнберг категорически отказался явиться на это позорное судилище.

Как гром среди ясного неба под заголовком «Ответственность дебюта» выходит статья Н.Дардыниной в «Литературной газете» №11 за 1971 год, поддержавшая «гражданскую позицию молодого поэта», и чтоб избавиться, меня с почетом выпроваживают на учебу в Московский Литературный институт, на двухгодичные высшие литературные курсы (поэтический семинар Александра Петровича Межирова).

Незадолго до отъезда в Москву возле нашего жилого дома встречаю Сашу. Он в походной экипировке на мотоцикле:

– Привет! Как жизнь?

Саша хмурится:

– Теперь меня травят. Рукопись забраковали. За то, что отхлестал бездарных литературоедов. Слышал, что уезжаешь. Я вот тоже «замыслил свой побег». Хочу объехать героев своих будущих лирических произведений по городам и весям 1/6 части света на мотоцикле, вспомнить молодость. Вокруг так тоскливо, что смеяться хочется!

Саше не прощали дерзость, непослушание, нежелание выполнять социальный заказ. Но Саша, несмотря ни на что, плодотворно работал, «пора золотого пера» не проходила.

Опала, безосновательные обвинения только подогревали интерес к автору «Велотреков», «Этюда», «Мгновения».

Много лет спустя, тема литературных эфемеров и коньютурщиков с новой силой зазвучала в «Вольных сонетах», пробив дорогу к благодарному читателю в перестроечные восьмидесятые годы.

Саша «замыслил свой побег» не тихо, крадучись, не применяя «восточных хитростей», а резко бросив «как перчатку», наполненные желчью строки:

...живи, душою пуст,
 Чтоб деятелем стать
 Каких-нибудь искусств.

Подобной дерзости ему не могли простить. Автор статьи «...Гражданином быть обя-

зан» (Э.Хакимов, «Молодежная газета», 1971) истолковал стихи превратно, без предоставления слова стороне защиты, т.е. читателям, услышавшим и принявшим искренний, честный, самобытный голос поэта. Молодому таланту закрылись двери для публикаций новых книг.

Фамилия исчезла из так называемых «поминальных списков», литобзоров, анонсов периодики. Вплоть до 80-х годов имя поэта и его огромный творческий труд игнорировалась прессой.

Саша стал «киношником» и работал там талантливо: сценарии мультфильмов, документальных лент, большого кино. Саша первым во весь голос произнес то, о чем не решились сказать мастера изобразительного искусства – об уникальности рисунков Андрея Бородина (сына Народного писателя Узбекистана С.Бородина), с которым он оказался соседом и работал на киностудии. Их дружба – некий пример совместного творчества. Близость нравственных ориентиров объединяла магия линии. И в образном слове, ритмах строк поэта и в графическом рисунке художника торжествовала поэзия, музыка, ирония, философия. И сегодня они звучат как единая песня добра, милосердия, земной и космической отзывчивости на беды и радости мира. Сюжеты на тему собаки, мук творчества, бремени страстей человеческих, шуточные и настолько же серьезные экспромты, рожденные на бетонно-кирпичной площади жизни. Это все то, что не должно исчезнуть, наперекор любым поветриям и катаклизмам. Успокоительное «Рукописи не горят...» ублаживает и приводит, увы, к невозполнимым потерям.

Многие доперестроечные годы, развиваясь в условиях ущемления свободы, защищая право честно творить, поэт продуктивно использует опыт Эзопа, Лафонтена, Пушкина, Беранже. Его вдохновляли В.Высоцкий, А.Ахматова, А.Галич, зачастую отвергавшиеся за непокорность, за слово, идущее от сердца к сердцу. Широкий диапазон иронии и самоиронии, библейская мудрость, колючая язвительность, разговорный прием басни, красочная образность русского лубка – сильнейшие стороны «Вольных сонетов», одной из поздних книг «Не плачь, дорога».

Воспоминания возвращают к тому, что воспето им строго и нежно, до «соли у самых глаз»:

В тени пирамидальных тополей,
Гудроновая старая дорога.
Я в юности не раз ходил по ней
С теодолитом и кривой треногой.

Его Родина там, где «бродит свет по арчовым урочищам», где «природа справедлива в сути», где в одном удивительном доме «друзья собрались за веселым столом».

В последний день мая в конце семидесятых годов я шел по тропинке Переделкинского леса в компании с Владимиром Приходько и моим учителем по семинару Александром Межировым. Последний интересно рассказывал об Индии, о культуре Востока. Выделял удивительную живучесть традиций, жизнеспособность, умение приобретать новые черты, сохраняя глубинные корни, истоки...

Попадая в восточную стихию, и русскоязычные поэты наполняются особенной мистической энергией. Из этого благотворного родника испили такие разные таланты как Пушкин, Рерих, Волошин, Есенин, Мандельштам, Тихонов, Луговской, Ахматова. Двухязычная окружающая среда только обогащает. Не впадай в хандру, слушай, как слово проходит через тебя. Язык как песок золотоносный, требует старания, острого зрения, слуха.

Александр Петрович напомнил мне о письме, касавшемся его ташкентского тезки. Факсимиле письма спустя много лет можно прочесть, Оно чудом сохранилось в моем архиве. Межиров обрадовался, что после редакторских прополок книга Файнберга со скромным названием «Стихи», наконец, издана.

Стихи проходят испытание временем. И то, что иные современники не сумели оценить, зачастую становится неприукрашенным портретом целого поколения, а в творческом плане общей, неразрывной «лирики лентой».

Сквозь множество моральных потерь, враждебного отношения тоталитарной системы, барьеров и запретов настоящий поэт идет к своей внутренней свободе.

Раим ФАРХАДИ

ДЛЯ СЛЕЗ НУЖНЫ ПРОСТЫЕ ЗЕРКАЛА

Впервые стихи Александра Файнберга, по просьбе редакции газеты «Узбекистон адабиёт ва санъати» («Литература и искусство Узбекистана»), я взялся переводить более десяти лет назад, примерно в 2005 году. Дело было срочное, поскольку стихи планировалось поставить в номер буквально на следующий день: за одну ночь надо было сделать пять переводов с русского языка на узбекский. Все – из его книги «Прииск».

Было это в ноябре. Я уединился в старом дворике нашего дома, неторопливо расположился на сури¹ под ветками виноградника, и вот так, лежа, начал работать. Писать и вычеркивать. И снова писать, и снова вычеркивать. Все должно было получиться не хуже, чем у Файнберга.

Не берусь судить о конечном литературном результате, но мои переводы уже на следующий день были заверстаны в очередной номер. Среди них оказалось и очень грустное, очень нежное его стихотворение, посвященное маме. Зазвучало оно так:

<i>Я с весны уж на кладбище не был.</i>	<i>Қабристонга бордим, қиш-баҳор эмас,</i>
<i>Вдруг увидел, ступив за порог,</i>	<i>Юрагимга эсди мезон шамоли.</i>
<i>Что не снег это падает с неба,</i>	<i>Осмондан ёғайтган оппоқ қор эмас,</i>
<i>А единственный мамин платок.</i>	<i>Онамнинг бор-йўғи битта рўмоли.</i>

С той осенней ночи его поэзия навсегда очаровала меня. И я стал вновь и вновь возвращаться к его стихам, переводя их на узбекский язык уже без всяких договоров, но просто – для себя.

«Мне повезло, – написал как-то однажды Александр Файнберг, – что я родился в Узбекистане, никогда не чувствовал себя здесь чужим. На моем творческом пути я много раз встречал поддержку и ощущал помощь моих коллег – узбекских писателей. Особенно чувствовал товарищескую доброту со стороны Абдуллы Арипова и Эркина Вахидова...»

Своеобразным ответом поэта на эту любовь стали многочисленные, сделанные с высоким мастерством, переводы на русский язык лучших стихотворений узбекских авторов (и классиков, и современников): Алишера Навои, Аскада Мухтара, Джуманияза Джаббарова, Эркина Вахидова, Абдуллы Арипова, Усмана Азима, Сирожидина Саййида, Азима Суюна...

А что может быть ярче, плодотворнее такого творческого сотрудничества? И отмечено оно весьма достойно – званием Народный поэт Узбекистана.

Как-то в разговоре об Александре Аркадьевиче Файнберге я услышал слова прославленного нашего устоза² Героя Узбекистана, Народного поэта Абдуллы Арипова:

– Среди русскоязычных поэтов Узбекистана нет равных Александру Файнбергу. Он и в кругу своих современников, русских поэтов бывшего Союза, занимает одно из наиболее значимых мест. Его творчество очень высоко ценится в Узбекистане, хотя в масштабе большой русской литературы поэзия Файнберга и не получила пока еще оценки, достойной его таланта...

Абдулла-ака не без воспитательного умысла много раз повторял нам, молодым, одно из известнейших стихотворений Александра Аркадьевича, где были такие строки:

*Ну, зеркала! Слошное неприличье.
Весь мир кривой. И все наоборот.
Хватаемся от смеха за живот
И каждый пальцем друг на друга тычем.*

*Ой, не могу я! В ребра бьет игла.
От смеха? Ну конечно же, от смеха.
Для слез нужны простые зеркала.*

Вот эти-то слова – «...Для слез нужны простые зеркала» – лучше всяких других литературных напутствий, мне кажется, должны помогать всем нам, писателям, оставаться честными в своем ремесле...

Сонет Файнберга «Зеркала» я также перевел на узбекский язык.

Следующим, поразившим меня своею динамикой, стихотворением Файнберга, так и

¹ Сури – деревянный настил, топчан для отдыха.

² Устоз – учитель, наставник.

просящимся в перевод, стал текст его «Одиннадцатиметрового штрафного удара». Не репортаж, не комментарий футбольного матча, но что-то совершенно иное.

Хотя столь тщательного, едва ли не подетального описания игры в стихах еще следует поискать, тем не менее, за этим описанием, на мой взгляд, легко разглядеть нечто гораздо большее... Символичное. Жизнеутверждающее.

Вратарь, вступающий в решающий бой, выходящий один на один с нападающим, вполне может ассоциироваться с человеком, который борется за некую конкретную справедливость, причем, в ситуации опасной и достаточно напряженной:

*Я вис на сетке, как замок.
Был бог, мячи снимая с ног,
Я оба тайма был сторук.
Теперь «одинадцать»
Каюк.*

*Дарвозага қулф каби осилдим.
Ҳар тепилган тўпга ўқдек отилдим.
Иккала таймда ҳам зўр қалқон бўлдим.
Энди «Ўн бир метр».
Энди мен ўлдим.*

Человек готов к бою. Человек сосредоточен на предстоящем:

*Я разминаю руки,
плечи.
Я убираю чуб со лба.
Ну что ж,
целуй меня покрепче,
моя футбольная судьба!*

*Қўл-елкаларимга тоб бераман хўб.
Қайираман кўзга тушган сочимни.
Мана, энди менинг пешонамдан ўп,
Футбол — тақдиримсан,
сила бошимни.*

Сломанная строка, прерыв созвучий, – буквально все в самой компоновке стиха выполняет одну задачу: передает через движение вратаря, в том числе и внутреннее, всю динамику происходящего. Здесь одновременно и волнение, и страдание, и надежда, и радость:

*Мне славы форварда не надо
Голы я б забивать не стал.
Есть высшее – спасти команду.
Себя подставить под удар.*

*Ҳужумчи шуҳрати менга не даркор,
Ҳеч қачон урмасман дарвозага гол.
Ўзимни нишонга қўйиб фидокор,
Жамоам шаънини асрайман ҳалол.*

Из всего этого читателю становится совершенно ясно: пока существует такое самоотвержение, такая радость борьбы, стремление преодолеть трудности этой борьбы, никому нападающему не прорваться, не преодолеть железную волю, защищающего честь и справедливость упорного вратаря, который здесь становится метафорическим символом сопротивляющегося злу человека.

Точно так же, как близозвучное пение соловья, равно принимаемо и понимаемо всеми, слушающими его, вне зависимости от национальности, от языка, так и музыкальное звучание стихов настоящего поэта одинаково очаровывает всех, кто его слышит. Об этом давно знают, напоминая нам, все наши поэты-устозы. Язык поэзии, музыки и, вообще, искусства безграничен.

Писавший на русском языке Александр Аркадьевич Файнберг для меня, носителя совершенно другого языка, как и многих других инаокоязычных, всегда был понимаем. Понимаем во всех своих метафорах, образах, сравнениях.

Мне кажется, я достаточно точно улавливал состояние его души, его переживания. И при работе над переводами мне оставалось лишь найти эквивалентные слова в узбекском языке, точно, строго и поэтически выражающие эти переживания.

*...А мяч по гаревой катился.
Стояло небо в вышине.
И ноль
во всех табло светился.
И жаль «девятку» было мне.*

*...Тўп юмалаб кетди четга шоиқалоқ.
Фалакдан юлдузлар боқди,
лол қилдим.
Таблода нол ёнди тўпдек юмалоқ.
«Тўққизинчи»ни мен
«Биру нол» қилдим.*

Я становился архитектором, который, возвратившись из дальнего путешествия, строил уже в своей стране увиденное там и так понравившееся ему здание. Строил по памяти, восстанавливая его фасад, каменную кладку, мозаику стен... Но делал это уже из своего, собственного, родного для себя словесного строительного материала.

И тогда его чудо-поэзия, его образы становились уже обретением узбекской литературы.

Это был своеобразный «...в ладони грянувший огонь» («Кафтларимда ёнди лов этиб олов»).

Мой родной узбекский язык всегда оказывался в полной мере эквивалентным любому иностранному языку. Он прекрасно, как в тех, уже упомянутых зеркалах, отражал все то, что оказывалось перед ним. Если было солнце – отражал солнце. Если была звезда – отражал звезду. И ветерок, и траву: «А ветерок колышет сетку и пробегает по траве» («Шамол хилпиратиб эркалар тўрни, майсалар устида ўйнар беармон»).

Таким образом, поэзия Александра Файнберга по-настоящему зазвучала и по-узбекски. Сумма переводов, сделанных узбекскими поэтами, со временем вылилась в отдельную книгу – «Чигир».¹

«...Я жду от произведения литературы чего-то нового для меня, чего-то, что меня хотя бы на самую малость изменит, о чем я еще не думал, не представлял себе в качестве осознанной возможности существования, какой-то новой возможности видеть, говорить, думать, быть. С тех пор, как я понял, что я сам могу измениться, благодаря литературе, я жду от литературы новой возможности изменить меня, потому что не считаю себя законченным. Я жду от литературы опровержения всех окончательных представлений о мире. А поскольку я понял, что могу измениться, благодаря литературе, что могу, благодаря литературе, осознанно жить, я пришел к убеждению, что могу посредством литературы изменить и других», – писал Петер Хандке, один из известных представителей современной австрийской литературы². Работая, ожидал от поэзии Файнберга, что меня и других людей она изменит, обогатит образами, новым ощущением жизни. И ожидания всегда оправдывались.

Даже и в узко профессиональном смысле я учился у него многому. Стремился столь же технически точно овладеть структурой стиха, которой Файнберг владел виртуозно. Само разнообразие предложенных им стихотворных форм и жанров, заставляло литературно подтягиваться, избегать пустоты, смысловой ненагруженности слов, разболтанности стихотворной строчки. Поэмы, баллады, четверостишия и восьмистишия, наконец, сонеты, написанные его рукой, удивляли, восторгали, обогащали духовно и профессионально.

Причем, сам он не стекленел в догматической строгости классических форм.

Он работал с этими формами, легко осовременивая их. Он и назвал-то свои сонеты «Вольными», недвусмысленно подчеркивая, что в них появится нечто новое и по выразительности, и по содержанию.

Один из таких его сонетов «Слово», особенно понравился мне, и я не мог не подарить его узбекскому читателю:

*Где слова не дано, там нет и прав.
Мы отравили древние глубины,
И в берег моря врезались дельфины,
И умерли, ни слова не сказав.*

*Молчат стволы порубленных дубрав.
Локаторы горам прогнули спины.
И меркнет свет над ядерной равниной.
И нету слов у обреченных трав.*

*Не проклянут нас ни вода, ни камень.
Нет слов у псов добытых каблуками.
Нет слов у птиц, ракетой сбитых влет.*

*Две тыщи лет от рождества Христова.
А мы живем. И стыд нас не берет.
Кому ж ты дал, Господь, язык и слово?*

*Кимнинг тили йўқдир, йўқ унда ҳуқуқ.
Уммонлар сувига биз оғу қўшидик.
Дельфинлар отилиб қиргоққа тушиди,
Ўлса ҳам бирор сўз айтишигани йўқ.*

*Дарахтлар гапирмас, кесилар ўрмон.
Тоғ бошига юган солар локатор.
Саҳро осмонида ловуллар ядро,
Ёнади тили йўқ майса, ўт-ўлан.*

*Сув гап қайтармайди, гап қайтармас тош.
Шер оловга сакрар урсанг, эгиб бош.
Учар қушлар ўлар тўп отганда ўқ.*

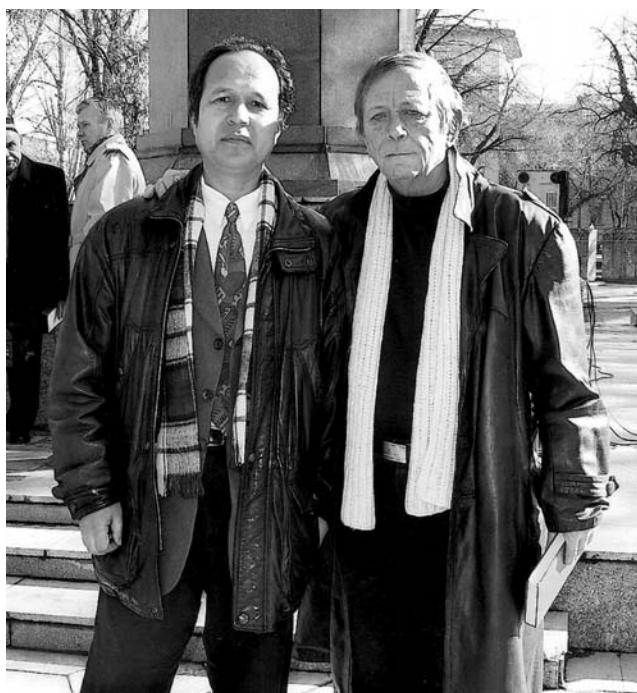
*Яралгандан буён бу кўҳна дунё
Бефарқмиз. Уятдан ўлганимиз йўқ.
Не учун тил бердинг одамга, Худо?*

Александр Файнберг в своих стихах писал не об отвлеченных, застывших во все времена одинаково понятных и одинаково понимаемых чувствах. Он обогащал их невидимым, но вполне ощущаемым подтекстом, мудрой философией жизни, которая, осознавая, что пагубна, все же жизнелюбива и жизнеутверждающа.

Если другие люди были счастливы, то и поэт не мог быть несчастным. Если другие страдали, то и он страдал вместе с ними. И здесь трудно определить – кто в его стихах настоящий лирический герой, – те, о ком он писал, или он, автор, пишущий о них:

¹ Чигир – старинное ирригационное приспособление для орошения земли.

² Называть вещи своими именами. Общ. Ред. А.Г.Андреева, М., «Прогресс», 1986, с 390.

*Спешу ли на счастливое свиданье,
с друзьями ли пою навеселе –
чужая боль меня не покидает,
чужое горе мыкаю в себе.*

*Когда же мне отнюдь не до веселья
и горько от предательства и обид –
чужая радость входит в мое сердце,
чужое счастье плакать не велит.*

*Шошилганимда ҳам висолга хушбахт,
Куйлаганимда ҳам дўстлар-ла сармаст —
Мени тарк этмади бировнинг дарди,
Бировнинг гамидан чекдим укубат.*

*Ҳаётда ногаҳон хафа бўлсам гар,
Ҳасад ва хиёнат сўндирса шаитим —
Бировнинг қувончи кўнглимни олар,
Йиғлагани қўймас бировнинг бахти.*

Вот и выходит – без преувеличения – чтобы изменилось мировоззрение человека, чтобы он осознал себя на какой-то более высокой жизненной ступени, чтобы мелодия его души достигла совершенства и обогатила внутренний мир, поэзия Александра Файнберга жизненно необходима.

Буквально на следующий день после того, как я закончил работу над очередным переводом его стихов, Александр Аркадьевич, будто почувствовав, что можно идти дальше, позвонил мне: «Есть новые стихи, посвященные юбилею любимого Ташкента, следует поговорить...»

Я быстро отдал подготовленную мною свежую рукопись в набор и поспешил на встречу к Александру Аркадьевичу.

В тот день я слышал его голос в последний раз.

Рустам МУСУРМАН

ПОЭЗИЯ

**Александр
АРИСТОВ**

Родился в 1962 г. Профессионально занимался журналистикой. В настоящее время работает генеральным директором совместного узбекско-азербайджанско-российского предприятия «Kimyohimoyata`minot», с 2013 г. является Председателем Правления Русского культурного центра Узбекистана.

Благодарю тебя за все...

* * *

Ударившись о грань бокала,
И соскользнув на край стола,
Упал на пол и в полнакала
Свой отблеск дал на зеркала.

Весенний луч – не яркий, робкий –
Скользнул у ваших стройных ног,
В ковер уткнулся шерсти тонкой,
И дальше сдвинуться не смог.

Собравшись с силой, встрепенулся
И приподнялся было он,
Но тут, едва ноги коснулся,
И рухнул снова – побежден!

* * *

Нет, над годами я не властен.
Уж осень волос серебрит,
Но дивный шелест дамских платьев
Меня как в юности пленит.

Ах, что за прелесть эта ножка
И шейки милый поворот,
И эта хрупкая застежка,
Что грудь от взглядов бережет!

О, Женщина, тебе дана
Всепобеждающая сила.
Меня навеки ты пленила
И навсегда лишила сна!

* * *

Люблю тебя за каждую минуту!
За каждый миг, за каждый взгляд люблю!
За нежность плеч твоих, за теплоту, за губы!
За то, что я бегу, когда к тебе спешу!
Люблю тебя за то, что робость забываю,
Люблю тебя за то, что о тебе пою!
Но более всего за то, что я не знаю,
Полюбишь ли меня... как я тебя люблю!

* * *

Ташкент, по улицам твоим,
Где пыль к деревьям и фонтанам
Струится стеблями травы,
Всегда хожу немного пьяным
От солнца, женщин и любви!

Склонилась ива над арыком,
Пожухла желтая трава,
И пацаны с веселым криком
Бегут куда-то со двора.

И мне бы с ним, да вот годы...
Куда их деть, кому отдать?
Душа стремится, только ноги,
Бежать не могут, Твою мать...

* * *

Это было не по теме,
Это было против ветра.
Только в этот день весенний
Шляпу я одел из фетра!

И по гулкому по парку
Под веселый шелест листьев
Прогулялся спозаранку,
Кислород в крови повысив.

Звонко шлепая по лужам,
Пожимая веток лапы,
Понял вдруг – что здесь не нужен,
В шляпе я, или без шляпы.

* * *

Благодарю тебя за все:
За то, что по ночам не снишься,
За то, что мне с тобой давно
Не хочется уединиться.

За то, что под твоё окно
Меня в ночи уже не тянет,
За то, что сердце холодно,
Так, что весны не замечает.

Спасибо, что твои шаги
Мой больше сон не потревожат,
За то, что нас соединить
Ничто и никогда не сможет.

Какое счастье для двоих –
Я не любим, ты не любима.
Не целовать мне губ твоих...
Спасибо, милая, Спасибо!

* * *

Украден миг, украден час.
И поцелуй украден тоже.
И эта встреча при свечах
На кражу мелкую похожа.

Свеча горит в твоём окне.
И я в своём окне напротив
Зажег такую же. И мне,
Вдруг, показалось – ты не против.

Не против, чтобы я любил
Твой силуэт за плотной шторой,
И на минуточку забыл –
Тебя уносит поезд скорый.

* * *

Я родился не в то время!
Мне бы «бабочку» и фрак,
Экипаж лихой имея,
Я б промчался на рысях.

Мимо шумного бульвара,
Мимо тихого пруда,
Где качает лебедицу
Темно-синяя вода.

Я б на бал приехал:
«Здрасьте! Вашу руку, мадамзель!»...
...Только мчит меня по трассе
В черных «шашечках» «Газель»!

* * *

А с неба падала звезда.
Она летела в никуда
И обрывая провода,
Прошлась с нами навсегда.
Но это, в общем, не беда –
Ведь ты ответила мне «Да»!

* * *

Я жизнь прожил то радуясь, то плача.
Любил, дружил, за хвост ловил удачу.
Терял очки и набирал штрафные,
Дни были сладкие
И были дни иные.
Но жизнь мою, корявую такую,
Я не готов сменить ни на одну другую!

переводы

Абдулла АРИПОВ

Родился в 1941 г.
Герой Узбекистана,
Народный поэт.
Автор государственного гимна, известный драматург, переводчик, общественный деятель. Автор многочисленных поэтических сборников.

Не все то золото...

(Притча)

Перевод с узбекского Николая Ильина¹

*Кто ценности золота не создает,
Того глупцом называют.
Но тот, кто в нем высшую ценность найдет,
Глупее глупца бывает.*

*Бог весть в какие уже времена
Один богач объявился,
Денег полно, а культуры нет,
И этого он стыдился.*

*А жизнь не мельничное колесо –
Обратно крутить не дело,
К тому же, чем полнее твой ум,
Тем часто худее тело.*

*Но Бог одарил того богача
Потомством весьма обильным:
Было три сына у него,
Хоть баловал он их сильно.*

*И как-то сказал сам себе богач:
«Я прожил всю жизнь невеждой,
А вдруг в моих детях есть талант?» –
Подумал он с надеждой.*

*Ведь я без стрелы сбиваю гуся –
Не зря мне далось богатство.
Самого строгого в учителя
Найму, чтобы сын старался».*

*А надо сказать, у того богача
Было одно увлечение:
С детства он музыку обожал,
Песни любил и пение.*

*И вот наилучшего из певцов
Богач к себе приглашает,
Кормит и поит и хвалит его,
И всячески ублажает.*

¹ Родился в 1950 г. в Челябинской области РФ. Окончил Ташкентский госуниверситет. Переводчик, поэт, литературовед. Автор поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада». Живет в г. Ташкенте.

И так говорит: «Вы сумели певцов
Сделать из диких монголов.
Сделайте нашего сына певцом,
Поставьте ему голос».

Дни шли за днями, и деньги текли,
Теряясь, будто в песке река,
Мастер-певец проливал свой пот
Воспитывая наследника.

Но, как ни бейся, а муравья
В слона превратить не удастся,
Как и из тонкого волоска
Плести аркан – зря стараться.

На деле, у сына того богача
Лишь к картам имелся дар,
И только зря он до ночи с утра
Все мучил свой дутар.

И вот однажды в большом дворце
Великий праздник случился,
А старший сын того богача
Участвовать в нем решился.

Богач сидел, с надеждой в душе,
Что зря не пропали траты,
Что столько усилий и столько средств,
Даст Бог, дадут результаты.

Там были певцы без гроша за душой,
Иной босоногим был,
Словом, всякого рода народ
На сцену тогда выходил.

Строгий судья – сам, конечно, хан,
Не хочет и улыбаться,
Бай понимал, что такого купить
Не стоит и пытаться.

В итоге прекрасный буланый конь
В награду кому-то дался.
И вот досада: сынку богача
Обычный осел достался.

Теперь уже бай совсем потерял
На старшего сына надежду:
Было проиграно разом все,
Потраченное прежде.

И бай сказал: «Уж не знаю, на ком
Мне выместить всю досаду.
Лучше совсем не слушать певцов,
Хоть в этом найду отраду».

Тут среднему сыну пришел черед
Попасть в его поле зрения,
К нему ведь особая тяга отца
Ну и, конечно, доверие.

Считай, без изъяна тот парень был,
Исправный джигит, без сомнения
(Если только, конечно, всерьез
Не принимать его пения).

Подчас мы особенно любим того,
Кого рука колотила,
И даже готовясь оставить свет,
Помним лишь то, что мило.

«Слепец теряет свой посох лишь раз –
Теперь я стал опытен очень,
И среднего сына моего
Я сделаю славным зодчим».

Так рассуждая, наш бай опять
Золото в ход пускает,
И вот архитекторский аттестат
Средний сынок получает.

И бай сказал: «Мой сын, я прошу,
Следуй благим примерам.
И если где-то построишь мост,
Пройди по нему первым».

Сыну неведомы были дела
Строительства и расчета,
И вот однажды, навесив мост,
Позвал он смотреть работу.

Со всей округи собрался народ,
Зодчий так горд собою.
И как он сейчас по мосту пройдет,
Все разом глазели толпою.

О Боже правый, ну разве мосты
Можно делать так шатко:
Не смог выдержать этот мост
Даже единого шага!

Он разломался пополам,
И с треском обвалился.
А наш архитектор вниз полетел,
И в воды реки свалился.

Беднягу бая аж бросило в пот,
Все тело в трясушке билось:
Уже вторая надежда его
Вместе с мостом провалилась.

Тут бай серьезно заболел,
Сердце его прихватило.
Сахар повысился у него,
Давление подскочило.

Если уж блага небедной судьбы
Такие «подарки» несут,
То пусть лучше жизнь заберут к себе
Могила и Страшный суд.

Но человеческому существу
Верить всегда удается
(Не важно, богач он или бедняк),
Что как-нибудь все обойдется.

Теперь уже младшему сыну пора
Освоить науку лечения:
«Здоровое тело – основа всего», –
Так утверждали древние.

«Могу обучить я хоть десять врачей,
Мне хватит деньжат, – сказал бай. –
Хотя бы и десять кошелей
Истрачу на это пускай».

Сына, что в небо змея пускал,
В город богач направляет,
А сколько скота и денег отдал,
Никто уж не подсчитает.

И снова годы рекой потекли,
То быстро, а то уныло.
Богач ждал сына, считая дни,
А что-то внутри его ныло.

У якобы самых известных врачей
Сынок постигал лечение,
Но тот прогревание назначал,
А тот назначал охлаждение.

И младшего сына, как старших двух,
Золото бая учило,
И шарлатанов – бездарных врачей –
Рецепты ему вручило.

Однажды сынок, хваля сам себя
И лекарское свое умение,
Заставил что-то выпить отца
Бог весть чьего приготовления.

Кто знает, сам ли богач поспешил
Иль кто-то его торопил,
Но в тот же день наш бедняга бай
Господу душу вручил.

Рассказ мой не басня и не смех,
Я мед в нем искать не склонен,
И суть не в том, что бедняк здоров,
А богач непременно болен.

Кто ценности золота не сознает,
Того глупцом называют.
Но тот, кто в нем высшую ценность найдет,
Глупее глупца бывает.

проза

ANAMNESIS MORBI... ANAMNESIS VITAE...

Записки коллекционера

БУХАРА

Бухара – знаковый город планеты. Ей 2500 лет. С древне-согдийского «Buhorak» – счастливое место. Так называлась область низовья реки Зерафшан. Бухарская земля дала миру много умных политиков, гениальных просветителей и трудолюбивых мастеров, внесших весомый вклад в мировую культуру и науку. Бухаре справедливо присвоены почетные титулы – «священная», «благородная» – «Бухорои шариф». По всему миру таких городов не более десятка.

Бухара – родина великого Абу Али ибн Сины. В Бухаре в 50-е годы прошлого века после окончания Ташкентского сельскохозяйственного института работал мой отец. Под его руководством в районе аэропорта было высажено около 2000 плодовых деревьев. Начатое им дело продолжили ученики, превращая землю Бухары в сад. После смерти отца я читал его бухарские письма, адресованные моей маме. Они исполнены любовью к жизни, к Бухаре, к семье.

Молодым врачом я часто бывал в Бухаре в медицинских командировках, помогая развитию детской реанимационной службы области, и просто в гостях. А вот к поездке в марте 2005 года с большой группой медиков моей команды готовился особенно тщательно. Я мечтал принести людям Бухары мои дары – филигранные медицинские методики диагностики и лечения заболеваний опорно-двигательной системы и, что вообще не характерно для экспедиционных медицинских групп, свою художественную коллекцию, состоящую из сорока полотен ташкентских и ферганских художников и шестнадцати оформленных исторических раритетов Бухары.

Полотна были с любовью прописаны Риммой Гаглоевой, Инной Васильевой, Татьяной Ли, Искрой Шин, Игорем Рахимовым, Валентином Бизяевым, Ириной Батовой. Их работы украсили холлы и кабинеты санатория-профилактория Бухарского хлопчатобумажного комбината, где мы проводили медицинский прием.

Коллекцию раритетов тщательно собрал и оформил по моему заказу ташкентский антиквар и багетчик Рафаэль Еналиев, утверждая, что каждый экспонат уникален. В эту коллекцию входили монеты Бухары XVIII–XX веков, фотографии свиты эмира начала прошлого столетия, театральные афиши, карта раздела эмирата 1924 года, стратегическая карта ВЧК Бухары и ее окрестностей 1927 года, путеводители по городу 50–60-х годов. Каково же было мое удивление, когда в Государственном музее истории в Арке я обнаружил фотографии свиты эмира, но увеличенного размера, оформленные тем же Рафаэлем, и от души подаренные музею одной из дипломатических миссий

**Алексей
НАЗАРОВ**

Родился в 1952 г. Окончил Московский медицинский институт и аспирантуру в Москве. Кандидат медицинских наук, высококвалифицированный врач-вертебролог, известный коллекционер, собравший уникальную коллекцию современной Узбекстанской живописи. Работает в медицинском центре «Аник».

Европы. Антикварный бизнес всегда полон загадок и тайн, и все же бизнес есть бизнес. Зато остальные раритеты не вызвали сомнений в подлинности и очень заинтересовали бухарцев. И в кабинете, ставшем на время моим рабочим, наравне с медицинскими консультациями проводились экскурсии в историю Бухары.

До поездки в Бухару я встречался с очень интересным человеком – гидом турфирмы «Azia Travel» Рустамом Гафаровым. Энциклопедически начитанный, интеллигентный, полиглот, он рассказывал мне об истории и людях Бухары. Много раз упоминал об очень интересном человеке кугирчокбозе – сказочных дел мастере – Искандере Хакимове.

Мы ведь все родом из детства, помним о представлениях на открытых площадках с канатоходцами, карнарами и сурнеями, клоунами, силачами и, конечно же, с кукольными представлениями. Всеми органами чувств припадали мы к этим праздникам, дыша запахами горячих лепешек и шашлыка, медленно смакуя пластинки из кунжута и миндаля, залитые затвердевшим сладким сиропом, сочной палитрой праздника, и исподтишка старались дотронуться до пробегающего клоуна – масхарабоза. А томление перед спектаклем в полузатемненном зале кукольного театра, где каждая минута ожидания равна часу и сравнима лишь с ожиданием свидания со своей возлюбленной. Вот гаснет свет, раздвигается занавес, и лучи софитов врываются в новую сказочную жизнь, где ты все принимаешь за истину и соглашаешься со всем происходящим, теряя грань между реалиями жизни и сказкой. Ведь в детстве все сказочно, отрицательные герои имеют такие же права на жизнь, как и положительные. Без них и сказки не получится.

Дети все одинаковые, и все требуют праздника и кукол. Они будут их одушевлять – учить и воспитывать по примеру взрослых. Бог произвел нас подобными себе, вдохнув в нас душу. А мы создали кукол, чтобы они жили по нашим сценариям. Мы учим жить наших детей, используя игрушки. Сначала соски, эксплуатируя их сосательный рефлекс. Затем показываем им формы и структуры, предлагая шарики, кубики. Потом даем погремушки, используя их хватательный рефлекс. Мягкие игрушки – заек, мишек – используем для развития тактильной и фиксационной глазодвигательной активности.

Народная мудрость гласит: дети – это наши куклы, а внуки – наши дети. Люди и куклы очень похожи. Возьмешь в руки куклу, смотришь на нее и тем самым оживляешь ее, делясь своей энергией, передавая свою температуру, запах, заставляя двигаться в ритме нашего сердца. А движение энергии – это уже жизнь. Кибернетические куклы-роботы в некоторых сферах жизни уже превосходят возможности человека. Кукла – это явление, микросхема человеческой души с ее привычками и мироощущением. Зеркально экстраполируя характер своего будущего хозяина, кукла может лечить, оберегать от соблазнов, снимать депрессию и повышать уровень устойчивости к стрессу.

Раньше мастера кукол и кукловоды считались людьми, приближенными к Богу. Они были людьми просветленными и мудрыми. Таким оказался и наш устоз-кугурчокбоз Искандер Хакимов. Родители художника нарекли своего сына именем великого Македонского, возложив тем самым на его плечи нелегкую миссию. Мальчику предстояло имя оправдать, подтвердить жизненными подвигами, стать сопричастным к великому искусству и востребованным своим народом, одаривая его эксклюзивными творениями. Искандер приятен в общении, прекрасный собеседник. Путь его в кукольное искусство был непрост. Работа в школе учителем не удовлетворяла его ни финансово, ни душевно. Удача улыбнулась ищущему: его бывший ученик Эркин Жураев, театральный художник, привел Искандера к азам кукольного искусства. Плохой учитель научит истине, хороший – поможет ее найти. И в 1996 году Искандер Хакимов организовал первый кукольный театр в Бухаре.

Народная мудрость гласит: до 20 лет ума нет – и не будет, до 30 лет жены нет – и не будет, до 40 лет денег нет – и не будет, до 50 лет здоровья нет – и не будет. Опираясь на эту нехитрую мудрость, наш устоз прошел все этапы на «отлично» и даже с плюсом. В свои 50 он строен, красив и зеленоглаз. Мы быстро сблизились и стали друзьями.

Проведя небольшие маркетинговые исследования и окончательно поняв, что в регионе лучшего нет, я разместил у устоа заказ на 30 перчаточных кукол, похожих на меня, для подарков родным и близким. Уворачиваясь от вопросов «почему похожих на себя?», подспудно указывающих на культ личности руководителя, отвечаю, что вдруг сотрудникам и близким захочется манипулировать шефом в домашних условиях. Ведь японцы не боятся выставлять манекены своих руководителей в раздевалках или коридорах для свободного выхода накопившихся за рабочий день эмоций.

Куклы были изготовлены прямо ко дню моего рождения в марте 2006 года. В том же году Искандеру была заказана эксклюзивная кукла дервиша, экипированного в одежды XIX века суфийского толка со схожим с моим лицом. Единственным дополнением к костюму была колючая проволока, обвитая вокруг чапана, что не являлось атрибутикой одежды дервишей.

Над каждой куклой работает целая бригада мастеров, включая художника, дизайнера, швею или даже ткача, атрибутщика и в конце – кукольника. Одному лишь Папе Карло удалось в одиночку создать мировую известность – Пиноккио или Буратино. Для разных регионов характерны свои куклы. У нас – Качал Палван, в России – Петрушка, в Чехии – Кашпарек, в Италии – Пульчинелла, во Франции – Полишинель, в Германии – Гансвурст, в Австрии – Косперле. В Турции черноглазого Петрушку называют Карагез, а в Англии – Панч. Они разные по одежде, а лицом и характером схожи. Их изготавливают конвейерным способом для туристов как символ страны, и стоят они недорого.

Над моим проектом работали около четырех месяцев и, когда в Ташкенте я открыл большую коробку, присланную мне оказией из Бухары, радовался как ребенок, умиляясь и рассматривая детали.

Дервиш стал моим братом и другом и занял самое почетное место в квартире – на моем письменном столе. Мы часто беседовали, глядя друг другу в глаза, и говорили только правду. Когда я грустил, он огорчался, а когда уезжал в командировки, очень скучал. Кугирчокбоз Искандер будто почувствовал это и через два года послал мне дружеский подарок – собеседника дервишу. Это была изысканно сделанная кукла охранника Бухары с модели XVIII–XIX веков, слегка напоминающая «верешагинского охранника». Сделана она была виртуозно. Боевое копьё и шит из натурального сырья затмевались грацией кинжала в ножнах, заткнутого за пояс, оформленного настоящими разноцветными камнями. Никакой имитации, все натуральное, только в миниатюре. Халат из натурального шелка изящно простеган и надет на нарядную домотканую рубашку из хлопка. Голову украшал шлем из меди и, как положено, на шею и плечи свисала железная бахрама. В чертах лица угадывалась некоторая бравада, неприступность и высокомерие.

Я поставил кукол рядом и успокоился, но напрасно, так как между дервишем и охранником начался конфликт. Причем исходил конфликт от стражника. Я стал замечать, что он поворачивается боком к дервишу и не хочет с ним общаться. Мою догадку, что супруга, убирая на столе, незаметно для себя поворачивает куклу, Светлана категорически отвергла. Наверное, в той прошлой жизни охранники не очень жаловали дервишей-бродяг – суфиев, отождествляя их с шайтанами.

Мне казалось, что я уладил конфликт, передвинув охранника на другой конец стола. Но с него теперь стали таинственно исчезать то шлем, то копьё, то кинжал, Мой охранник без вооружения стал походить на экзальтированного бая. Я обнаруживал его амуницию то в столе, то на книжной полке. Казалось, что этот конфликт разросся и перекинулся на всех обитателей стола. Ручки и карандаши ошетинились, а книги своими толстыми боками все норовили сбросить моего нового знакомого с края стола. Ссора уладилась так же внезапно, как и началась: я обнаружил пропавшую амуницию охранника в «братской могиле», большой картонной коробке для игрушек моего младшего внука Богдашки. Вот они и попались, «ручки шаловливые». Я на время убрал сверкающую амуницию для сохранности внутрь письменного стола.

Дервиша Богдашка не трогал, возможно, из-за колючей проволоки. Очевидно, что со стражником у него просто были свои разборки. Я не лезу в их отношения: сами разберутся. Мальчик переехал жить в страну сказок. Пусть живет там, сколько хочет. Эмигрантам из этой страны зачастую бывает нелегко.

Недвижимая кукла не мертва, она думает, как гений или философ. И ей своего внутреннего движения достаточно, чтобы познать динамику движущегося времени. А нам, простым людям, нужно видеть динамику изменяющейся жизни, чтобы понять, что мы живы и живо все, что движется вокруг нас. Мы считаем, что движение – это жизнь. Куклы задвигались в руках человека, он стал отождествлять свою жизнь с жизнью кукольного мира.

До сих пор существуют четыре вида кукольных театров – театр марионеток, перчаточных кукол, театр теней и театр, где люди и куклы играют одновременно. Не берусь судить, что было в ранних цивилизациях (а они, я уверен, были с их определенной культурой. Ведь генетики расшифровали только последнюю, а ей около ста пятидесяти тысяч лет), а вот в нашей цивилизации куклы, как и человек, произошли из Африки и двигались на восток, а затем – на запад и расселились по всем континентам. Из XI века Омар Хайям напоминает нам о наличии кукольного театра:

Мы послушные куклы в руках у творца,
Это сказано мною не ради слова.
Нас по сцене Всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

Детскую радость от общения со сказочным миром кукол я экстраполировал на всю жизнь. Помню первое посещение Театра имени Образцова в Москве в 1970 году. Давали

«Божественную комедию» Данте. Я сидел в первом ряду напротив сцены. И в конце спектакля, когда все рукоплескали стоя, на авансцену вышли три актера с куклами на руках, я впервые увидел худого, полуседего, хромого, неказистого, в черном трико человека. Так я встретился глаза в глаза с великим «Паниковским» – гением театра и кино Зиновием Гердтом с Творцом на руках.

Осенью 2009 года я мечтал посетить частный кукольный театр Искандера. Был разгар хлопковой страды, театр был закрыт, лиры молчали. Я нашел Искандера в новом помещении на самой центральной тропе туристов, ведущей к первому куполу.

Тема нашего разговора касалась нового заказа для «кукольной лаборатории», посвященного двум моим любимым писателям – Гансу Христиану Андерсену и Гафуру Гуляму. Мой заказ был очень прост – сделать характерные сцены из сказки «Огниво» и «Шум бола» к марту следующего года. Мне было отказано.

В феврале 2006 г. я разместил очень странный заказ знатоку женского психологического портрета, известному живописцу Бухары Асаду Барноеву. Предугадывая события, которые произойдут со мной через 2,5 года, я попросил его написать триптих, где хитрость, жадность и предательство предстанут перед зрителями в женском облики. На примере классики, узнаваемой всеми – Натальи Гончаровой и Пушкина, например. Дав стартовую сумму и зная производительность труда мастера, я был вполне уверен, что заказ будет выполнен через год. И зря. У него не оказалось судьбы быть выполненным ни через год, ни через два, ни через три.

Об Асаде Барноеве я услышал случайно, встретив русского человека в одной из маленьких галерей Бухары в 2005 году. Им оказался профессор геологии из Зерафшана Геннадий Николаевич Полишук. Он сказал, что приехал специально посмотреть «женщин» Барноева: они у него особые, нет ни одного мастера в Узбекистане, так владеющего психологическим портретом женщины. Про себя я подумал, что, может быть, он просто не знает других мастеров кисти и создал себе кумира. Ведь всегда есть тот, кто лучше лучшего. Но все же я был заинтригован, и встреча с мастером состоялась в огромном холле гостиницы «Бухара Палас».

Асад Барноев оказался низкорослым, коренастым, совершенно лысым. С первого взгляда ему можно было дать лет 45, но он уже переступил свои 60. Одетый во все черное, он напоминал маленького Мефистофеля. Крупные черты не морщинистого лица, слегка вытянутого за счет несколько большей нижней челюсти, большие красивые губы, мягкая, пластичная походка, слегка бархатный, низкотрахеальный голос – все указывало на его чувствительность, флегматичность и множество тонких характеристик, присущих только женщинам, но с большой горбинкой хищно изогнутый нос все же указывал на его сильное мужское начало.

А. Барноев родился в послевоенном 46-ом году. Был много раз женат, слыл большим женолюбом и часто влюблялся. Он любил путешествовать, побывал в разных странах, прожил в Америке много лет и получил среди бухарских художников кличку «американец».

В тот первый вечер я успел сделать заявку на приобретение у него шести картин, выставленных, как и работы других бухарцев, в холле гостиницы «Бухара Палас». Но из всего выставленного там я ничего не помнил, кроме изумительных панно великолепнейшего Баходыра Джалалова. Авангардные, в виде полиптиха, они косвенно указывали на особое понимание автором происхождения жизни на земле.

Среди работ А.Барноева мне очень нравилась работа небольшого размера, где мирно беседовали три женщины, одетые в красочные кимоно, под легкими бамбуковыми зонтиками. Каково же было мое удивление, когда спустя год я узнал, что автор, в общем-то, писал мужчин. Три милovidные японки оказались мужчинами, ну прямо как в театре кабуки.

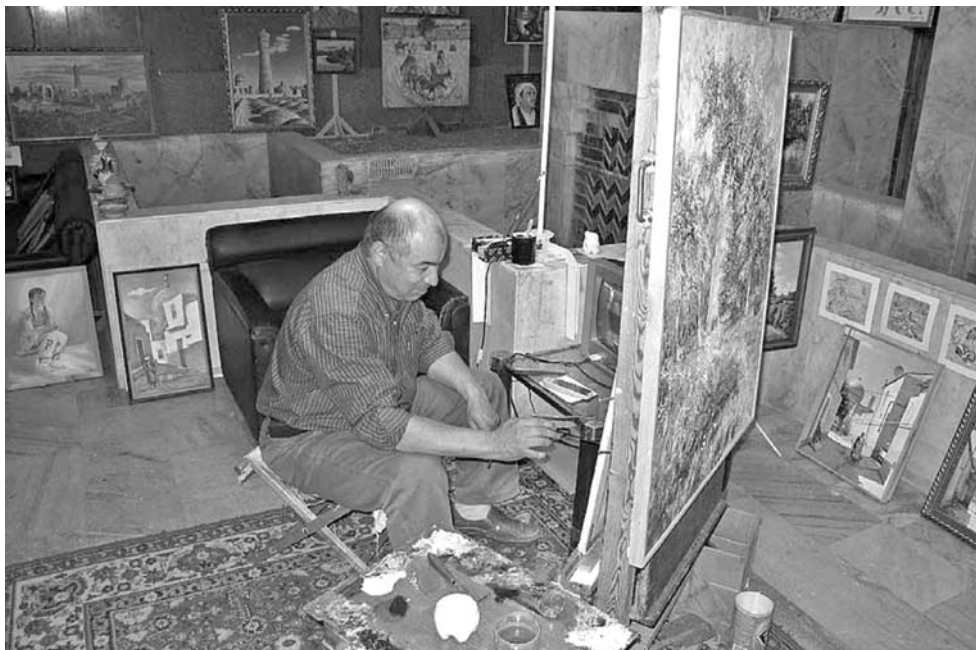
В один из наших приездов в Бухару Асад удивил меня, показав работу на тему о том, как видит меня и мою любовь. Картина получилась большой и красочной. Среди кустов цветущей сирени юноша в цыганской рубаше с лицом, сильно напоминающим лицо Фредди Меркьюри, нежно обнимал красивую раскосую девушку. С картины струилась любовь, но она была более телесной, чем духовной. Я обратил внимание на то, что все женщины А. Барноева схожи. Любя женщин, он их идеализировал, с возрастом приближая их тела и души к какому-то своему идеалу, к какой-то гармонии, известной ему одному. Мне стало понятно, почему маэстро не справился с моим заказом. Просто в его душе не было места для таких характеристик женской природы. Он был соткан из любви и женолюбия, олицетворяя в каждой «своей женщине» свою мать.

Просясь со мной в октябре 2009 года, уезжая с новой женой Оксаной Ткаченко в Симферополь, он сказал, что не смог одолеть мой заказ, но все же выполнил две работы. Не желая обидеть художника, я выплатил названную сумму не торгуясь и не видя работ. Через три дня после его отъезда мне принесли двух переносных «детей» А. Барноева.

Женщины были прописаны на темно-вишневом фоне, почти сливаясь с ним. На первой, большей по размеру картине, на переднем плане была изображена жена Александра Сергеевича Пушкина Наталья Гончарова, сам поэт на заднем плане. Лица их были холодны, печальны и отрешены.

На другой картине на таком же темном фоне были изображены очень грустный мужчина и хитро улыбающаяся женщина. Она слушала старую цыганку, что-то шепчущую ей на ухо. Работы не понравились ни мне, ни моим коллегам. Любви с первого взгляда не вышло. Но, может быть, мы еще подружимся, более глубоко изучив друг друга, а я дождусь А. Барноева, ведь он должен вернуться на круги своя для старта к новой любви.

Там же в холле «Бухара Палас» я встретил художника Вафо Барноева. Он единственный, оставшийся от прошлых времен, «режимный» художник Бухары. Имея маленькую галерею в небольшом аппендиксе холла, он был полностью подчинен режиму работы гостиницы. Арт-галерея и мастерская как два в одном не разделимы с холлом: задвигались люди в холле – галерея начинает работать, прекратилось движение – закончилась ее жизнь...

В мастерской Вафо Барноева

Работа и творчество от звонка до звонка дисциплинирует. У Вафо творческая активность укладывается строго во времени: подъем – отбой, упал – отжался – никаких сантиментов. Пятидесятилетнему Вафо помогают не нарушать сложившийся ритм жизни любимая жена Дильрабо и дети, имеющие художественное образование. Кстати, сын закончил тот же Ташкентский театрально-художественный институт имени Н. Островского и работает с отцом. Дочь-искусствовед вышла замуж за сына Аслидина Исаева, осуществив тем самым мечту отца о свекре-художнике для нее и мечту матери – свекрови-немусульманке (наверное, чтобы не заставляли любимицу бесконечно подметать двор). Вот так и складываются династии художников.

Дильрабо очень красива и целенаправленна, что является неотъемлемой характеристикой таджичек. Красивые большие черные глаза, проникновенно смотрящие в душу собеседника, говорят о Дильрабо как об умной и глубокой женщине. Она хороший портретист и, встретив Вафо – педагога, на первом курсе художественного факультета Бухарского педагогического института, сразу поняла, что это ее судьба, а уже на пятом получила от него предложение руки и сердца. Руку она оставила своему талантливому мужу, а с сердцем получилось иначе. Для гармоничного воспитания детей одного ритма сердца женщины бывает недостаточно. А вот два любящих сердца, резонируя, создают ту самую необходимую энергию. Причем, вынашивая под сердцем ребенка, женщина задает ему свой ритм, а обладая сердцем своего мужчины, создает прочную основу для гармоничного развития подрастающей жизни.

Все врачи имеют одну судьбу: при встрече со знакомыми и незнакомыми людьми

беседовать об их болячках, диете, характере стула, прыщах и косметологии. Только бабушки всегда здоровы и интересуются в основном режимом дня, воспитанием своих внуков. Вафо меня удивил, заговорив о проблемах здоровья Дильрабо. Мы долго обсуждали каждый камушек в почечных лоханках и желчном пузыре его супруги. Он жаловался на ее поясничные и головные боли, проблемы пищеварения. Мне представлялась женщина с энциклопедическим набором патологий. Представляете мою радость, когда я, пригласив ее на компьютерную диагностику, убедился в обратном, но такая забота мужа, похожая на родительскую, всегда трогает душу и не оставляет безучастным.

С этой радости Вафо пообещал написать мой портрет и назвать его «врач, не видящий болезни». Я поблагодарил его за предложение и попросил в названии работы сократить до имени и фамилии.

Вафо Барноев – великолепный портретист, а направление его портретного искусства я бы назвал фотореализмом. особенно моим коллегам понравился портрет матери и дочери художника Музафара Абдуллаева. Великолепна серия портретов «Поливальшик». На втором месте, по моему мнению, располагается пейзажная серия, а архитектурно-пейзажная, приближаясь к кичевому искусству, занимает почетное третье место в моем рейтинге. А вот продается она лучше первых двух. Ею, кормилицей, и оперирует Вафо, превратив свой галерейный аппендикс в театр «одного художника» на «малом Бродвее».

Кстати, против названия «аппендикс» возражала Дильрабо. Она назвала галерею мужа «сердцем» гостиницы «Бухара Палас». Пожелаем и мы устоим, чтобы к ритму их династии добавился ритм сердец внуков, усиливая общую энергию любви и созидания.

Рядом с «сердцем» холла в одиночестве всегда билось маленькое «сердечко» – выставка-продажа картин Музафара Абдуллаева. Работы Вафо выставлял и убирал в конце дня. Там я и познакомился с интересным мастером, членом Академии художеств Узбекистана Музафаром Абдуллаевым. Коренной бухарец, ниже среднего роста, шуплый, с семью широкими усами и поседевшими висками, Музафар напоминал рано состарившегося юношу лет шестнадцати. Слегка вытянутое лицо и приподнятые брови создавали впечатление постоянного удивления.

Говорят, что возраст точнее определяется характеристиками души человека, чем календарем. Музафар сохранил чистые и правильные черты души юноши – доброту, искренность, верность. Между собой художники дружат мало, ревниво утверждая себя в своем творчестве. Собираются они в основном на выставки-смотрины. Иногда они годами держат втайне свои творческие находки, пытаются найти оптимальные решения. Искусствоведов, тем более не допускают к своим новым разработкам. все это мало касается Музафара. Его любят и дружат с ним все художники Бухары, делясь самым сокровенным. Он никогда никого не обидел, никому не сделал зла.

На всех праздниках и днях рождения всегда присутствует Музафар – душа компании. Выпив, он много говорит и жестикулирует перед лицом собеседника, как ребенок смеется и обижается, выпячивая толстую нижнюю губу.

В моей коллекции много его работ маслом, все большого формата. направление его творчества ближе к авангардному, с большой примесью символизма. Я, как цветоаномал, нахожу его полотна монохромными. А люди с нормальным цветоощущением находят в них множество тончайших оттенков. любимые фигуранты его работ – женщины в национальных одеждах, скрывающих фигуры и лица. Слегка наклоненные абрисы героинь всегда создают впечатление их святости и покорности. Причем в доаварийном периоде его творчества преобладали нечетные числа фигуранток, в основном до пяти. После тяжелой травмы осенью 2008 года, сопровождающейся переломом двух голеней и сотрясением мозга, увеличилось количество фигур, причем геометрически и в четном порядке (4–8–16). Я навесил Музафара в период выздоровления в его гостеприимном доме в старом городе, пришел в компании Абида Мавлянова, Асада Барноева, Зелимхана Саиджанова и Сергея Чередниченко. Встреча была теплой, дружеской, а в конце, забыв про гипс, хозяин отправился нас провожать.

Мы вновь встретились с ним в ноябре 2009 года в холле гостиницы, где я купил у него картину «Поэзия». Она была приобретена для Евгении Васильевны Божко в честь рождения ее первого внука Максима. В этот теплый приятный ноябрьский вечер в красивейшем, пустом, только что пережившем турсезон холле состоялась «открытая вечеря» художников и медиков.

Она началась с обсуждения только что приобретенной картины «Поэзия». На ярком желто-оранжевом фоне, выполненный большим объемом краски, определялся силуэт удлинненного в два раза ишака, а на нем восседала стройная девушка без лица. Меня интересовал вопрос, почему картина так называется. В моем сознании образы картины никак не отождествлялись с поэзией. Лира – вот это прямой символ. Но ишак здесь при чем? Его образ мы связываем с бессловесным, мало эмоциональным трудягой, которому

дашь немного воды и корма, он будет целый день работать, послушно или непослушно выполняя приказы хозяина. Отработавшего сезон ишака, чтобы не тратить на него корм и эмоции, можно просто бросить в поле, где он будет сам кормиться и воспроизводить потомство. Ишаков много. Причем здесь поэзия?

Кстати, я заметил, что образ ишачка часто используется нашими художниками, особенно в тургородах. Они частые фигуранты кичевого искусства – picture for sale – в маленьких работах, ориентированных на продажу. Наверное, так воплощается образ старины и стабильности.

К примеру, Сергей Фадеев творит их уже 20 лет, получая от этого удовольствие и подпитывая материальную базу.

Сергей родился в 1955 году, дважды женат и имеет двух дочерей. Он среднего роста, совсем не седой, статный. Уже 33 года он обучает детей искусству в кружке рисования в Бухарском доме пионеров, а сейчас во Дворце молодежи. Окончил художественное отделение Бухарского пединститута, но живет, словно на отдельном хуторе. Он самодостаточный и уверенный в себе человек. Да будет же благословен не создавший себе кумира, хоть и не верующий, но живущий по законам божьим – по вере, надежде и любви. Он давно нашел все, что искал.

Да, художники бывают разные. И как медик предлагаю свою классификацию. Итак, художники бывают счастливые и несчастные, эрудированные и неучи, мирового значения и местного масштаба, амбициозные и нормальные, новаторы и копиисты, признанные и верующие в это, баловни судьбы и невезучие, богатые и мечтатели, учителя и ученики, стимулирующие воображение и мало пьющие, свободные и нехудожники, реалисты и с большим воображением, травмированные и просто талантливые, охотники и рыболовы, женатые и «при музе», критичные и высоко-критичные, продавцы и растяпы, рисующие ишаков и имеющие другую «музу», живописцы и открыточники.

Уезжая первый раз в благодатную Бухару, я спросил мою наставницу Наташу Глазкову – с кем бы она посоветовала мне встретиться. И она назвала имя благороднейшего Зелымхана Саиджанова. Я, между прочим, осведомился, член ли он Академии художеств Узбекистана? Ответ был, как выстрел: «Он ее гордость!»

*В мастерской Зелымхана Саиджанова
Сергей, Зелымхан Саиджанов, Алексей Назаров, Евгения Божко*

При первом визуальном контакте я был сильно разочарован. Портрет, нарисованный моим воображением, явно не соответствовал реальности. Мне казалось, что Зелымхан холерично-подвижен, экзальтирован, с пламенным взглядом и огнедышашей речью. А на проверку вышло совсем другое. И если оценивать по моей шуточно-серьезной классификации, то Зелымхан нормальный, счастливый и эрудированный художник мирового значения. Он свободен в своем творчестве, богат своими корнями и семьей. Являясь

баловнем судьбы, он признан новатором авангарда. Обладая гигантским воображением и талантом, он учил многих начинающих писать. Зелим мало критикует и мало продает свои картины. Правда и ишачков он тоже не рисует, хотя было один раз, а это не считается, как быстро поднятая сигарета не считается упавшей.

Зелимхан родился в послевоенном 1948 году в Бухаре и по родословной является коренным бухарцем. Его дед Курбан по материнской линии был торговцем, имел лавку бытовых товаров. Он и построил в начале века дом, в котором живет его внук с семьей, в старом городе, недалеко от первого купола. Старшие братья деда – Муса и Мухтар – были членами партии джаидов, выступавшей за расширение культурно-просветительской и образовательной сферы в Эмирате. Все три брата были репрессированы в 1937 году и отработали за инакомыслие свой «червонец» на Беломорканале.

Мама Зелима Мухтарам была медиком, прошла вторую мировую и закончила ее в Берлине. Познакомилась с репрессированным чеченцем, сосланным в Бухару, и вышла за него замуж. За трудовые успехи она была награждена медалью и орденом. Несмотря на то, что отца Зелимхана повторно репрессировали за его писательскую деятельность в 1949 году, дедовский дом все же оставили семье. Зелимхан вырос, как все послевоенные дети, в строгом соответствии с укладом социалистического строительства: «Взвейтесь кострами, синие ночи».

Вернувшийся и полностью реабилитированный в 1957 году отец не озлобился и до 1972 года прививал сыну любовь к миру и созиданию. Это все так, но, видно, где-то внутри, в подкорке осадок остался, и Зили (как его нежно зовут бухарские художники) выразил свой протест сногшибательным авангардом в противовес соцреализму.

В жизни своей Зелимхан тоже авангарден и выделяется среди многих художников Узбекистана не только высоким ростом (под два метра), глухим, низким голосом, рождающимся не в гортани, а где-то на уровне трахеи, но и своей женитьбой на драгоценнейшей Геле (чувствуете: Гела – Гала). Один раз увидел – через три дня женился (столь короткий промежуток времени не позволил развернуться даже любви с первого взгляда) и живет с ней в дружбе и согласии по сей день. Кстати, в своих ранних автопортретах маэстро выглядит похожим на Сальвадора Дали, так что по аналогии Гела – его муза.

В моей коллекции есть авангардный «Портрет жены» – обнаженной Гелы. Работа выполнена толстым слоем краски. И объемы, и изгибы тела можно ошутить руками, если даже закрыть глаза. Авангард Зелима прошлого века отличается от нынешнего.

Если ранние работы Зелима можно только увидеть, то последние доступны даже незрячим: они могут ошутить их руками, как выпуклые картины Брейля. количество положенной на них краски можно определить даже по запаху. Они ароматизируют красками даже после десяти лет со времени создания. Выходит интересная штука: картины Зелимхана манипулируют нами, а не мы ими, включая или выключая то одни органы чувств, то другие. Если картины 90-х годов были полихромными, то в последнее время стали монохромными, не потеряв своей прелести. Совершенно изумляет огромная работа «Пеликаны», выполненная светло-голубым колором. При прямом осмотре она выглядит как большое окно в небо, а при боковом – на ней появляется стая танцующих пеликанов. Ты двигаешься – они двигаются, ты стоишь – они смотрят на тебя. картина выполнена одним цветом с фоном, но при боковом просмотре птицы кажутся белыми.

В чем гениальность Зелимхана? Он, сам того не зная, написал картины для незрячих и детей первых дней жизни, так как они видят мир монохромным и перевернутым. Цветовое зрение разовьется у них только через несколько месяцев (это подсказка для Зили – он теперь мой должник). Именно поэтому картина, сделанная по принципу отражения в воде, будет хорошо восприниматься и взрослыми, и детьми. Кстати, такие картины нравятся большинству зрителей. Теперь совет родителям: если вы хотите воспитать гениального художника, начните с первых дней знакомить его с искусством, показывая монохромные работы с зеркальным отражением, достаточно выпуклые. Начните прямо сейчас, а через 50 лет мы встретимся, чтобы обсудить результаты. Это, конечно, шутка, но вы знаете, в каждой шутке – лишь доля шутки.

Великому Гете принадлежат слова о том, что в авангарде прогресса – люди искусства. Затем ученые строят модели, подводя под базу точные науки, а уж потом философы обобщают результаты, разрабатывают теоретические платформы. Доречевой уровень общения людей нашей цивилизации был рисуночным. Наскальные и пещерные изображения животных и человека подтверждают это. Древние китайские философы общались молча, показывая друг другу свои постулаты в виде рисунков. Никто не откажет в гениальности Леонардо Да Винчи, увидев его чертежи самолета и танка. Он предугадал их появление за много лет.

А я отдаю дань гению Зелимхана Саиджанова, который написал картину «Искушение святых» в 1994 году, предугадав за три года появление инопланетян-мандачивов в кар-

тине люка Бессона «Пятый элемент», в точности повторяющих образ «святых» Зелима. Для заинтересованных лиц сразу скажу, что контактов между люком и Зелимом не было. Правда, картина экспонировалась в мае-июне 1995 г. в германском городе Дюссельдорфе и была включена в каталог картин с этой выставки. Если это не гений Зелима, то плагиат великого мастера экрана. И значит, он кое-что задолжал нашему Зелимхану. В прошлом столетии Зелимхан больше писал животных, а в этом – преобладают птицы. Как будто взгляд художника оторвался от земли и устремился в небо. Я думаю, что это гениальный художник современности, устремивший взгляд в космос, открывая тайны мироздания. Да будет так!

Дожив до возраста пророка Мухаммеда, Зелим продолжает что-то искать. Экспериментирует. Он нелюдим, немногословен, больше слушает и при разговоре мало смотрит в глаза, как будто бы стесняется. Большой лысый череп и двухмиллиметровая щетина, имеющая очень достойный вид, создают картинную схожесть с чеченским абреком, но не с грозным, а абсолютно добрым. Не вызывая раздражения братьев-художников, Зиля не выезжал на пленэры для дружеских тусовок и попок. его товарищи по кисти говорили мне, что надобности в его поездках нет никакой, так как образы его работ возникают в нем самом.

Флегматичность Зелимхана в сочетании с холеричностью Гелы создали прочный семейный фундамент, за пределами которого каждый из них терял равновесие. Да и куда еще идти, если Гела готовит лучший плов в Бухаре? Я был потрясен гармонией его вкуса и диетичности. На мой призыв провести мастер-класс пловарения откликнулся сам Зелимхан. кушая его плов, я восторгался, жалея только о том, что Гела была занята работой с учениками. На востоке, конечно же, лучшие пловчи – мужчины, но какой вкусный и ароматный плов готовит Гела!

Возвращаясь как-то поздно вечером из гостеприимного дома Саиджановых, я увидел работающего над миниатюрой устоа. Его мастерская находилась под первым куполом. Он узнал меня и пригласил войти. Мастера звали Давлат Тошев. Несмотря на полночный час и усталость, я сразу же сбросил сонливость, увидев, как мастер под большой двадцатисантиметровой лупой укладывает слой за слоем (каждый толщиной менее миллиметра) черточки, своим филигранным тончайшим инструментом. Работа выполнялась на папирусе, взятом из какой-то старинной книги. Закончив работу и увидев мою заинтересованность, устоз Давлат подарил мне ее, сказав, что это презент за ратный подвиг на ниве здравоохранения. Позднее, узнав ее стоимость, я был удивлен щедростью устоа.

Несколько лет назад, будучи в медресе Диван Нодир Беги, я зашел в мастерскую миниатюриста устоа Даврона Тошева. Познакомившись, мы долго беседовали о творчестве миниатюристов Востока. Он рассказал о себе, об участии в выставках в разных странах мира, показывал сертификаты. Я был приятно удивлен обширностью его связей и географией творческой жизни, понимая, что познакомился с устозом мирового масштаба. Я восторгался филигранностью работ, рассматривая миниатюры под лупой. Среднего размера миниатюры, прописанные рукою мастера с мировым именем, ценятся в десятки раз дороже, чем работы неизвестных мастеров, хотя и не уступающие по качеству. Отсюда понятно стремление автора к расширению географии своей выставочной деятельности. А ведь такие «экскурсии» скорее всего не очень-то дешевы. Но есть маленькая заковыка. нужно быть большим экспертом, чтобы по одной миниатюре отличить работу мастера от работы его ученика. Неискушенный в этом виде искусства может сильно переплатить только за авторскую подпись. Я спросил Даврона, как поступает опытный покупатель. Даврон улыбнулся, внимательно осмотрев меня, думая, стоит ли мне открывать истину, и ответил, что коллекционер и знаток миниатюры покупает работу, видя в динамике процесс творчества, или же покупает прошедшие мировую обкатку работы, получившие призовые места на выставках и вошедшие в каталоги. Разумеется, работы такого высокого качества коллекционируют редко, еще реже покупают просто на сувениры, а знатоков и самих устозов по пальцам можно пересчитать. У Вафо на продажу под пергаментом висят работы Давлата и Даврона. В год бывают одна-две покупки, причем, с экспертами и секретно. Зачастую устоз не знает ни личности покупателя, ни куда уедет работа. Дорогие покупки делаются через посредников, очевидно, для беспрепятственного вывоза из страны. «Кичевой» миниатюры тоже достаточно, и она не подлежит декларированию, да и стоит дешево. В конце нашей встречи Даврон подарил мне миниатюру, выполненную на торшоне – птица, восхваляющая Аллаха. Тем вечером я был удивлен дорогому подарку Давлата, подумав, что все миниатюристы – добрые люди, а когда узнал, что он брат Даврона, то мысленно поблагодарил их родителей, воспитавших умных, трудолюбивых и талантливых детей.

Таким же умным и талантливым оказался Эркин Жураев. Знакомство произошло у Вафо. Среди прочих интересных работ был портрет женщины в нарядном красно-кума-

човом платье, близком к туркменскому. Женщина что-то пряла, сидя на корточках. Задумчивое морщинистое лицо, рано постаревшее, было прописано идеально, как и руки. Подпись на картине была более чем оригинальной – Erkin04. Женщина запала в душу, начала уже там жить, и я готовился к покупке. И тут мой взгляд упал на знакомую подпись на другой картине совсем другого стиля и содержания. С нее, уже стилизованной в гротескно-сказочной форме, на меня смотрел ишак с человеческими глазами, на нем восседал Насреддин Афанди. А фон – тоже стилизованные, но вполне узнаваемые купола благороднейшей Бухары. Это была любовь с первого взгляда. Особенно мне понравился ишак со взглядом, проникающим в самую душу. Я спросил у Вафо, а какой же сам Эркин? Он ткнул в голову ишака и сказал:

– А такой же – трудолюбивый, упрямый, все видит и мало говорит, да и портретное сходство неоспоримо.

Работы были куплены, и на другой день, встретившись с устозом и посмотрев другие его работы в галереях города, я сделал ему предложение, от которого он не смог отказать: купить все его работы, имеющиеся в городе и мастерской. Большие торги и часовая экскурсия в Городском художественном музее с Абидом Мавляновым и Сергеем Чередниченко увенчались соглашением сторон, и 19 картин, к великой радости тех же сторон, из провинциальных стали столичными. Со временем количество приобретенных картин росло, но не в геометрической, а в арифметической прогрессии, потому что цены росли с каждым годом в 2–3 раза, да и то так мало только для меня, «по знакомству».

Будущий художник Эркин Жураев родился в 1960 году в Пешкунском районе Бухарской области. Имея от рождения двухсторонний вывих бедер, одновременно не диагностированный и не леченный, Эркин остался на всю жизнь с хромотой и раскачивающимся торсом при движении. Зато мальчик никогда не «хромал» в учебе и был талантлив в рисовании с детских лет. Дед мальчишки, прошедший войну и вернувшийся с фронта в звании капитана, в то время работал первым секретарем Вабкентского райкома партии. Он посоветовал внуку продолжить учебу, развивая свой талант. И когда были правильно определены цели и задачи, учеба в Художественном училище имени Бенькова плавно сменилась учебой в Театрально-художественном институте имени Островского на отделении «Кино и телевидение». Руководителем курса по счастливой случайности был знаковый профессионал своего дела Эммануил Калантаров, родом из Самарканда. Вместе с Шухратом Аббасовым он участвовал в создании «памятника души узбекского народа», фильма «Ташкент – город хлебный». Блестяще окончив институт, Эркин продолжил учебу и практику в жизни, став главным художником Бухарского государственного театра кукол, что располагался в «болгарском поселке» Бухары. В 1993 году он стал членом Союза художников Узбекистана, а в 1998 году начал обучать детей мастерству в Бухарском лицее-интернате, заняв место директора этого учебного заведения. Став серьезным маститым мастером кисти и педагогом, Эркин в душе не перестал быть ребенком и играть в куклы, сделав это направление основой своего творчества. Его персонажи, стилизованные под кукол, возвращают наши, с возрастом черствеющие души, в чистое, беспорочное, любимое всеми детство, где были и мамы, и папы, и близкие люди, где была ответная любовь между миром и тобой, где была и небыль, где всегда торжествовало добро и правда.

Красно-алый цвет картин нашего «Андерсена» дарят каждому верящему в любовь человеку «алые паруса» надежды, делая человека счастливее. Живые куклы Эркина Жураева управляют нашими эмоциями, заставляя плакать, смеяться, думать о себе и окружающем мире, они показывают каждому зрячему красоту народа, его обычаев, обрядов. Как и врач, устоз неустанно изучает анатомию и психологию человека, наделяя созданных им кукол движением и одухотворяя их. Я спросил у маэстро, что он делает лучше других, и Эркин, смеясь, ответил мудро: «Лучше моих коллег я натягиваю холсты на подрамники». Давайте же пожелаем нашему доброму и умному сказочнику побольше сказок для детей и взрослых, живых картинок, умело натянутых на подрамники.

Многие художники, уезжая в далекие страны, ищут не хлеба и зрелищ, а энергии для реализации своих образов. Самое страшное для художника, когда на его глазах умирают никому не нужные его дети – картины. Для того, чтобы они жили долго, мастер готов на любые трудности и невзгоды. Куклы Эркина Жураева, однажды зарядившись от вечного двигателя – любви доброго сказочника – будут двигаться, всегда подзаряжая энергией детства и омолаживая всех соприкоснувшихся с ними. А движение – это жизнь! Разве может быть хром человек, получивший благословение от Всевышнего, и дарящий людям веру, надежду и любовь?

Великая Бухара многообразна и многолика. И живут в ней не только художники, дарующие жизнь, но и мастера, дарующие смерть. Она, как и жизнь, тоже Божий дар. Для кого-то смерть – продолжение жизни, а для кого-то иначе, для кого-то она облегчение,

для других мучительно, кому-то приносит славу, кому-то – бесчестье, кто-то улыбается в свой смертный час, а кто-то плачет. Художников, пишущих лики смерти, очень мало. Они берут на себя большую ответственность. Представьте себе канатоходца, вступающего на канат, натянутый высоко над землей. В руках у него балансир, на одном конце которого букет цветов, символизирующих жизнь, а на другом – черная пудровая гирия, символизирующая смерть. Что же сделает отчаянный канатоходец перед тем, как шагнет к заветной цели, не уронив ни одного предмета и своей чести? Он возьмет гирию как свою судьбу на грудь и с ней пойдет по тонкой дорожке, как по натянутому нерву. И слава ему, выжившему и сохранившему букет. Тяжела шапка Мономаха, и не всяк примерит ее: шея сломается. Но есть рискованные люди и среди художников. Их боятся и уважают, их любят и ненавидят, от их балансира зависят многие судьбы. У таких людей нет друзей и нет врагов. Каждый – только учитель. Они одиноки в давящей их толпе, но не могут найти и реализовать себя без нее, потому что сила давления равна силе противодействия. Они балансиры, и это очень ответственно. Самому нужно выжить и не убить людей, не выпустить из своих рук ношу, доверенную судьбой, да чтоб и шапку не уронить – такие шапки падают только вместе с головой. Ну, кто рискнет? То-то же!

Рискнувшим оказался Рахмон Аvezов. Он родился в многодетной семье близ Бухары. Прокормить и образовать детей – дело не шуточное. Но Рахмон не напрягал свою семью, найдя себе духовного отца и учителя – Баходыра Саломова, выдающегося художника бухарского андеграунда 70-80-х годов.

В те социалистические годы все художники работали оформителями, а выбившиеся из стада творческие единицы подвергались «линчеванию». Их называли тунейцами, космополитами и диссидентами, изолируя от общества, строящего коммунизм. В удаленной от центра Бухаре, хорошо защищенной от проникновения в умы ее обитателей влияния «агентов иностранных государств» – туристов, расцвел андеграунд живописи – абстракционизм со всеми его течениями, включая экспрессию, и постэкспрессионные течения. Причем, творчество замечательных художников таких, как Баходыр Саломов, Зелимхан Саиджанов, Нисон Бабоев, Музафар Абдуллаев, Пинхас Гулькаров, Ханон Авдаев и Арон Еникеев хорошо сохранилось и по сей день, радуя оригинальностью мышления и видения этого мира, красочными и смелыми прогнозами будущего планеты и космоса.

Баходыр Саломов и стал выдающимся человеком, художником, не побоявшимся взять на себя ответственность за внедрение в души и умы людей неведомой ранее здесь, на Востоке, культуры абстракции, множа последователей и курируя учеников. Он стал организатором школы авангарда в Бухаре, демонстрируя работы ее последователей в центральных городах бывшего союза и за рубежом.

Обладая огромным организаторским талантом, он сильно влиял на судьбы людей, и Рахмон Аvezов, начиная жить в искусстве, был полностью в поле магнетизма его души. Сделав правильный выбор, Р. Аvezов получил от учителя мощную поддержку в художественном образовании, окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина. В Питере Рахмон хорошо учился, много работал над собой, и я видел его постановочные работы периода обучения. Они талантливы и свежи, как его юность. Там он обзавелся семьей, женившись на дочери профессора. Она родила ему сына. Многие ему позавидовали – вот она, самостоятельная жизнь! Но магнетизм учителя оказался сильнее, и Рахмон со «столичной» семьей вернулся в Бухару. Старики недаром говорят, что не надо возвращаться туда, где ты когда-то был счастлив. Семья, пару лет прилично помучившись на непонятной чужбине, вернулась в «края обетованные», оставив Рахмона Аvezова. В тот период и была написана та «злосчастная картина», изображавшая похороны – процессию мужчин, несущих по мазару ритуальные носилки. В Библии написано: не заглядывай в бездну, а то бездна заглянет в тебя! Эта картина лет шестнадцать путешествовала по салонам, не находя хозяина, хоть и цена была невысокая. Никто не хотел купить себе масла, разлить его и поскользнуться у трамвайных рельсов. В 2004 году я увидел ее в Хонако Нодир Бегони, в постоянном помещении для ночевки дервишей и был удивлен смелости автора. Этим и обусловлено мое знакомство с Рахмоном Аvezовым.

В нашем первом разговоре я указал на его дерзкую смелость и от предложения купить картину отказался. Каково же было мое удивление, когда Рахмон принес картину в профилакторий Бухарского хлопчатобумажного комбината, где мы работали тогда в очередной командировке, и... подарил ее мне. Больше мы в этом профилактории не работали: он был закрыт, а главврач, прослуживший там полтора десятка лет, до сих пор не может найти себе другого места работы.

В этот самый год, словно предчувствуя что-то неладное, я хотел дать Рахмону шанс что-то исправить в судьбе: написать работу на религиозную тему, «Тайную вечерю», например, к которой обращались многие классики. Единственным условием было собственное видение характера этого события и его участников. Мне казалось, что глубокая твор-

ческая работа над мыслями и ликами святых-апостолов и самого Христа поможет ему отбалансировать свой шест и встать на канат или хотя бы подтвердить свои намерения двигаться. Но вышло все наоборот. Мы полагаем, а Бог располагает. Картина и судьба, напороченная ею, оказались сильней.

Я был очень расстроен, когда через год Рахмон принес мне наспех сделанную работу, скопированную с рисунка в детской Библии. В ней не угадывалась рука художника. Я люблю Рахмона, и жаль, что свой могучий талант он разменивает на открытки-акварельки для туристов. Но подрастают дети, они тоже его любят. Одна из дочерей – прекрасная анималистка. Возможно, дети помогут выправить линию судьбы отца. Как и они, я желаю счастья и успехов мастеру риска и новаторства.

Очень по-разному складывались судьбы художников Бухарского вилоята. Кто-то, уходя, совсем ушел, кто-то неожиданно пришел, кто-то потерял свой путь, а кто-то – себя, кто-то давно ищет себя в «темной комнате», а кто-то давно нашел и счастлив. Пожелаем моим друзьям-бухарцам счастья, радости, процветания и еще одного «Соломова», дарящего юность и учашего использовать свободу для созидания великой истории великой Бухары.

ТАШКЕНТ

Кажется, художники с мировым именем творили свои реально-нереальные полотна, как бы существуя в параллельном мире. Подсознательные мысли, продиктованные им генетической памятью, и глубокие предсказания через искусно отточенные движения рук выбрасывались на холсты краской, открывая дорогу умозаключениям философов, которые потом кодировались в математические формулы учеными. Ведь сжатая информация лучше хранится и используется. Гениальная тройка – художник, философ и ученый – является силой, находящейся в авангарде познания мира, человека и Бога. Возможно, когда в далеком будущем человек наконец-то поймет, что он и есть Бог, то произнесет sacramентальные слова: «Да будет день!», и жизнь повторится сначала.

Как медику мне кажется, что технологический взрыв в начале XX века послужил появлению новых авангардных направлений в искусстве. Реалистическую живопись потеснили галлюциногенные производные ума человека. Авангардно изменилось и мироощущение людей, их нравы, привычки, одежда и архитектура. Terra incognita, предложенная художниками, успешно обустраивалась частью понимающих ее, любящих и живущих в одном резонансе с художниками-авангардистами людей. Никакие правительства не смогли сломать строй мыслей и убеждений художников. Скорее они меняли родные страны, чем свои направления в искусстве.

Художники могут быть очень разными, но объединяет их одно – верность выбранному жизненному пути, той философии образов, которую они считают директивной своего творчества. Изменить что-то в этом направлении не смогут ни они, ни тем более, кто-то другой. Если художник разностилен, значит он находится в поиске. Правда, это может продолжаться всю его творческую жизнь.

Перед глазами большой портрет усатого человека в парадной военной форме с большими звездами на погонах, в брюках с двумя красными лампасами и в высоких кожаных сапогах. Человек сидел сбоку от письменного стола, на котором находилась высокая настольная лампа с большим круглым отражателем, и угадывалась тень письменного прибора. Военный опирался левым предплечьем на стол и упрямо смотрел тебе в глаза – куда ни отойдешь. Взгляд его был холоден, и, казалось, проникал в тебя. Я не любил этот портрет, так как знал, что из-за этого дяди мне не справили мой первый день рождения. Был объявлен день траура по поводу его смерти.

Балуясь, я часто бегал мимо портрета, постоянно удивляясь, что дядя следит за мной неотступно. Портрет в позолоченном деревянном багете висел в зальной комнате в новом доме, построенном отцом и мамой в Янгиюле. Вскоре мне удалось его пощупать, так как он перекочевал сначала в ванную комнату, а затем и на чердак. Пацаном, из интереса бывая на чердаке, чтобы поковыряться в дедушкино-бабушкином барахле начала столетия, я боялся в темноте встретиться взглядом со смотревшими на меня суровыми глазами Сталина. Свято место пусто не бывает, и портрет заменили картиной «Дети, бегущие от грозы». Конечно же, копией. Впоследствии я понял, что бегущая девочка очень походила на мою младшую сестру Олечку. Картина провисела в зале все наше детство. И только через десять лет, в 1968 году, впервые в жизни посетив Москву и Третьяковскую галерею, я увидел подлинник К.Е.Маковского и был ошеломлен разницей с копией. Можно выполнить копию даже лучше оригинала, учтя все ошибки, недочеты подлинника, даже если при помощи компьютерной графики повторить все мазки, объемы картины и колер красок, но все равно «пахнуть» копия будет по-другому, так как при создании ори-

гинал впитал в себя время, душу мастера и атмосферу мастерской, в которой родился.

Поездка в Югославию в 1968 году всей семьей к папиному другу Яреву Тому, посещение Македонии, Москвы оставили неизгладимое впечатление у нас с сестрой и послужили мотивацией к поиску счастья, радости и добра. Своим детям я показал лучшие музеи Москвы, Петербурга, Германии, Франции, Испании, побудив их стремиться к самопожертвованию и искреннему служению людям и искусству.

Мой внук Богдашка, шутиливо называемый моими друзьями и учениками Худойбергенном, впервые знакомился с мировыми шедеврами, написанными великим Усто Уралом Тансыкбаевым, в его Доме-музее в десять месяцев. Он хлопал глазами, как затвором фотоаппарата, откладывая в памяти образы увиденного.

А грозный дядя Сталин? Дошла очередь и до него. Его «портрет» был снят с «пыльного чердака памяти» и вновь выставлен на «всеобщее обозрение» 9 мая 2010 года в Москве. Из песни слова не выкинешь. История есть история; но наш портрет таинственно исчез с чердака давно...

Очень хотелось научиться рисовать, и в детстве я прикладывал большие усилия для этого. Цветные карандаши фабрики им. Сакко и Ванцетти, привезенные отцом из Москвы, так сладко пахли. В наборе их было 36, и у каждого свой запах и оттенок. Я аккуратно раскрашивал ими сегменты в книжках-раскрасках, но дальше дело не пошло, несмотря на все мои старания. На уроках рисования стабильной оценкой была тройка, но если у учителя было очень хорошее настроение, то и тогда, выше четвертки с минусом оценочный балл не поднимался.

У меня было три попытки усовершенствовать свое искусство в школьном изокружке. Последняя мне очень запомнилась. Вместо яйца я нарисовал шар, совершенно спутав свет и тени. Наш учитель, очень талантливый художник и музыкант Дмитрий Валерьянович Селянин, взяв меня за левое ухо, вывел за дверь и громко, не отпуская уха, сказал: «Назаров, не доводи до греха...»

Это был окончательный диагноз, с которым пришлось согласиться, но осадок все-таки остался, и в 12 лет я взял в руки отцовский фотоаппарат «ФЭД» с выдвижным объективом и занялся со всей серьезностью фотографией. Много занимался по специальной литературе, сам готовил химические реактивы для проявления, промывок и фиксации пленок. Поменял видискательную технику на зеркальную – немецкую, используя самую лучшую оптику Carl Zeiss Iena, и в 16 лет стал призером всесоюзной выставки. Сделав фотопортрет своего учителя рисования, добился полной своей реабилитации, получив в аттестат зрелости «пять». Но желание рисовать осталось навсегда.

Наш гениальный педагог Д.В.Селянин прожил 100 счастливых лет и вырастил огромную плеяду художников, архитекторов и музыкантов, внесших в культуру Узбекистана свой весомый вклад. В 20 лет я отчетливо понял, что в мире есть много видов искусства, и что даже сама жизнь и смерть могут быть их проявлением. Занимаясь своим основным делом, изучая медицинское искусство, я постоянно вторгался в другие сферы, стараясь изучать и делать это как можно профессиональнее.

Моя поездка в Грузию, где я получил в подарок от моего дяди инструмент в 100 чеканов, и мой восторг красотой природы и людей послужили началу изучения чеканки. Я выполнил около трех десятков работ. Внимательно осмотрев всю мою коллекцию, мой друг – будущий известный архитектор Саша Куранов – показал одну из своих работ и, увидев мое вытянутое лицо, сказал, чтобы я не расстраивался, что для подарков мои работы вполне сойдут и что у меня очень хорошо выходят круглые формы. Потом, подумав, предложил: «не заняться ли тебе чеканкой денег». Предложение было заманчивым: сразу перейти к получению желаемой и окончательной формы приложения любого искусства. Долго смеялись, и я больше никогда не брался за чекан и молоток.

Право, чего стоят «муки творчества», если ни у изготовителя, ни у потребителя нет положительных эмоций, или они односторонние. Правда, у гениальных людей этот расклад может быть совсем иным или даже неожиданным.

Наконец-то поняв, что мой ряд не «калашный», и определив свое место на «шестке», я успокоил себя тем, что мои руки, как виано, не полностью подчиняются моей голове, а может быть, растут не из того места. Но желание рисовать не пропадало.

Пробовали родители меня и в музыке. В десять лет повели на приемные экзамены в Янгиюльскую музыкальную школу. Мне предстояло пройти обычный тест: повторить ритм, отбиваемый карандашом по столу. При первом моем повторении комиссия напряглась, а при повторном разразилась таким смехом, что и меня вовлекла во всеобщее веселье. Директор, погладив меня по голове, обратился к комиссии, сказав, что, возможно, я напишу такое произведение, которое будет смешить минимум два поколения. Я был зачислен на мучения по классу фортепиано, так как протеже был мой дядя Ашот Константинович Назаров – доцент консерватории и завуч музыкального училища имени

Хамзы – очень талантливый музыкант и педагог.

Моей первой учительницей по музыке была красивая, молодая и модная женщина. Мне запомнилась ее прическа каре и юбка-колокольчик с нарисованными пальмами – очень модный фасон шестидесятых. Мне кажется, я восхищался ею, но при этом очень боялся. Она больно била карандашиком по кистям рук в случае их неправильной постановки или игры. Поскольку тыльные стороны кистей были все время в синяках, можно было предположить, что у меня что-то не ладилось с гармонией, ритмикой и осанкой.

Родители сжалились надо мной и поговорили с педагогом. Удары переместились на волосистую часть головы. Но когда однажды меня носом воткнули в клавиатуру, а сверху прямо по затылку (а он был тщательно выбрит по детской прическе «полубокс») упала крышка, то синяк не удалось скрыть. И я еще долго ходил пострадавшим от музыки.

Из шумного разговора в закрытой учительской я ловил обрывки слов: «он как поле-но...», «увольюсь» и понимал, что мое музыкальное образование подходит к концу. Радовало, что мучения закончатся, но не хотелось расставаться со своим чувством влюбленности. А все получилось гораздо хуже: меня перевели в класс аккордеона.

Петр Степанович Калинычев – педагог по классу аккордеона – хорошо знал моего дядю и не бил никогда ни по пальцам, ни по голове. Просто, когда я приходил на занятия, он шел обедать или курить.

На выпускном концерте он сказал, что этот день самый для него счастливый за пять лет моей учебы. И когда родители спросили его, в каком училище он посоветует мне продолжить учебу, педагог, не задумываясь, сказал: «В милицейском. Свисток он точно сможет освоить». Но, уходя, обернулся и дополнил: «Пожалуй, в этом я тоже не уверен! Ему медведь наступил не на ухо, а на всю голову!»

Я был счастлив, и в моей «раздавленной башке» действительно не жили сонаты, фуги, увертюры и симфонии, а звучали на полную мощь «The Beatles», «Rolling Stones», «Hollis», «Credence Clearwater Revisited» и всевозможная лабода.

Я по сей день остался рокером, но пробки из моих ушей выпали через пару лет, когда я был в Москве и впервые вживую услышал виолончельную музыку. Ее исполнял Мстислав Ростропович просто для себя, на своей даче. Я выпрямился среди грядок, которые мы пропалывали с его учеником и моим другом Давидом Герингасом. Я не видел ни человека, ни инструмента, это было что-то слитое в один огромный шар, из которого струилась колдовская музыка. Рядом с ним сидела жена, с лица которой не сходила улыбка сладострастия, и все время хмурый дядя Саша. Через пару десятилетий лет я понял, что это был Александр Солженицын. Там, в Подмоскovie, среди грядок с клубникой волшебные звуки, рождаемые великим Маэстро, открыли в моей душе уровни взаимодействия и понимания красоты этого мира.

Видимо, насильственное внедрение в меня искусства моими родителями и какая-то генетическая память дали о себе знать, и это количество всаженной в меня «новой» информации стало перерастать в качество ее осмысления. Этому еще способствовали и якобы случайные встречи в 80-е с людьми необыкновенными, внесшими в культуру мира огромную лепту.

Сильный посыл движения в мир искусства дала мне теща Давида Нина Константиновна Шац – главный администратор касс Большого театра и Кремлевского дворца съездов. Благодаря ее помощи, я впервые увидел Джоконду Леонардо Да Винчи в Пушкинском музее. Очередь к этой картине была куда больше, чем в Мавзолее Ленина. Меня завели с заднего крыльца, и, смешавшись с толпой фанатично заряженных людей, я ожидал чуда, но был сильно разочарован. Меня куда больше удивила реакция движущихся перед картиной людей. Они плакали, ругались, впадали в ступор, а одна женщина потеряла сознание. Выйдя из толпы и наблюдая, я впервые увидел такую вакханалию разнонаправленных реакций и чувствовал себя полным имбицилом.

Второй раз я «поздоровался» с Джокондой в Париже в Лувре через тридцать лет и ожидал переосмысления своих представлений о картине, но чуда не произошло, и я отметил, что в катамнезе выздоровления не произошло.

Там же, в Пушкинском музее, меня завели в закрытый для просмотра зал, где шла подготовка экспозиции картин великого Ренуара, собранных со всего мира. Впечатления были настолько яркие и блаженны, что по истечении почти сорока лет я помню расположение картин в зале.

Нина Константиновна легко и просто ввела меня в самый цвет искусства Москвы 70–80-х годов. Ее знали все: и «секретари, и исполнители». Муж Нины Константиновны Леонид Петрович был главным концертмейстером Ансамбля песни и пляски им. Александра и любимчиком Леонида Ильича Брежнева. К тому же он был другом моего отца и не постеснялся привести к нам в гости в Янгиюль шестьдесят солистов ансамбля, бывшего в гастрольной поездке в Ташкенте.

Луч света этой семьи осветил мне жизнь мира искусства и культуры тех лет изнутри, а не с глянцевого обложки журналов и «желтой» прессы. В двадцать лет я впервые понял, что такое 200 граммов водки залпом без закуски, приняв стакан из рук Аллы Пугачевой. Я был обнят гениальным Арамом Хачатуряном и директором королевского театра Великобритании и получил от них напутствие в учебе и медицинской деятельности. Мне довелось посидеть в машине с прозрачным пластиковым верхом несравненного Мариса Лиепы. Ужинал с семьей главного директора Большого театра Хайкина, давал медицинскую консультацию ребенку семьи великого Юрия Гуляева, уговаривал Владимира Высоцкого начать концерт в аудитории института при недостатке студенческих рублей, видел и слушал последнего из Рерихов в одном из театров на Маяковке. Все это выходило случайно и легко. Ни один из этих эпизодов не был постановочным. как будто кто-то за ухо вел меня через строй гениев и говорил: «Это тебе за сольфеджио, за нотную грамоту, за технику исполнения...»

Жизнь даже рядом с искусством приносит большое удовлетворение и многому учит. А началось все с раннего детства, когда мы с семьей жили еще в коммунальной квартире в городе Янгиюле рядом с семьей гениального Шухрата Салиховича Аббасова. Он, как и мой отец, молодым специалистом был направлен после института в Янгиюль. Младшая сестренка Шухрата Ойдин, учась уже в школе, по праву старшей водила меня за ручку на репетиции в областной театр. И как было приятно, сидя в первом ряду партера, наблюдать за действиями артистов и режиссера, вкушая лепешку, посыпанную кунжутом и любовно разделенную пополам их мамой.

По-разному люди приходят к искусству, и, очевидно, это один из вариантов. Детство объединяет всех и все, а старость разъединяет, но я до сих пор по-детски привязан к этой замечательной семье и благодарен ей по-своему.

Благодарность – одно из самых ярких проявлений человеколюбия. Это прогресс, это начало, это любовь, это счастье, а неблагодарность – регресс, подлость и смерть. Недаром мой отец считал ее наихудшим пороком, даже хуже предательства. Этому качеству поведенческой реакции учат с пеленок, а окончательно оно оформляется, когда человек начинает понимать, что такое хорошо, а что такое плохо – у всех по-разному и в разном возрасте так же, как и чувство культуры и искусства. Очевидно, что каждому фрукту – свое время.

Можно сказать, что в организме человека все должно развиваться генетически фатально, по космическим часам. И особо талантливые врачи могут только слегка регулировать ход процесса, а «неврачки» – ухудшать имеющееся состояние. Так как процентное соотношение тех и других сносшибательно разное, то в настоящее время, как и тысячи лет тому назад, главным тезисом всех врачующих остается: «Не навреди!». Он указывает на то, что фатально развивающаяся и саморегулирующая организм человека система – космос не выносит грубых воздействий, приводящих к нарушению намеченной программы самореализации, а болезни человека тоже не случайны и являются генетическими коррекциями саморегуляции, обеспечиваемыми фатальностью жизни и смерти. но какими бы умными ни были наши биоэнергетические системы, они очень зависят от социума, в котором существуют. Мы, по крайней мере большинство, любим нашу жизнь от рассвета до заката. То, что происходит в жизни, волнует или не волнует нас. Не волнение – это тоже движение, но в более высоких философских каналах.

Абсолютная интактность в жизни – один из признаков выхода из строя основных регулирующих систем в общении с социумом. По нашим представлениям, это болезни души. Поэтому, воспитывая детей, мы учим их общаться с социумом и видеть его многообразие, проявлять заинтересованность в нем. Так происходит вхождение в общую культуру общества: возникает интерес ко всему происходящему, дифференцирующийся затем в определенные направления для более глубокого его изучения и самореализации своих жизненных потребностей. У кого-то получается все, у кого-то – ничего, но стартуем мы все одинаково: в детстве, начиная с утробы матери, изучая этот мир и его культуру.

Все понимают, что реализация генетического кода – цепь фатальных реакций до полного их завершения, что называется жизнью и смертью. Успешное вмешательство ученых в ход этого процесса в целях поиска бога или выполнения социального заказа – это перенос войны из макрокосмоса в микромир, и она уже началась.

Религия, как обычно, стопорит науку и прогресс. Так римская католическая церковь в настоящее время обозначает искусственное изменение четкой структуры фатальных реакций как смертный грех, возможно, это кого-нибудь и остановит, но общую тенденцию – вряд ли.

К счастью или несчастью, всему есть альтернатива – это Господин случай, и, являясь частью естественного отбора на планете Земля, он может быть судьбоносным даже для планетарных систем. Это уже закономерность высшего порядка.

Конечно же, не такой большой случай, а очень-очень мизерный привел меня и группу врачей в 1991 году на арендные площади Дворца культуры «Текстильщик», не на сель-

мое небо, а всего лишь на третий этаж очень красивого архитектурного ансамбля Ташкента, находившегося на пересечении улиц Шота Руставели и Богдана Хмельницкого. Остановка называлась «Театральная», благодаря самодеятельному театру, располагавшемуся когда-то в здании. Правда, театральной труппы я уже не застал, и помещение не использовалось ни под концертную деятельность, ни под всякого рода политические и аполитические заседания.

За кулисами располагалась Народная и Образцовая изостудия, называемая так золотым человеком и ее бессменным руководителем Фрумгарцем Яковом Львовичем. Низкорослый, кряжистый, с красивыми с проседью, вьющимися волосами и темно-печальными еврейскими глазами, он в свои шестьдесят восемь не напоминал «утомленного солнцем» человека. В провисающем костюме, в не глаженных брюках, но всегда при галстуке и боевых орденах второй мировой на груди. Его можно было одновременно встретить на всех этажах дворца. Легкая хромота – следствие ранений и душевных потрясений. Он появился в Ташкенте, приехав к единственному родственнику, оставшемуся в живых. Горький опыт войны дал ему почувствовать радость жизни и ее красоту. Закончив «Бенькова» в 1952 году, он стал учить других видеть эту красоту – красоту простой и повседневной жизни людей, ищущих истину. Кроме изостудии Фрумгарц двадцать пять лет преподавал рисование и черчение в школе №147, что располагалась на улице Стародубцева, обучая моего будущего друга Рената этим навыкам.

Обшались мы как врач и пациент. Он жаловался на боли в позвоночнике, я долго выслушивал эти исповеди и лечил, лечил... За это он писал для меня маленькие «камерные» пейзажи, которые так вкусно пахли краской. Для оформления медицинских кабинетов они не подходили по объему. И я многократно благодарил Маэстро, быстро забывая об их существовании.

Кроме всего прочего, Яков Львович был великолепным «сиренистом». Он писал сирень только весной, один месяц, с натуры. Десяток полотен, еще не высохших, уходили по очереди друзьям и знакомым. Мне досталась его первая сирень, написанная весной 1957 года. Это случилось уже после перехода здания в ведение Министерства легкой промышленности в 1995 году и отъезда Фрумгарца в Израиль. Картину нашли на свалке и торжественно вручили мне на память о Маэстро. Отреставрировав чудесную работу, я счастлив с ней и по сей день.

Я.А.Фрумгарц недолго прожил на своей исторической родине и спокойно ушел дорогой вечности близко к миллиониуму, оставив на этой земле учеников и добрую память. Его ученики – Валерий Утешев и Юрий Дмитриев – руководили изостудией еще несколько лет до полного прекращения ее существования. Это они предложили мне серию картин, тем самым положив начало моей коллекции. С Валерием я дружен, приобретаю его картины и приглашаю на свои выставки. Он работает в одной из школ близ вокзала и руководит изостудией, а Юрий Дмитриев уехал в поселок Мга Ленинградской области. Я был там, но свидеться не удалось. Спасибо ему за красивую жизнь и ее продукцию.

С Утешевым мы до сих пор общаемся и встречаемся. Его чудесные акварели долго украшали стены «аниковских» медицинских кабинетов. Весной 2010 года с Евгенией и Ренатом были у него в изостудии, смотрели старые и новые работы, как всегда беспредметно спорили об улыбке Джоконды и пили чай. В результате этого чудесного контакта с мастером около пятидесяти работ перекочевали в мою коллекцию. А еще я получил в подарок железную металлическую коробку с документальным фильмом сорокалетней давности, где еще живет студия Фрумгарца и ее питомцы.

Много художников и архитекторов Узбекистана были связаны этой студийной дружбой. Заходил туда и Рузы Чариев, всегда поднимался на третий этаж и кричал мне прямо в коридоре: «Леша! Есть коньяк?». Усаживался в моем фитобаре, где хлопотливая Татьяна всегда держала что-нибудь вкусненькое.

Наша дружба с Рузы Чариевым началась в Сурхандарьинском Шерабаде в июне 1988 года, когда я с моим другом Зауром Каримовым был там в медицинской командировке. Занимались каждый своим делом: он – гинекологией, а я – педиатрией. Жили по-байски, в хоромах дачи совпартактива, а во дворе, на высоком айване, превратив его в мастерскую, обитали два художника. Один пожилой, лет шестидесяти, видно, мастер, и молодой, лет двадцати пяти – ученик. Я заинтересованно поднялся к ним и представился: «Доктор Назаров». Мастер пожаловался на боль в спине. Положив пациента на живот, а затем на бок, я провел две манипуляции. Радостный «больной» через минуту осведомился, какого профиля я врач и, услышав, что я педиатр, был просто ошеломлен.

– А это что было?

– Хобби.

Так что дружба началась с «улыбки». Затем было много вечеров за пиалой чая и скромным ужином. Я узнал от него, что родом он из Пашкурта и каждый год бывает

здесь. Истинно, где родился, там и в дело стодился.

Зов родины и женщины имеют сумасшедшую силу. Там же я познакомился и с Адолатапой, красивой женщиной Востока, заведующей керамическим цехом в Шерабаде. В Ташкенте мы часто ее вспоминали.

В те далекие времена я только начинал соображать, что все строится и разрушается ради женщины. Война и мир – это мужские игры для достижения совершенства в познании красоты и гармонии, причем, всегда соревновательные и всегда направленные на то, чтобы у ног матери и любимой быть лучше, чем другие.

Как-то я спросил у Рузы-ака, счастлив ли он. «Нет, так как не нашел женщину, и да, потому что еще ишу».

Как ему казалось, Галу он нашел, женившись на ленинградке, еще учась в «Репинке». Но что-то не складывалось. То ли любовь эфемерна, то ли часто болели дети, но гармонии и радости не было, а спиртное – плохой советчик в таких случаях. Радость вполне или не вполне реальную находил он, общаясь с родной природой Сурхандарьи и с друзьями и учениками, которые всегда были рядом и в жизни, и в душе. Он был облакан и государством, и простыми людьми, но глаза были грустными.

Как-то Рузы-ака пригласил меня домой в Ташкенте посмотреть сына, якобы страдающего каким-то неврозом, и я приехал в дом художника на «Светлане». Из неудобной гостиной, с массой беспорядочно расположенных предметов жития, мы поднялись по деревянной лестнице в спальные покои. Левая дверь детской комнаты была буквально изрублена топором. За закрытой дверью чувствовалось движение мебели и непонятное бормотание, переходящее в крики. Наши убеждения и просьбы ее открыть были тщетны, и уже в его мастерской, в доме напротив, я старался мягко объяснить устоу, что в этом случае ему понадобятся специалисты другого профиля.

Мы долго пили чай и беседовали в пыльной, захлавленной малогабаритной мастерской, и на душе у нас было так же.

Еще раз я вошел в дом Рузы Чариева через год после его смерти. Обстановка в гостиной была прежней, но с усилением беспорядка. Не найдя духа Рузы-ака и общих тем для беседы с его вдовой, я с тяжелым сердцем покинул последний приют великого устоа.

Рузы Чариев был прекрасным человеком, другом, патриотом, любил жизнь и людей, и если он кому-то остался должен, то я постараюсь отдать его долг.

Случайность в жизни людей занимает такое же почетное место, как и закономерность. Они как Инь и Ян, как плюс и минус, как жизнь и смерть. Они не подлежат никакому сравнению типа «больше или меньше», «лучше или хуже...». Отличить их друг от друга невозможно, а управлять ими совсем бесперспективно.

Мне вспоминается лекция по философии, которую мы, четверокурсники, слушали в аудитории Готье 1-городской клинической больницы в Москве. Наш преподаватель привела следующий пример случайности: человек, идущий по асфальту городской улицы, поскользнулся на оброненной кем-то апельсиновой корке и сломал руку. Случайность? Да. Но я сразу возразил, что это может быть закономерностью, если в этом городе низкий культурный уровень жителей и ослабленный контроль над коммунальным хозяйством и чистотой улиц. По поводу случайности и закономерности можно спорить бесконечно, и ваш покорный слуга – простой врач – считает, что граница между субъективностью и объективностью условна, как и весь реальный мир.

Случайно или закономерно, но с Тахиром Миржалиловым я все же встретился. Я часто останавливался на углу улицы Ленина и Проспекта космонавтов у первой аптеки. А рядом с ней находился цветочный магазинчик. Раз в квартал он менял вывеску, становясь то коммерческим магазином, то кафе. когда в девяностые прошлого века на нем появилась вывеска «Мебельный магазин», я туда вошел. Даже на фоне дорожной эксклюзивной мебели выделялась спальный гарнитур розового цвета с разводами. Но мое внимание привлекла чудесная живописная работа – панно 40x160. На фоне бирюзово зарождающегося утра, с еще не померкшими звездами, крохотный колибри нежно пил нектар из только что открывшейся лиловой магнолии. Я, как бы проходя, из любопытства осведомился о цене картины. Ответ меня поразил: сумма была умопомрачительной. Но мне объяснили, что картина продается вместе с мебелью. И никак иначе, чтобы не нарушать комплектность! Я что-то неудачно строгил про Леонардо Да Винчи, но получил ответ, что мебель не итальянская, а картина тем более, ее написал чудак-художник с чердака. На лифте я поднялся на седьмой этаж и остановился перед широко распахнутой железной дверью чердачного помещения, переделанного под мастерскую. В те далекие перестроечные девяностые перестраивалось все, и квартиры, в том числе. А начинали все с установки железных дверей.

Передо мной сидел маленький человек на низком стульчике за журнальным столиком, напоминающим большой табурет. Красивые иссиня-черные волосы падали на плечи, и

голый торс гармонировал с большими выразительными глазами, выжидающе направленными в мою сторону. Перед ним стояла недопитая бутылка «русской», лежали подсохшие куски лепешки и что-то неопределенной консистенции в кульке. За спиной на мольберте стояла законченная работа, на которой изяшно красовалась девушка лет двадцати пяти, одетая в платье, скроенное из газет «Комсомольская правда», «Труд» и других, с хорошо читаемыми заголовками и текстом. Я вспомнил, что совсем недавно видел подобное творение в очень модной тогда газете «Собеседник», выполненное моим московским знакомым Михаилом Рогачевским, закончившим ВГИК вместе с Михалковым, Адабашьяном, Басыровым.

Я еще рта не успел открыть, как получил приглашение войти. Мастер ногой подвинул в мою сторону табуретку и сказал: «Доктор Назаров, присаживайтесь. Какая судьба занесла вас на мое седьмое небо?»

Увидев в моих глазах вопрос, ответил: «А кто же вас не знает? – и представился: «Тахир Миржалилов, бедный художник. Чем обязан?»

Сделав комплимент выставленной на мольберте картине, одиноко стоящей в совершенно пустой мастерской, я сказал, что хочу купить его работу, которая висит в мебельном магазине. Это вызвало неожиданную бурю эмоций в виде смешанного удивления и восторга:

– Что, прямо, взять и купить, за деньги? Ты знаешь, у меня за полтора года никто не купил ни одной работы. Эту «девушку», – большим пальцем указал за спину, – я даже возил месяц назад во Францию. Там ее тоже не взяли «замуж», а ведь хорошенькая, согласись! Возьми ее! Не пожалей! Просто возьми и ничего не надо платить!

Я видел, что работа знаковая, но использовать духовное и физическое состояние Маэстро в тот момент было бы грубой невоспитанностью и хамством. Я сосался на то, что именно нижняя работа запала в душу, и осведомился о ее цене. Но Тахир не успокаивался и предложил «Девушку» в подарок, если я отгадаю мысли, которые владели им в момент написания «колибри». Я предположил, о чем он думал... Мастер искренне улыбнулся и обнял меня.

– Забирай! Она твоя.

Пока мастер надевал рубашку, чтобы спуститься со мной в магазин, я вынул все имеющиеся у меня ролики купонов и прилагающиеся к ним суммы и положил рядом с недопитой «русской» на стол-табурет.

Работа была куплена для одной моей подружки, а досталась другой. Далее ее судьбу я не прослеживаю, так как наши дружеские отношения с ней никак не сохранились.

С Тахиром Миржалиловым, уже вице-президентом Академии художеств, мы еще пару раз встречались на выставках и презентациях и очень тепло здоровались, сохраняя наши дружеские отношения, но через несколько лет и они были прерваны, он внезапно умер от инфаркта миокарда. Мастера уходят, остается добро, светлая память, а что может быть дороже? Кстати о том, что Тахир Миржалилов стал вице-президентом Академии художеств Узбекистана, сообщил мне Владимир Иванович Бурмакин. «Гора» пришла к «Магомеду» осенью 1994 года.

На третьем этаже Дворца текстильщиков передо мной внезапно, как гриб, вырос среднего роста человек в огромном бархатном берете с очень добродушным лицом, с большой родинкой на правой щеке. Мягкий многотональный голос, сочетающийся с оригинальным беретом, интеллигентность представления, выдавали в нем человека культуры и искусства. Мозговой компьютер, сравнивая похожие образы, выбросил лишь одну фишку – Воланд! Да, булгаковский демон. Было сразу понятно, что в мою жизнь вошел не простой человек, а меченый, знаковый.

Поступило предложение подлечить его дочерей-близняшек в обмен на его работу. Не имея выбора, я согласился, и через месяц картина (благодарность за лечение) была выставлена для демонстрации в массажном кабинете.

На небольшом холсте на нежно-голубом фоне были прописаны две рыбы неизвестного мне семейства. Владимир Иванович попытался мне объяснить философскую подоплеку этой работы, и чем больше он говорил, тем больше я его не понимал. После чересчур витиеватого художественно-философского предложения, заглянув в мои добрые по-бараньи глаза, он понял, что говорит в колодез. Я был в состоянии аутизма. На его вопрос о моих пожеланиях, после длительной паузы я просто ответил, что мне нужна большая работа и желательно цветы – под цвет обоев приемного кабинета. Маэстро интеллигентно сообразил, что я профан в живописи, и через три дня в приемной висел свежепрописанный натюрморт огромного размера с цветами, самоваром и атрибутикой чайного стола.

Бурмакин-Воланд вывел меня на тернистую дорогу познания мира искусства, уверив, что темной ночью в горизонте она соприкасается со звездами. И я пошел и до сих пор иду, как слепец, в ожидании рассвета.

С Владимиром Ивановичем мы сохранили теплые, дружеские отношения. Я побывал на многих его выставках, видел и его классическую станковую живопись, и авангард, и с сильным феминистским оттенком компьютерную фотографию.

В.И.Бурмакин академик, и заслуженно, но мне кажется, что он ищет в темной комнате искусства черную кошку совершенства. Хотя это обычная жизнь знаковых людей. Спасибо всем ищущим, вечным двигателям прогресса.

Воланд-Мастер сопровождает меня до сих пор. Только шикарный берет сменен на замечательную ручной работы шахрисябзскую тубетейку.

В. И. Бурмакин, один из членов Академии, посетил почти все мои выставки. На их открытии он всегда говорил содержательно и конструктивно, с легким профессиональным сленгом, то есть на понятном всем и даже мне языке. Он заслуженно пользуется вниманием окружающих и всегда выполняет роль «свадебного генерала». На последнее предложение посетить выставку живописи и графики, посвященную семидесятилетию Джона Леннона из легендарной группы «Битлз», он ответил отказом, объяснив это тем, что на «этот рок-стриптиз» он не придет по состоянию здоровья. Очевидно, ему доложили, что среди моей коллекции – трехсот комиксов по дискографии рок-группы и живописных полотен моего друга, художника-оформителя Виталия Шербака, выставлен диск Джона Леннона и Йоко Оно, где «Two Wirgins» – два девственника – сфотографированы совершенно голыми спереди и сзади, чем они бросали вызов всему консервативному миру. Этот диск не представлял ничего интересного ни в художественном, ни в культурном плане и продавался только в непрозрачной упаковке, но из истории, как из песни, ничего не выкинешь.

Низко кланяюсь моему Воланду и желаю здоровья, новых побед и поражений, не ошущая границы и разницы между ними. Пусть это делают другие.

Наступил «долгожданный» 1995 год. После многочисленных боев между двумя министерствами – культуры и легкой и текстильной промышленности, – победили производственники, и началась эвакуация. А она, как обычно, бывает спешной. Имея добрый опыт «перестроечной кочевой жизни», мы с врачами почти без проблем, исключив полную потерю вложенных в производство средств, перекочевали в почти пустой двухэтажный детский сад, принадлежащий Эскаваторному заводу на Дархане по улице Садыкова-Ярославской. Арендваемая площадь увеличилась в три раза – с шестисот метров до двух тысяч, что, в сущности, было хорошо, но появилась новая проблема – стены.

Именно стены явились новым стимулом и катализатором моего дальнейшего движения в искусстве. Может быть, мы недостаточно мало обращаем внимания на наши стены? Задумайтесь! Ведь они, как живые люди и художники, могут быть знаковыми и ординарными. Ну, например, Великая Китайская стена, Берлинская или стена Плача в Израиле супротив стен из плетеного камыша или глинобитных дувалов в кишлаках. Обладая четырьмя основными функциями: экспозиционной, защитной, пограничной и опорной, стены многообразны и нужны любые.

Мне создавала проблему лишь одна функция стен – экспозиционная. Кажется, она на заслуженном первом месте – вспомните наскальные и пещерные рисунки. Когда человек имеет больше, чем ему одному необходимо, сразу же возникает проблема, как распорядиться излишком, а это, в свою очередь, тянет за собой кучу вариантов и действий, характеризуя человека в социуме. Так что и стены могут определять человека и быть мотивацией к каким-либо действиям. У меня появилось много стен, а украсить их по своему разумению было нечем, что и явилось чудесной причиной углубленного изучения искусства и жизни рядом с ним.

Да, очень мало внимания мы уделяем нашим стенам, а ведь они первые встречают нас в родзале, сопровождают нас по жизни, объединяя нас в отчем доме, и разъединяют, когда мы строим их между собой в отношениях. Да что говорить, мы и сами состоим из стен, только очень маленьких, с массой окошек, отверстий, пазов и турникетов. Каждая клетка нашего тела, окруженная мембраной, – маленькая стенка, обладающая всеми четырьмя аллегорическими перечисленными функциями, выполняет свою специфическую. Клетки крови, как маленькие «космические корабли-стеночки», бороздят беспредельные для них просторы нашего тела. Перегородками, фасциями, мембранами, «стеночками» разделены все наши органы, системы и среды, в совокупности составляя живой организм, как «китайской стеной», защищенный кожей.

Произведения художников – это тоже «стеночки», которые нужно вовремя и правильно сдвигать, раздвигать, перемешать, дарить, продавать: они должны двигаться, чтобы жить и приносить радость людям. А ведь это одна из главных функций человека, не зависящая от его статуса, – служение людям! Без бравады удовольствие и счастье приносит хорошая служба и огорчает плохая.

Некоторые художники, накапливая в мастерских свои произведения, создают высокие стены между собой и людьми, которым они призваны служить. Под предлогами не-

понимания, неудовлетворяющего курса доллара, создания собственного музея, что не в те руки попадут, что могут украсть идею.... И постепенно они из богатырей, призванных делать людей счастливее и богаче, в своих пещерах-мастерских превращаются в Драконов, охраняющих «свое богатство». В простом быту, надев грязное тряпье Плюшкина и Коробочки, они плохо питаются, одеваются, не улучшают своих жизненных условий и обязательно критикуют своих братьев по цеху и глупых покупателей.

Продолжая оснащать и украшать свой медицинский центр, в 1996 году, я, по рекомендации старшего брата моего зятя Лазурьевского Бориса Никодимовича, встретился в Доме художников на Ак-тепе с Юрием Талдыкиным – в те времена очень популярным и известным мастером кисти.

В нашей домашней библиотеке в Янгиюле был его альбом, выпущенный в 80-х и, очевидно, купленный отцом. В те годы альбомы выпускали только знаковые художники за счет Союза художников. Это сейчас при наличии средств каждый может позволить себе издать такой альбом или книгу. Тот самый альбом я последний раз просматривал лет десять назад и, рассекая на своей «ласточке» по «добротным» дорогам Ташкента, добираясь до Ак-тепе, ворошил в своей памяти картинку, виденные в нем.

Выстраивались куски натюрморта, где на просто сколоченном столе аппетитно красовались две недопитые запотевшие кружки янтарного пива, с тускло сверкающей изнутри бриллиантовой россыпью пузырьков газа на граненом стекле. На переднем плане грустно коробились три светлых небольших жерешка, красиво объединенных в связку медной проволокой, умело продетой через их головы. Очевидно, что им было лучше, чем тем двум, которых ранее вынули из связки и изрядно потрепали перед употреблением. Их оторванные головы с широко открытыми ртами и пустыми глазницами удивленно уставились на четверть буханки «орловского» черного хлеба, сверху посыпанного семенами кинзы. Пополом разрезанная, но еще не тронутая луковица указывала, что «пивная вакханалия» только началась. Очень смутно вспомнился сюжет картины, где подростки нагишом купались в горном ручье и брызгались бирюзово-светлой водой. Больше ничего не приходило в голову, но я был в предвкушении демонстрации, и совсем напрасно.

В мастерской меня холодно встретил среднего роста человек с окладистой бородой, являющейся логическим продолжением копны рыжих волос. На нем был светлый свитер крупной старомодной вязки с продолговатыми коричневого цвета подлокотниками из кожаменителя. Военное галифе цвета хаки на удивление были мало запянтано (рабочая одежда художников зачастую напоминает десантный маскировочный халат с разноцветными пятнами и разводами). Ноги грели валенки кавказского образца. На то, что маэстро давно не писал, указывали и его чистая одежда, и чистота в мастерской. Множество картин было аккуратно разложено по полкам, причем, строго по размерам. Мастерская больше напоминала архив или хранилище музея. Полы были тщательно вымыты, стекла окон сияли чистотой. Создавалось впечатление, что помещение подготовлено для сегодняшнего праздника со столованием и танцулями.

Соответственно, разговор не ладился. В основном Ю.Талдыкин «прошупывал» меня, но как-то вяло, без всякого энтузиазма. Узнав, что работы нужны для оформления Медицинского центра и что я классику не отличаю от авангарда, уже через двадцать минут беседы он впал в уныние и объявил, что работы свои не продает, так как нет настоящих покупателей и ценителей его труда. А он достоин музейных экспозиций и в России, и в Иваново, куда собирается переехать к дочери, им найдется достойное применение.

Наконец, я уразумел, что с моей тысячей долларов в кармане и молодостью в душе я имел шансы только на двадцатиминутную беседу, но без демонстрации картин. Сотни плотно составленных работ не оставляли даже надежды заглянуть в шель между ними.

С чувством обиды за себя и Юру я скорбно покинул уже «неживую» мастерскую большого художника, через пару лет узнав, что и сам Маэстро внезапно ушел в вечность от какой-то болезни. Как говорят в народе, «пешона такдир» – кому что написано на лбу. Не все могут быть при жизни Тансыкбаевыми или позже Ван Гогоми, и никто не виноват, что ответственный этап его жизни пришелся на трудное время эпохи перемен.

Почему-то большинство людей думает, что в компенсацию динамической юности к старости они получают мудрость. К счастью или несчастью, это совсем не так. Дряхлеют наши наружные и внутренние стеночки и обрастают всякой дрянью – слизию, холестериновыми бляшками, разными камешками. Достучаться до нас через такие толстые стены бывает трудно. В быту, прямо указывая на возраст, сдает нас первый признак – шаркающая походка.

Потом – рассеянность, забывчивость, мания. И забрасывают стариков массой эпитетов, диагнозов и даже оскорбительных слов – склеротик, маразматик, слепец, тугодум, божий одуванчик, старый перечник, впавший в детство. Отдельно для стариков создана медицинская наука – геронтология, как для детей – педиатрия. Изменения внутренних органов со временем изменяют и психическое состояние человека, его поведенческие

реакции. Проще говоря, если человеку повезет дожить до старости, в его лице мы имеем возможность пообщаться минимум с тремя совершенно разными личностями. Поэтому не обижайте стариков, и тем более, не обижайтесь на них, если они больны. Все это в полной мере относится и к художникам, так как учеными до сих пор не найдены анатомические, физиологические и прочие их отличия от писателей или строителей.

Радуйтесь, что жизнь так разнообразна. Если из семи нот можно составить море звуков, то сколько личностей каждую секунду становящихся не похожими друг на друга, можно составить из динамически развивающегося всю жизнь организма? Посчитать не удастся – можно только вообразить. Поэтому зачастую удивляемся: только вчера вроде бы говорили с человеком, а сегодня он уже другой. Нас меняют жизненные обстоятельства и события, встречи и не встречи, недуги и здоровье, погода и природа... Покопайте глубже – вы ведь тоже стали другими. Потому-то тезис, «прощение» во многих религиях считается основным – ведь человека, совершившего грех, уже нет. Так с кого же спрашивать?

Выйдя от Ю.Талдыкина и попав в объятия уже давно поджидавших меня подружек – Риммы Гаглоевой и Инны Васильевой, красивейших и умнейших женщин Востока – вспомнил, что забыл свое плохое настроение в чистой мастерской. Я почему-то не вернулся обратно. Видно, в одну и ту же воду два раза не войдешь. Вот и пригодилась моя тысячонка, слегка влажноватая после вегетативного трепса. Я прекрасно отдохнул, получив долгожданную демонстрацию картин, и приобрел несколько больших работ двух художниц, ставших украшением скромного жилища доктора. Правда, от Риммы я не получил никаких скидок и снисхождения, а Инна снизила в два раза цены и подарила с подписью чудесную маленькую работу.

Еще раз повторюсь, это был 1996 год, и то посещение Дома художников на Ак-тепе, кроме радости, оставило небольшой осадок – отсутствие в моей коллекции хоть одной работы мастера-кудесника Юрия Талдыкина. Да упокоит Бог его душу, дав реализацию его пожеланиям. И пусть его работы, покинув родину, еще поговорят с людьми его голосом.

Увлечение графикой началось с Сережи Аганова в 1997 году. Армяне, разбросанные по миру, почему-то притягиваются друг к другу, а Сережа был армянином «самаркандского разлива», среднего роста, кряжистый, с зелеными хитрыми глазами. Он занимался антиквариатом и имел маленький магазинчик. Энергии движения и идей у него было валом. Он, как и многие в то время, мечтал быть здоровым и богатым, рассекал горные дороги Узбекистана в поисках различных предметов быта с повышенной маржой.

В его «продажной коллекции» были и художественные произведения, в том числе графика Мальта и Усто Мумина.

Как мне тогда казалось, мое понимание искусства было достаточно пространственным и глубоким, а в сущности в линейном измерении оно составляло лишь жалкие 5–6 метров фокусной визуализации демонстрируемой картины. И только тогда, когда у меня испортилось зрение и я надел очки, после их тщательной протирки я улетел в мир и космос графического рисунка.

Первая выставка графики, организованная, благодаря С. Аганову, в моем центре, была судьбоносной, так как я познакомился с умными и деятельными искусствоведами Наташей Глазковой и Ириной Булкиной (царство ей небесное), которые показали мне место, где следует разбить мои «цыганские шатры» для изучения Мегаполиса искусства.

Тогда же я познакомился с очень хорошим человеком, близким другом и помощником Урала Тансыкбаева, бессменным хранителем и директором его мемориального музея Салтаном Ибрагимовичем Тахоевым, заменившим мне отца и советчика. Гордость, отвага и прямолинейность достались ему просто так – по кавказской генетической линии осетина, а выправка и качества командира были привиты за долгие офицерские годы службы. Двери музея и сердце С.И.Тахоева были открыты для меня, впервые я вошел туда осенью 1998 года, будучи приглашенным на выставку Ильдара Фатхулина, художника, спонсируемого турфирмой «Азия Трэвэл».

Выставка не была очень яркой, но запомнились несколько коллажей и триптих, изображающий горы с горящими свечками, в память о погибших альпинистах. Посещение его выставки в галерее «Караван» несколькими годами позже впечатления не усилило. Запомнился большой портрет Джона Леннона в раме, инкрустированной множеством ручных часов. Из личного разговора и рассказов знакомых я понял, что Ильдар, не покоров «богемного олимпа», путешествовал в Чехию и обратно много раз и, кажется, преуспел в оформительском деле.

Та выставка в музее была знаменательна тем, что я нашел там людей, которым на долгие годы стал любимым другом и спонсором.

За эти «долгие-недолгие» пятнадцать лет я перевернул немало дел, возможно, и не очень производительных рядом с искусством. И спасибо за помощь, веру, надежду и

любовь всем, кто был рядом и помогал в нелегкой работе по укреплению будущего искусства родной земли как частицы всей цивилизации.

Не помню по чьей инициативе, но 3 марта 1998 года мы провели выставку к Международному женскому дню сразу четырех женщин-художниц – Харитоновой Ольги Владиславовны, Бородиной Марины Ростиславовны, Юлдашевой Гулором и Кочкаревой Светланы Ивановны.

Оля и Марина закончили в 1978 году отделение театрально-декоративной живописи и скульптуры ТГТХИ им. А.Н. Островского и были подружками. Гулором, ученица известного Ташкентского усто Фасхутдина Дадамухамедова, работала в «ювелирке», воссоздавая украшения, характерные для различных эпох нашего региона, одновременно внося в них нотку сегодняшнего дня и делая их приемлемыми для современного человека. Света – старшая из «девочек» – окончила в 1972 году художественно-графический факультет пединститута и работала прикладником по «деревянке». Роспись разделочных досок и деревянных панно в национальных традициях удавалась ей с особым шиком, похоже, глаза «инверса» воспринимают жизнь Востока «по-шпионски» острее и красочней. Света и Оля достаточно набожны и помогают в Свято-Никольском женском монастыре иконописью и реставрацией.

Выставка освещалась в телепередаче «Добрый вечер, Ташкент» известнейшим Георгием Яковлевичем Ирлиным (светлая ему память). На том же вечере присутствовала не менее знаковая телеведущая Галина Мельникова, которой я целовал руки и подарил цветы. Марина Бородина сделала ладную скульптурно-флористическую инсталляцию в «предбаннике» выставочной гостиной, и я во время ее занятия шутил, спрашивая, нельзя ли приобрести ее работу – бюст академика Восита Вахидова? Смеясь, она отвечала, что это очень затруднительно, а легче поцеловать «ее собственный», только это будет значительно дороже. В принципе, выставка-вечер удалась. Выступала шоу-группа «Маски», показывая новые образцы женской национальной одежды, был фуршет, и представляемые художницы были довольны. Они пригласили друзей и знакомых. Но «продаж» было мало, так как период определения «кто есть кто» еще не завершился, хотя и появились нувориши, которых (из-за их воспитания) вопросы и предметы искусства не волновали.

У Светы Кочкаревой я купил всю оставшуюся выставленную «продукцию», чем и заслужил «бонус». Через месяц она принесла мне небольшую икону Николая Чудотворца, искусно прописанную на дубе и уже освященную в женском Свято-Никольском монастыре, чем и пролила елей на мою израненную душу.

Мой дедушка по материнской линии, родившийся в 1900 году в день Святого Николая Угодника, был по святцам назван Николаем. Правда, он был воинствующим атеистом, за что у моей бабушки Арины Васильевны получил «заспинное» прозвище Миколка-безбожник. Дед – ветеран трех войн – гражданской, КВЖД и второй мировой, жил почетно среди партийных и хозяйственных организаций того времени.

Та икона напоминала мне дедушку, но очень умиротворенного, как бы в идеальном представлении бабушки, и была со мной как амулет в долгих поездках по республике. Но всему приходит конец, и она была похищена из моих бесчисленных багажных сумок детьми из неблагополучных семей одного ферганского спортивного интерната, которых я спонсировал, подкармливая и одевая. Может быть, она кому-то поможет в жизни, сделав его светлее и сильнее. Дай-то Бог!

С Олей Харитоновой мы встретились только осенью в ее доме-мастерской, расположенном в жилом массиве частных домов за медсанчастью Текстильного комбината. Я с трудом нашел его, так как он был зажат «айсбергами» нависающих над ним двадцатиметровых строений. Дворик, маленький и уютный, с обилием цветов и растений, производил впечатление красоты и девственности. Домик, хорошо обжитый хозяевами и массой домашних животных, застыл в стиле и моде 40–50 годов.

В доме было четыре мастерских – сестер Оли и Любы, отца Владислава и матери Луизы (художников-реалистов старшего поколения). Об их набожности говорило обилие самописных икон. В старом кресле 20–30-х годов я был напоен чаем и облакан демонстрацией работ всех членов художественной семьи с ретроспективой. Сделав заказ и оставив заклад, я через 5–6 месяцев получил двенадцать чудесных натюрмортов от всего пишущего семейства и в подарок – небольшой натюрморт с клубникой, который и по сей день украшает мою маленькую кухню-столовую на ТТЗ.

Конец сентября 1998 года. Наконец-то конец рабочего дня. Конечно же, дни должны быть короче, но что-то с этим не получалось. Полузатемненный рабочий кабинет.

На письменном столе контуры различных предметов – телефона, разброшенных книг и письменных принадлежностей. В мягком директорском кресле «ухайдоканное» тело шефа. Слева – релаксирующее бриллиантово-зеленое пятно аквариума, справа – напрягающий свинцово-серый квадрат окна, по величине и продольной солнцезащите утверж-

дающий, что это не «одиночка». За окном «поющий» дождь, и время суток, точнее определяющееся по боли в мышцах и рою беспорядочных хаотичных мыслей в голове, торосами наползающих друг на друга. Два предмета: «Спящий вулкан» К. Шамова за спиной и родительский диван 1957 года определяли общую ситуацию: все в порядке!

Нашатырно-раздражающий стук в дверь спровоцировал такого же свойства вопрос: «Ким?» За дверью эхом отозвалось: «Ким!» До конца не разобравшись, но чувствуя что-то доброе в этой ситуации, открыл дверь. В темном узком коридоре, тускло освещенном серо-зелеными клубами кабинетного света, стоял небольшой коричнево-серый квадрат человека, почему-то ассоциирующийся с маленькой бронемашинкой с узкими глазами-бойницами. Конфигурацию определяла большая, очевидно, с подстежкой кожаная куртка, изрядно нахлебавшаяся дождя. Низ не определялся, но в руке болталась на ремешке маленькая сумочка-барсетка. Это был Владимир Семенович Ким! Серость того вечера и жизни яркими красками и добротой ровно на 10 лет осветил интереснейший человек и художник, мой друг Володя Ким.

Володя подошел к «Эвересту искусства», будучи уже взрослым мальчиком, научившись писать только квадратики и кружочки, хорошо разобравшись только с двумя цветами – оранжевым и голубым – цветами солнца и земли. Времени на подъем в гору оставалось мало, а сделать надо было много, и Володя Ким нашел единственно правильное решение: он стал вытягивать линии квадратиков и кружков по абрисам деревьев, домов и гор, раскрашивая полученные очертания хорошо узнаваемой природы в любимые цвета – оранжевый и голубой, при накладке образующие богатую гамму оттенков. Не получалось у него лишь с названиями работ, они были очень витиеватые и разнообразные. Я бы предложил всего два названия, которые и определяли бы каждую работу в отдельности – «Красота» и «Любовь».

Прошло десять лет. Мы сидели в уютном дворике Музея Урала Тансыкбаева после прошедшей выставки «Глазами женщин» в марте 2008 года. Оба усталые и покоцанные жизнью и любовью. Оба прямо из стационаров, и оба в сопровождении жен. Прошались. Володя, парализованный после перенесенного инсульта, покидал страну, уезжая куда-то в Российскую «тьму-таракань» к детям. Я был парализован психически, покидая свой привычный, обжитый с любовью мир.

Нам было грустно, но тогда мы еще не понимали, что наши десять лет параллельного труда в жизни и любви прожиты не напрасно и будут щедро вознаграждены. Через несколько месяцев мы оба получили в подарок «свободу»: Володя, наконец-то из временно объединенной семьи ушел в «заоблачную даль», а я с «облаков» временно опустился в семью. Вот как бывает.

В жизни Владимир Семенович Ким был чистым, открытым, трудолюбивым человеком и не страдал никакими маниями, щедро посвящая свою жизнь и творчество людям, живущим рядом с ним, усиливая в них концентрацию любви и красоты. Незаметно для себя и людей он создал массу передвижных музеев в душах своих современников.

Все, что мы имеем, дается нам только на время и только по тому, как мы сможем или успеем распорядиться своим «скарбом», и будут характеризовать нас современники и потомки.

Не надо забывать, что накопление и концентрация – это только часть процесса, и вслед за этим последует распад, сопровождаемый выделением энергии, направленной на созидание новых материальных и духовных субстратов. Этот бесконечно повторяющийся цикл и является подтверждением вечности жизни и смерти. Все циклы в космическом мироздании разнятся по времени, массе и скорости, но запускаются и контролируются «божественной» энергией распада. Чтобы образоваться с помощью концентрации и распасться от взрыва, звездной системе потребуется много миллиардов лет, а чтобы освободиться ребенку, находящемуся в утробе матери в течение 9 месяцев, нужны часы, систола и диастола сердца же завершаются за несколько секунд.

Многократность чередования процессов накопления и отдачи приносит человеку радость. Разве не радостно знать, что сердце бьется и рождаются дети. А радость – это сконцентрированные Вера, Надежда и Любовь.

Всему свое время... Время разбрасывать камни, и время собирать камни... Время строить и время разрушать...

Так что формула радости проста: многократно концентрируйте и отдавайте и радуйтесь всем и всему. Это такая же аксиома, как и то, что здоровый позвоночник – это долгая жизнь. Да не оскудеет душа и рука отдающего!

В том далеком замечательном осеннем вечере – выставке 1998 года – принимал участие еще один интересный человек – скульптор Баят Мухтаров со своими деревянными скульптурами-бонсартами, олицетворяющими происхождение жизни на земле. Баят ворвался в мою жизнь, как демон со сверкающими круглыми глазами, огнедышащим ртом, прилично встрепанными волосами, антимефистофелевским носом и комплекцией, похожей на тело Христа на кресте.

При первой нашей встрече он искренне «парамонил» меня, обнимая и целуя, не оставляя никакой надежды усомниться в долговечности нашей дружбы. На нем была светлая водолазка и стального цвета костюм, который во второй раз я увидел на его юбилейном вечере, который я сам и спонсировал.

Центровой фигурой той ДЕМОНстрации была «Бабочка Воннегута», собранная из металла философская идея Баята. Она была очаровательна и гениальна, да я, право, и не помню ни одного произведения Баята, сделанного халтурно. До какого бы материала он ни дотрагивался, его произведение, благодаря его подсознанию приобретало гениальные пластические формы и гармонично вливалось в окружающее пространство, украшая и дополняя его.

Конечно, я невесть какой знаток пластики, формы и их взаимодействия, но мне кажется, что искусство Баята Мухтарова космополитично и не совсем отвечает региональным направлениям и задачам сегодняшнего дня, но как мощный фундамент андеграунда и альтернативы оно необходимо так же, как Инь и Ян.

Для западных направлений искусство Б.Мухтарова слишком ординарно, а для региональных – слишком авангардно, но как раз в этом его разрыве и вся его прелесть и гениальность, и малопродуцируемость.

Успокаивая вечно сетовавшего на отсутствие хороших покупателей Баята, я говорил ему, что через 50–60 лет его произведения будут искать, если они, конечно же, сохранятся.

Более десяти лет нашего совместного пути в его творчестве показали прочность наших отношений и дружбы. Каждый раз при встрече Баят крепко обнимал и лобызал меня, как это делал «кальсонный» отставной генерал Чарнота с «богатеньким» Парамоном в его доме в Париже – из гениального произведения М. Булгакова «Бег».

С Баятиком мы встретились в январе 2011 года в филиале моего Медицинского центра. Он приехал, чтобы поделиться радостной новостью, что ему, наконец-то, дали выставочную площадь в нижнем выставочном зале союза художников и что выставка состоится через месяц, и еще, по обыкновению, попросить спонсорской поддержки.

Весной 2011 года ко мне попала видеозапись утренника, сделанная скрытой камерой в Городском центре реабилитации детей, страдающих детским церебральным параличом. В том видеofilmе дети с тяжелыми формами поражения центральной нервной системы читали стихи, пели и танцевали на коленках. Они, красиво одетые, очень радовались празднику, и их родители со слезами на глазах были счастливы тому, что их дети еще могут двигаться и проявлять эмоции, соответствующие всеобщему праздничному настроению. Конечно же, правильно, что запрещают съемки на таких «спецобъектах»: «обратная сторона луны» необходима для работы и изучения только специалистам, у которых есть опыт и хоть какой-нибудь «душевный иммунитет». Даже меня, медика, имеющего за плечами более чем десятилетний опыт работы в детской реанимации и до сегодняшнего дня работающего с такой категорией детей в своей клинике, тронула сама эмоциональная атмосфера праздника. Собравшись в одно время и в одном месте, дополняя друг друга, они взаимодействовали как один полноценный жизнеутверждающий механизм, на время забыв, «кто они» по одиночке. Воистину, единение – сила.

Для себя я принял твердое решение – подарить часть работ наших знаменитых мастеров кисти из моей коллекции в этот Государственный центр. Пусть дети, лишенные возможности активно двигаться по миру, увидят его в движении уже подсмотренном и выплеснутом на холсты мастерами фиксации времени. В последствии я так и поступил, так же поступят и художники, отдав свои работы с очередной выставки.

Продукты жизнедеятельности людей, и тем паче творческих, очень автобиографичны. Некоторые из них, имея скрытый характер или несчастливую жизнь, пытаются защитить свой внутренний мир разностильностью, авангардом или новаторством. Однако для хороших «дешифровальщиков», к которым, помимо искусствоведов, принадлежат врачи и психологи, не будет больших проблем заглянуть за «внешний фасад» мастера. Еще проще это сделают простые люди, полюбившие его, а если мастер пишет автопортрет, любому все карты в руки.

Портрет наиболее полно отражает внутренний мир человека. Правда не то, что он думает о себе и представляет, а то, как мастер видит его. Поэтому «заказчик» зачастую недоволен своим изображением, сетуя, что художник не уловил каких-то его особенностей, характеристик. Более удачен портрет тогда, когда мастер и «объект изображения» ранее взаимодействовали. Портреты одного и того же человека выглядят у разных художников по-разному так же, как разнятся их мастерство, видение и стили.

Мой друг, чудесный комиксмейкер и оформитель Виталий Шербак, с которым за двадцать лет нашей творческой деятельности мы сделали около тысячи комиксов по дискографии «Битлз» и написали книгу «Битлзтерапия шейного остеохондроза», всегда изображал меня в комиксах микроцефалом с фенотипическими признаками болезни Дауна на лице. Чего уж обижаться, если он так видел меня, спонсировавшего и планирующего

его творческую деятельность. И только тогда, когда спонсорские дотации закончились, и пришлось повкалывать на хозяйственных объектах Ташкента, создавая с группой соотаришей новые формы дизайна развивающегося города, он полностью осмыслил мою миссию в его жизни и судьбе. Уезжая на свою родную Украину, он написал замечательный портрет, авангардно-демонически изобразив меня в многоцветии, не забыв увеличить и объем черепной коробки.

Увлечись сатирическими стилями – комиксом и шаржевым портретом – я заказал шаржевую галерею на своих сотрудников, включая, конечно, и себя, которая спокойно повисела в вестибюле нашего Медицинского центра пять лет, подготавливая пациентов к более доверительным отношениям с медперсоналом. С этой задачей наши «бродвейские мастера» справились на «отлично». В их числе был Олег Шкред, который в Израиле стал знаменит и даже иллюстрировал произведение «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, вышедшее на иврите. Шаржевые портреты, сделанные на меня на Монмартре и в Афинах, не были столь удачны: на одном из них я был похож на Пикассо, а на другом – на Манолузу Глезоса.

Первый «живой и реалистический» портрет был выполнен Дмитрием Шабуниним в 1995 году в орготделе фирмы. На нем я был изображен в белой рабочей форме, с фирменной нашивкой на нагрудном кармане «АНИК», сидя на диване. Работа была выполнена на холсте 1,5x1,5 м гладью и одета в ореховый багет. Три года она повисела в той комнате и над тем же диваном, а переехав в мой филиал в Чимкенте, канула в лету.

Дима Шабунин, похоронив маму, переехал в Москву, где стал известным придворным художником у блистательных российских поп-звезд. Мы, не став друзьями, думается, сохранили хорошие воспоминания друг о друге.

Свято место пусто не бывает, и взамен ушедшему портрету появился новый, написанный молодой художницей Леной Ли после ее первой выставки, проведенной мною в октябре 1999 года. Он был соткан разноцветными лоскутами красок за час позирования, окончательно собран и одет в белосеневый багет за неделю. Мне он был симпатичен с начала его производства. В нем чувствовалось разноцветье состояния моей души в тот период. Глаза, устремленные в душу смотрящего, не оставляли равнодушных, но, по мнению супруги, на нем я походил на утопленника, только что выловленного после двухнедельного таинственного подводного путешествия, но еще не обмытого резиновым шлангом прозектора. Не знаю, наверное, любя, она сильно идеализирует меня.

В сложных ситуациях я всегда шел на «компромисс» – поступал, как она говорит – и портрету не посчастливилось попасть на демонстрацию, но, верится мне, что он обязательно найдет круг понимания.

С Леночкой Ли мы разговаривали по телефону и мельком виделись на выставках, где среди прочих экспонировались и ее работы. Отмечая ее творческий рост, заметил психоделиричность некоторых композиций. Более полно познакомился с ее десятилетним творчеством в фойе театра «Ильхом» после ее телефонного приглашения. Во многих ее работах чувствовалась склонность к психоанализу. Плотная композиционная установка картин и их слабое багетное сопровождение говорило о стабилизации мастерства, найденной стилистике и слабой ориентации на рынок.

В тяжелый для меня период однофамилица Лены – Татьяна Ли написала мой портрет, где угадывались только глаза и состояние души. Многие мои знакомые, видевшие его в Центральном выставочном зале Академии художеств, говорили, что работа удачная и соответствует «оригиналу» в тот период. Познакомила нас в 2003 году Наталья Глазкова, и я провел Татьяне персональную выставку в Медицинском центре буквально через месяц после нашего знакомства. Выставка удалась на славу, и было куплено десятка два картин. Они выглядели очень декоративно и были пригодны для украшения любых помещений – офисов, жилых домов, включая кухни, вестибюли, залы и даже спальни.

Все эти годы мы сохранили с Татьяной Ли доверительно-красивые душевные отношения. Мне всегда импонировало в ней сочетание тонкого романтизма с твердым поступательным движением к осуществлению поставленной задачи, интеллигентной вальяжности с чертовской трудоспособностью, и мягкий крен от реализма в сторону авангарда в архитектурной живописи и в экспрессию во флористике.

Мастерская Татьяны очень похожа на женскую сумочку, в которой, как в «новом ковчеге», есть все, начиная от средств массового поражения до индивидуальной защиты репродуктивных функций. Причем, создается впечатление, что, уходя на работу, женщины не уверены, что вернутся домой, и уносят в своих очаровательных маленьких сумочках месячный запас выживания в любых геополитических условиях минимум на десять человек. По внешнему виду и внутреннему содержанию дамской сумочки можно в точности судить о женском психологическом портрете, привязанностях и наклонностях ее близких и любимых. А по остаткам биологического материала, которого предостаточно

на средствах косметологического ухода и в разных маленьких целлофановых пакетиках, расшифровать генетические карты ее «предпочтений», определить климат, экономику и политику страны проживания. Объем сумочки в зависимости от достатка и возраста владельца может меняться от миниатюрной кожаной (для переноски мобильного и визиток) до огромных размеров холщевых баулов, передвигаемых на специальных устройствах с двумя колесиками. Очень интересным наблюдением является то, что приятность коммуникабельности возрастает по мере уменьшения объема сумочки у собеседницы, вплоть до ее полного исчезновения. Некоторые женщины предпочитают носить в нагрудных, заплечных сумках или просто на плечах биологические объекты – детей или мужей. Периодически, чтобы обновить свою жизнь, они меняют сумочки и их содержимое! Заглянуть в женскую сумку равносильно тому, что заглянуть в душу. В скобках замечу, в женской голове творится то же, что и в ее сумочке.

У Тани в мастерской на тридцати квадратах находилось все, о чем мечталось простому смертному: кухня, гостиная, спальня, приемная, архив, туалетная, музыкальный холл и рабочая площадь со множеством мольбертов. Одинокое ошестившаяся зубная щетка с красавцем-тюбиком зубной пасты в одном стакане и неудобный лежак говорили о том, что никто не мешает плодотворной работе. Причем, компактность предметов, находившихся в мастерской, оставляла еще достаточный простор для размещения хоровой и танцевальной групп Ансамбля им. Пятнишко.

Периодически я забирался в «Танину душу», и мы часами беседовали об искусстве и художника, она показывала свои новые разработки и направления, которые обычно мастера держат втайне друг от друга до решающего бала-выставки. Мнение неучей и зевак интересно для изучения маркетинга – ведь они потенциальные покупатели.

Профессионалы никогда ничего не покупают у своих собратьев по искусству, а если и коллекционируют работы своих друзей, то только подарочным способом, все время жалуясь на отсутствие денег. Причем, чем круче мастер, тем меньше у него денег, и это видно по высоким ценам на его продукцию и невозможности добиться уступки. Высокая цена, очевидно, стимулирует воображение, является катализатором творческого процесса, радует «домашних» и действует как нашатырный спирт на собратьев по кисти.

Что жизнь изменилась, понимают вроде бы все: конформисты уже давно в лаковых туфельках рассекают на иномарках, а консерваторы вынуждены в рваных штанах сторожить ранее написанные работы. Законов природы в связи со сменой экономических формаций никто не отменял, поэтому только жизнеспособные формы будут иметь обозримое будущее. И законов морали и совести никто не снимал с повестки дня.

Татьяне повезло родиться в чудесной семье художников и жить с хорошими людьми. Папа и мама – талантливые художники-графики – Александр Владимирович Ли и Галина Ли. Младшая красавица-сестренка Мария – хороший живописец. Издалека ее картины можно принять за вышивку или гобелен. Как и она, ее работы оригинальны и очень декоративны. Муж Маши был афганцем, поэтому по паспорту она Мария Александровна Сафи, но зачастую свои работы подписывает Мари Сафи Ли.

Мне импонирует стиль работы и жизни семьи художников Ли, и у меня в коллекции достаточно их работ. Персональную ретроспективную выставку художников Ли, прошедшую в начале 2011 года, я посетил дважды. Плотность выставки была такой, что места для средних работ не оставалось, что говорило о высоком мастерстве семьи Ли, оценке их творчества людьми и Академией художеств и слабой продажей. Если первые две позиции уже укреплены временем, то третья, подвластная другим законам, будет телепаться то вверх, то вниз. Особенно в тяжелом положении, и незаслуженно, оказалась графика, которая в период массовой культуры малых форм была в фаворе в 60-80-е годы прошлого столетия. Малогабаритные комнатки-хрущовки во всех городах союза стали заполняться миниатюрными элементами культуры, в том числе, и графикой. Интенсивными темпами выполнялась программа обеспечения каждого индивидуальным жильем, равно как и программа «каждому пассажиру – по мягкому месту. Все же это был прогресс в сознании и «гуся – лебеди», «олени на фоне гор» и многотиражные типографские репродукции известных художников, начиная с эпохи Возрождения, оставались лишь в парикмахерских, банях и в чайханах, где культура общения ценилась выше, чем культура дизайна.

Меняется «двор», меняются и фавориты, и бывшие именитые графики оставили свои убеждения и стали живописцами, ведь кушать хочется всегда. Выставки графики стали редкостью, правда, еще шевелятся карикатуристы и оформители в паутине NETA, но лучше в паутине, чем на гильотине. Промысел сатиры во все времена не был безопасен и требовал особой корректности, такта и воспитания. Поиск хлеба и зрелищ заставляет двигаться, и наш Махмуд Ишанкулов, родом из Коканда, за 10 лет сумел поучаствовать в трехстах международных конкурсах и в тридцати из них получить первые премии, не выезжая за пределы республики. Его работы содержательны и корректны в моей коллекции их около тридцати.

В марте 2011 мне позвонил мой друг Радик Азизов, из «бывших» графиков, причем из дважды «бывших», так как давно занимается другим направлением.

Радик умен, мягок, слегка наивен, до безобразия интеллигентен в контактах и очень педантичен. его мастерская на массиве «Югнаки» скорее напоминала подпольную типографию газеты «Искра» за пять минут до прихода жандармов: в ней не было даже намека на профессию хозяина. Она была по-женски стерильна и уютно устроена. Стало ясно, что хозяин в детстве хорошо учился и слушал маму.

В моей коллекции около двух десятков его графических и живописных работ, которые очень нравятся и понятны моим близким.

Мое наивно-детское, в стиле скерцо, увлечение графическим рисунком не осталось незамеченным и безнаказанным, и я надолго был поставлен в угол, без права выхода из него.

Если раньше зачастую графику просто предлагали в придачу к покупке живописи, то после того, что случилось в мае 2009 года, ее стали продавать мне по цене иногда выше живописи.

А началось все очень банально: со знакомства с Анатолием Бобровым осенью 2008 года. Познакомил нас Осимхон Васиханов – из бывших книжных графиков, мой друг, посещающий почти все проводимые мною выставки и ведущий со мною просев накопленного им материала по системе «вершки-корешки».

Анатолий Бобров родился в Казахстане, в русском поселении, и детство провел в Лениногорске, где познакомился с ссыльным 1937 года по 57-статье опальным московским художником и педагогом Францем Феликсовичем Иванчуком, «открывшим» ему глаза и руки в искусстве. После окончания Театрально-художественного института в 1973 году Иван Кириакиди, тогда главный художник Издательства литературы и искусства имени Гафура Гуляма, а ныне проживающий в Греции, предложил Боброву должность художественного редактора. Это навсегда сделало Боброва Анатолием Андреевичем, предоставив ему одно из центральных кресел в историческом позиционировании одного из интереснейших издательств Узбекистана, просуществовавшего почти пятьдесят лет. Его перу принадлежит чудесная графика к «Рамаяне», «Семургу» и «Зайнаб и Оману» Хамида Алимджана, к «Индонезийским сказкам и легендам» М. Р. Дайа, Каракалпакскому эпосу «Шахрияр», чудесные акварели к произведению А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», где старичок напоминает нашего «чола», а старуха – «кампырку».

Особенно удалась ему работа над книгами Чингиза Айтматова «И дольше века длится день...» и «Плаха». В конце восьмидесятых прошлого столетия найти эти книги в свободной продаже не представлялось возможным, и только сдав кучу макулатуры, можно было стать обладателем сих очень востребованных произведений.

Конечно же, А.Бобров мог себе позволить работу над таким центральным изданием, так как с 1983 года стал главным и бессменным художником издательства до полного его разрушения. Не знаю, каким он был руководителем, но издательство он точно не разваливал, хотя...

Графика Боброва очень специфична, и перепутать ее с другими авторскими работами не удастся даже дилетанту. Она выполнена этюдно и, якобы, черновично, совмещая на одном листе план последующих иллюстраций и напоминая о прошедших темах, причем, с письменными заметками автора, иногда неразборчивыми.

Произведения эстетически закончены, но иногда выглядят динамически развивающимися шифровками для будущих «умных» читателей.

Не знаю, как в молодости, но при встрече Анатолий уже походил на все свои произведения – зашифрован, интровертен и закрыт от ненужных внешних раздражителей, далеко не «рубаха-парень». Создается впечатление, что его кто-то сильно обидел ранее, но достучаться ему в «латы» можно, если по «делу». При особом расположении к собеседнику маэстро может приподнять забрало, а общаться с ним всегда чрезвычайно интересно из-за его достаточной глубины, историчности и мастерovitости. Правда, доставать что-либо из тайников его души, равно как и работы из его личного архива, по-настоящему трудно, но дорогу осилит... больше дающий, чем другие, и в моей коллекции появились чудесные работы Цыганова и Циглинцева, Харшака и Криакиди, Кайдалова и Ларисы Давати.

Люди, как и их дороги, разные, и в этом есть радость и счастье бытия, но на склоне лет у горизонта они, сливаясь в одну, приведут только в «Рим». Взяв Боброва «на плечи» в качестве проводника, я в первый раз пошел именно по ней. Художники издательства, узнав и обрадовавшись, что я уже в пути, почему-то не торопились постелить мне асфальт. Пешие прогулки, однако, очень полезны для здоровья... сидящих на плечах путешествующих.

Когда-то мой «проводник и смотрящий» в далеком 1982 году шел по ней пешком с группой сотоваришей издательства, но тогда, по молодости, дорога казалась менее ухабистой и более государственной, и выставка «Художник и книга» удалась на славу, демонстрировалась в Москве и Париже. Сейчас это было сложно, но до безобразия интересно, так как был повод – кончина одного из крупнейших и интереснейших книгоиздательств советской культуры. Остатки и останки получили новое название «ИПТД – Издательско-

полиграфический дом им. Г. Гуляма».

Отдать дань уважения такому замечательному творческому коллективу было делом чести, большого почета, и «поминки» удались на славу. Денег и труда было вложено немало, особенно досталось сотрудникам Музея Урала Тансыкбаева Наташе Глазковой и Лобар Мирзабаевой, так как пришлось демонтировать музейные экспонаты на территории двух этажей и участвовать в экспертной оценке покупаемой графики. Директор музея Салтан Ибрагимович Тахоев, глубоко вздыхая, из уважения ко мне и понимая историческую значимость проводимой выставки, дал свое «добро» на наши действия, но старался не лезть в дела, так как такая вакханалия перемен в стабильности экспозиций музея была не по здоровью почтенному его основателю. Толик Бобров разработал и распечатал большой красочный плакат и буклеты в ста экземплярах для подарков бывшим художникам издательства, а в оформлении работ ему помогал Гена Жирнов (теперь уже покойный), очень похожий на Хэмингуэя. На большой площади было размешено более двухсот работ из различных печатных изданий, начиная с шестидесятых годов. Презентация, проведенная по установленному этикету, собрала около трехсот человек, включая и зевак, так как анонсировалась СМИ.

На таких мероприятиях бывает все, как на свадьбе: арендодатели, пироженщики, музыканты и украшатели, ведущие и фотомастера... Причем, все исполнители «навариваются», а устроители обычно разоряются, но «ситцевые платья все равно будут носиться», и свадьбы делать надо всегда, правда, соблюдая закон «длины курпачи»: «курпага караб, оёк узат», или, как говорят русские: «По одежке протягивай ножки».

Очень интересным актом этого представления была купля-продажа графики по системе «антибазар». Обыкновенно на площадях, предназначенных для торговли или не предназначенных, собираются различные категории людей: продающие, зеваки, карманники, смотрящие сверху и снизу, покупатели, подставные, продающие продающим, уборщики и изучающие маркетинг. В этом живом, клокочущем, смеющемся-плачущем механизме взаимодействия людей основным звеном являются покупатель и продавец. Здесь можно купить «непонятные каракули» Пикассо за копейку и продать умиленно смотрящих друг на друга с суконной тряпки белых лебедей за рубль. В таких взаимоотношениях главное не деньги, а эмоции, так как и покупатели, и продавцы не являются специалистами маркетинга.

К художественным и историческим ценностям относятся по-разному: умиляются, созерцая фарфоровые китайские прозрачные вазы двухтысячелетней давности в Эрмитаже, а всего-то сто лет назад в Зимнем дворце в них ходили по маленькой нужде депутаты Первого съезда РСДРП и делали это с большим удовольствием (ведь искусство принадлежит народу!) А вот расстрелянная тридцатиметровая статуя Будды, высеченная в скале в Афганистане – это варварство, но ведь это тоже эмоции, следовательно, «большое искусство» никого не оставляет безучастным – ни грамотеев, ни неучей.

К «мелкому варварству», на мой взгляд, относится «хуление» работ других художников собратьями по цеху. С «камешком за пазухой и с фигой за спиной» это всегда делается «за глаза», зная, что иногда словом можно испачкать работу и судьбу круче, чем краской или непризнанием. Обычно подобными кознями не занимаются начинающие, ушедшие с «большого дерби» в учителя и оформители, большинство искусствоведов, чьи дивиденды и популярность напрямую зависят от пишущей братии, художники, уже получившие и то, и другое, и просто интеллигентные люди.

Пусковым механизмом этого порока является фрустрация – обида непризнания или психоматические признаки старения, что требует участия врачей терапевтов, психиатров и, конечно же, психологов. Такое состояние вполне подлежит коррекции.

Но самая интересная, не видимая невооруженным взглядом философская толчея создается популярными, и уже «знающими себе цену», художниками твердой руки, во время спурта на финишной прямой к олимпу признания и самоутверждения. Здесь в ход идут все средства из ящика Пандоры.

Этот период «невидимой войны» со всеми и с собой у признанных и талантливых художников по длительности очень широко варьируется, но заканчивается у всех практически одинаково – из всех своих «детей» они делают «богов». Картины становятся в их сознании иконописными и в доме начинаются приготовления к большому празднику – юбилейной выставке, выпуску красочного каталога.

Среди сотни сотоваришей по оружию всегда есть очень маленькая группа «законодателей мод», стоящая на арт-олимпе. как правило, их немного, хватает пальцев руки, но лучше их считать в уме. Это воистину неординарные люди, чей талант признан при жизни и «верхами и низами», и даже мастерами, по званиям и регалиям подбирающимися к ним. Они называют их лакименами, а простой люд – гениями, ну а степень их талантливости и гениальности будет определять только время. Всем, кто им завидует, советуую проявить мудрость и благоразумие. Быть наверху не так-то просто, как кажется.

Очень тяжело быть «законодателем мод» хоть на миг, хоть на срок, а достигли они своих вершин благодаря их незаурядному таланту, высокой коммуникабельности и правильно выбранной стратегии и тактике своего движения. Эти люди всегда одиноки, как Воланд, при огромной видимой и невидимой силе. У них есть интересная особенность: они начинают скупать работы... своего «периода восхождения» и по-детски удивляются, когда их же работы предлагают минимум по двойной цене. А чему удивляться? Продавали они ведь дорого, но по дружбе, а покупают уже по деньгам у богатых людей.

Интересная купля-продажа по системе «антибазара» состоялась у меня в холле Музея Урала Тансыкбаева при приобретении графики для выставки «Художник и книга». Покупатель я был один в сопровождении двух искусствоведов, а продавцов было много – Анатолий Бобров и художники-сотовариши издательства имени Гафура Гуляма, которым в память о расформированном месте их долголетнего и плодотворного труда и предназначался этот праздник. Цены были установлены жестко, и торги были неуместны, но радость великодушно предоставленной рассрочки платежей и осознание, что скоро графика, знакомая и пахнущая детством, будет в коллекции, затмевала отрицательные эмоции произошедшего обмена.

Самым участливым оказался Медат Кагаров, подаривший двадцать шесть работ в ответ на заявленные для выставки двадцать. Этот добрейший поступок и был гениальным предвидением будущего великим маэстро графики и живописи, с которым я познакомился более десяти лет назад и который стал моим другом.

Уже в те годы он перешагнул границу между жизнью и смертью, был звездой, имея множество регалий, что давало ему полное право служить маяком всемдвигающимся к своему «пункту назначения».

Конечно же, всемирную известность Медату принесла графика, которая по мере его взросления из классической переросла в философско-символическую, оставляя всем простор для размышления, но сужая круг привязанностей и понимания. В обыденной жизни мы рождаемся и умираем в одиночестве, на время окружая себя семьей, друзьями, товарищами и свитой, которая тает по мере умудрения. Наверное, это и привело его в живопись, где мастер выразился нам более красочно, космополитично, философично. Наклоненность всех его фигурантов говорит о большой благодарности своей земле, родителям, учителям и детям, а их «рублевская иконописность» – о его космической свободе в поисках основ мироздания. Эта видимая простота общения с этим миром и невиданная глубина его познания отличает великих от всех прочих.

Вместе с Инной Васильевой он часто посещал мои маленькие «представления», совсем невидимые в мире демонстрируемого искусства, и, как мне казалось, они были счастливы и в жизни, и в судьбе.

Когда в их семью пришла беда – Инна сломала шейку бедра – Медат показал всем, какой он мужчина, обеспечив ей сложнейшую и дорогостоящую ортопедическую операцию, сохранив ей жизнь, поступив так, как он обещал когда-то в молодости. Его не стало 22 февраля 2011 года, в день, когда последний, тяжелый, водянисто-голубой предвесенний снег покрыл его любимый Ташкент, открывая стартовую площадку для встречи с вечностью, о которой он так мечтал и старательно изучал, оставив нам возможность его понимания и приказав всем нам жить долго и счастливо.

Эпикриз любви

Друзья мои: Шахноз Абдуллаева, Марго Шувалова, Римма Гаглоева, Джавлон Умарбеков, Баходыр Джалалов, Акмаль Нур, Диля Мамедова, Владимир Сергеевич Ким, Алишер со Светой, Марат Садыков, Дильюс и многие другие – спасибо, что открыли двери и были рядом со мной.

Ваши портреты в моей душе, а мазки, этюды и штрихи к ним Вы найдете в тексте глав. По одежке – протягивал ножки! Я вас всех люблю и желаю счастья и радости.

Большое спасибо всем, кто помогал мне жить и писать, а всем, кто мешал – низко кланяюсь. Чаше кланяйтесь и не забывайте, что здоровый позвоночник – это длинная жизнь.

Ну, сейчас серьезно! Вам ничего не приснилось – правит миром Любовь!

А теперь за дело...

мир для детей

Раиса КРАПАНЕЙ

Родилась в 1951 г. в Москве. Окончила медицинское училище им. Боровского. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, ведет блог «Живопись и поэзия». Живет в Ташкенте.

Мануэт розовый фламинго...

Сияет солнце медным блюдом
На бирюзовых небесах.
Молочно-рыжие верблюды
Пасутся в розовых песках.

Мальчишки – brave солдаты,
Пираты, принцы, короли.
Их деревянные гранаты
Беззвучно прыгают в пыли.

Царевны, юные невесты,
Украшив под чинарой дом,
Коржи из глиняного теста
Пекут под солнечным костром.

Плывут восторженные дали
Под детский гвалт и гомон птиц.
Какие кони нас умчали
В страну тревожащих зарниц?

В давно забытом детстве...

Где розовый фламинго,
Где яхты, океан,
Закаты и рассветы
Не прячутся в туман.

В тропических лошинах
Льёт камышовый свет
Лучисто золотистый
И розовый рассвет.

Танцующий фламинго,
Я расскажу тебе,
О падающем снеге
В морозном декабре.

О холоде, ангине,
О страшных-страшных снах.
Как тихо билось время
В беспомощных часах.

В давно забытом детстве
Меня уж точно нет.
Но греет моё сердце
Ваш розовый портрет.

В краю далёком...

В краю далёком, где собаки динго
Любуются на огненный закат,
У маленького озера фламинго
Лелеют своих беленьких фламят.

Качнулся синий контур самолёта,
Сверкнул, как страшно! в бусинках – глазах.
И долго-долго первого полёта
Призывно ждали мамы в небесах.

Растаяли таинственные звуки,
Осталось только облачко в горах.
Фламята постигают две науки:
Как побороть сомнения и страх.

Тайна

Как рождается тайна? Случайно.
Ветер не уследил – потерял.
Но оплёл паутинкою тайну
Паучок, чтоб никто не поднял.

Заросли к ней дорожки травойю.
Не трава, а колючий бурьян!
Небо снежное крошевом кроет,
И клубится недобро туман.

И, конечно, волшебница злая
Стережёт, чтоб навек схоронить.
Ты не знаешь о Тайне, родная?
Тайна то, что нельзя говорить.

Загадка

Он шмыгнул из подворотни.
Почесал стальные когти
О железный водосток,
И космический прыжок
Совершил через ограду.
Сколько напроказил за день!
Подразнил шенка соседа,
Долго-долго, до обеда,
Сторожил неслышно
Домик серой мыши.
А потом вперед-назад,
Поскакал в тенистый сад.
Посчитал гнездовья птиц,
Жёлтых напугал синиш...
И валялись поутру
Птичьи перья по двору.
Знаем мы его с пелёнок –
Это маленький котёнок!

Лето

Вихрастые, глазастые
Ромашки у дорог.
Старушки языкастые
Дежурят у ворот.

Играет в прятки, в салочки,
В войнушку детвора –
Лариски, Мишки, Галочки
Из нашего двора.

В горошек синий платяца
Ласкает ветерок.
Как мячик, детство катится,
Под стрекотню сорок.

Где живёт эхо?

В двух шагах от неправды,
В миллиметре от смеха,
За высокой оградой
Живёт странное эхо.

В голубом небосклоне
Может вдруг появиться
И с хохочущим звоном
Ранним утром присниться.

Красоты небывалой,
В яркой радуге – верьте!
И ко мне забегало.
Кто не верит – проверьте.

София ФАЙЗИЕВА

Родилась в 1940 г. в Тульской области РФ. Окончила Казанский госуниверситет. Автор более десяти поэтических сборников и книг для детей. Член Союза писателей Узбекистана. Живет в Ташкенте.

Ветер... шлепает по лужам...

Горный ветерок

Ветерок, как мальчик резвый,
Шлепает по лужам, босоног,
Страх нет, взлетит над бездной,
Кто еще осмелиться так мог.

Не боится речки длинной,
Труд его, конечно, не простой.
Выбросит с волной и глину,
И песок на берег золотой.

Как гончар, легко закрутит
Колесо и слепит нам кувшин.
Знают все его в округе,
Прилетает с ледяных вершин.

Синицы

На ветке ивы золотистой
Мастерят гнездо синицы.
Оно так близко над водой,
Чтоб не достал птенцов чужой.

Какие умные синицы,
Им не нужны крючки и спицы.
Есть клюв и лапки у «ткачих»,
Сережки ивы – ткань для них.

Пух тополя как шерсть согдится,
Мох ценится всегда у птицы,
Жилье построено вдвоем,
Тепло, уютно будет в нем.

И скоро в домике на ветке
Услышим песни птичьих деток.
Нам ждать придется, а пока...
Нам лучше их не отвлекать.

караван истории

ТРИ СЕСТРЫ ЖДАНКО

(Историографический триптих)

Часть I

**Alter ego академика Сергея Толстова
(К 105-годовщине со дня рождения Татьяны Жданко)**

В начале 2003 года автор этой статьи, ассоциированный член Французского института по изучению Центральной Азии вместе с этнографом Тахирой Ташбаевой и женой историком Валентиной Германовой, будучи в Москве, работали по международному гранту «Межэтнические взаимоотношения в долине реки Зарафшан». Тогда же возникла необходимость проконсультироваться по ряду вопросов данной проблемы с этнографом Татьяной Александровной Жданко.

Т.А. Жданко долгие годы являлась правой рукой замечательного археолога и этнографа С.П. Толстова, руководителя Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, и бессменным заведующим Отдела этнографии народов Средней Азии и Казахстана Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Отойдя от дел, жила в Москве, охотно встречалась с коллегами и, по сути, оставаясь универсальным консультантом для них, сама продолжала заниматься научными изысканиями. Ее имя было известно далеко за пределами России.

О Татьяне Александровне Жданко я был слышан от своего научного руководителя председателя Президиума Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана академика С.К. Камалова. Дело в том, что вначале его научным руководителем был член-корреспондент Академии наук СССР, академик Академии наук Узбекистана Сергей Павлович Толстов, который в силу своей занятости, перепоручил руководство Т.А. Жданко. Ей он всецело доверял и даже называл ее alter ego, что в переводе с латыни означает «другой я».

Уже в XXI веке газета «Вести Каракалпакстана» опубликовала статью, «Мы с Вами знакомы давно...», подписанную «Ваш бывший наставник и давний коллега – Т.А. Жданко». В предисловии к статье указывалось: недавно в Нукус на имя известного ученого академика Сабыра Камалова пришло письмо из России от Т.А. Жданко, ученого, хорошо известного в нашей республике, учениками которой считают себя историки, этнографы и археологи. В своем письме Т.А. Жданко, тепло поздравляя С.К. Камалова с 80-летним юбилеем, вспоминает, с чего начиналось их знакомство и сотрудничество, дает высокую оценку его научной деятельности¹.

По воспоминаниям Действительного члена Академии наук Узбекистана С.К. Камалова, Т.А. Жданко «принадлежала к плеяде талантливых ученых, учеников школы главы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР С.П. Толстова, она стояла на первом месте».

**Валерий
ГЕРМАНОВ**

Родился 1950 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентский госуниверситет. Кандидат исторических наук. Член Союза журналистов. Автор многочисленных публикаций по истории и историографии государств Центральной Азии и России. Удостоен Большой медали INALCO.

¹ Вести Каракалпакстана №30 (16978). 16 апреля 2005 г.

Еще в аспирантские годы Татьяна Александровна включилась в работу Хорезмской археолого-этнографической экспедиции института, с 1945 по 1959 г. она руководила Каракалпакским этнографическим отрядом, несколько лет была заместителем С.П. Толстова – неизменного начальника экспедиции.

Родилась Татьяна Александровна Жданко 1 августа 1909 г. в г. Елисаветграде (ныне Кировоград, Украина) в дворянской семье. После смерти отца семья продолжала жить в Киеве, позже переехала в Москву по приглашению маминго брата, профессора Военной Академии. Там Татьяна Александровна поступила в Первый Московский государственный университет на этнографическое отделение историко-этнологического факультета, где в то время сосредоточились ученики и последователи Д.Н.Анучина, основателя кафедры антропологии в университете, талантливые ученые В.В.Бунак, Я.Я.Рогинский, Б.А.Куфтин. Выпускниками кафедры были такие ученые, как М.Г.Левин, С.А.Токарев, С.П.Толстов, Н.Н. Чебоксаров.

На этнографическом отделении факультета в то время было две кафедры. Кафедра П. Ф. Преображенского занималась общей этнологией, а кафедра А. Н. Максимова — отдельными народами и странами. У факультета был невероятно широкий профиль. В основном он готовил специалистов по наукам, входившим в известную «триаду» Анучина - историков, археологов, этнографов; но, кроме этого, факультет готовил литературоведов и искусствоведов. Состав преподавателей был очень сильный. Этнологию вели П. Ф. Преображенский и А.Н.Максимов, искусствоведение Б.П.Денике, историю первобытного общества преподавал В.К.Никольский, археологическую практику Т.А.Жданко проходила у О.Н.Бадера.

Научные интересы Татьяны Александровны определились в конце 30-х гг. XX века. Все выпускники-этнографы 1930 г. среднеазиатского цикла историко-этнологического факультета Московского Государственного университета (их вместе с Татьяной было восемь человек) поехали в Узбекистан. Там состоялось распределение на работу по музеям. Татьяна попала в Самарканд, где находился в то время Центральный государственный музей Узбекистана. Музей располагался на площади Регистан, в медресе Улугбека, здании, построенном в XV в. знаменитым ученым внуком Амира Темура. Т.А.Жданко участвовала в создании исторических отделов музея, отвечала за их этнографическую ориентацию. Здесь она проработала пять лет, сюда же приехала ее мама, она стала работать библиотекарем в университете. Судьбоносным событием для Татьяны Александровны стало изначальное знакомство с Хорезмом. В 1932 г. она с тремя сотрудниками Музея впервые поехала в Хорезм и Бухару для сбора материалов по Хивинскому и Бухарскому ханствам. Они были еще плохо представлены в экспозиции. На пароходе по Амударье они добрались до Хорезмской области, а потом на арбе поехали через всю Хиву, собирая в городах и селениях оазиса интересующий их материал.

Шепот раскаленных красных и черных песков, полуденные южные миражи

Татьяна Александровна тогда еще не предполагала, что в 1937 г. свои первые исследовательские работы в пустыне Кызылкум начнет Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая. Небольшую группу археологов возглавит молодой ученый, позже член-корреспондент Академии наук Союза Сергей Павлович Толстов. Прибывшие на верблюдах в пустыню ученые увидят среди необозримого моря барханов развалины старинных замков, крепостей, укрепленных усадеб. Как потом станет известно, жизнь в этих местах замерла примерно 1200 лет назад.

Сухой климат пустыни хорошо сохранил сотни древнейших памятников материальной культуры. Отдельные районы Каракалпакии, Узбекистана и Туркмении представляют своеобразные заповедники, музеи древности.

Год от году масштаб археологических работ в пустыне разрастался. Только Хорезмская экспедиция охватила исследованиями тысячи квадратных километров. Ученые открыли в пустыне и нанесли на карту более пятисот исторических памятников, главным образом, городов. Около двадцати из них были подвергнуты всестороннему изучению. Сведения о древнем Хорезме, его хозяйстве, культуре, торговых и политических связях, религии, участии в войнах стали достоянием мировой исторической науки.

Под напором фактов и выводов рассеивался созданный некоторыми исследователями туман о том, что у народов Средней Азии не было самостоятельной культуры, что они заимствовали ее из других стран. Следуя лучшим традициям этнографической науки, экспедиция С.П.Толстова, закончив раскопки Тупраккалы – древнейшей, относящейся к III веку столицы Хорезма – открыла в замке богатую настенную живопись древних хорезмийцев – предков нынешних узбеков и каракалпаков – обнаружила

письменные древнехорезмийские документы на дереве и коже¹.

С 1936 г., после возвращения из Самарканда в Москву и до самой войны, Т.А.Жданко становится сотрудником Музея народов СССР. При участии Т.А. Жданко была разработана совершенно новая экспозиция по Средней Азии. Вместе с Т.А. Жданко работали С.П.Русайкина, Е.И.Махова, О.А.Корбе и другие. Т.А.Жданко была поручена экспозиция по Каракалпакии, работа была завершена, открытие было намечено на воскресенье 22 июня 1941 г., но грянула война. Музей пришлось срочно сворачивать и эвакуировать в Сибирь.

Муж Жданко имел медицинское образование, поэтому в первый день войны был мобилизован на фронт. Вскоре Татьяна Александровна с двумя крошечными детьми оказалась в эвакуации в Сибири. Позже, получив письмо из Самарканда, куда был эвакуирован из Москвы Художественный институт, в котором работал муж сестры Т.А.Жданко, профессор живописи, она решила, что в трудное время следует быть всем вместе.

Приехав в Самарканд, она вернулась работать в музей. Ей поручили создать выставку по Отечественной войне с историческим введением. Она воспользовалась тем, что рядом оказались прекрасные художники из Художественного института. Портреты Александра Невского и Дмитрия Донского для ее выставки исполнил прославленный живописец В.А. Фаворский. Превосходные полотна, на которых мужественные, вдохновенные, прекрасные лица.

Выставку открыли, в музее Татьяна Александровна работала до конца 1942 г., пока не приняла окончательного решения заниматься Каракалпакией. Будучи в Узбекистане, она предприняла поездку в Ташкент в Государственный исторический архив Узбекистана, собирала там материалы по Хивинскому ханству. Неожиданно в Ташкент является С.П.Толстов. Вместе с другими профессорами Московского университета с первых дней войны он пошел в ополчение. С.П.Толстов отлично ориентировался на местности: разбираться в топографии – долг каждого археолога и этнографа. В результате через две недели Толстова назначили командиром отделения разведки батареи 76-миллиметровых пушек, через месяц – командиром взвода разведки. Его направили в артиллерийский полк, где он возглавил полковую разведку. С.П.Толстов участвовал в боях под Ельней и Можайском. В битве под Москвой был тяжело ранен. С санитарным эшеленом его эвакуировали в Среднюю Азию.

Выписавшись из госпиталя, Толстов приехал в Ташкент, написал в доме, приютившего его в эвакуации узбекского историка Яхьи Гулямова, докторскую диссертацию по древнему Хорезму. Т.А.Жданко присутствовала на его защите. Это был 1942 г. Защита проходила в какой-то столовой, подвальном помещении. Погас свет, Ученый совет задал при свечах, защита прошла блестяще. По материалам докторской диссертации С.П.Толстов позднее опубликовал ряд книг, естественно, пополненных новыми материалами, концепциями, гипотезами, идеями.

В Ташкенте Сергей Павлович организовал Сессию по этногенезу народов Средней Азии. Сам Сергей Павлович делал два доклада; представили серьезные и очень интересные доклады А. Ю. Якубовский, И. И. Умняков, К. В. Тревер, А. Н. Бернштам, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, Н. А. Кисляков и многие другие крупнейшие исследователи Средней Азии. Именно в Ташкенте в конце 1942 г. Сергею Павловичу было вручено распоряжение Президиума АН СССР об организации института в Москве, а точнее Московской группы Института этнографии, преобразованной вскоре в Институт этнографии.

Вскоре Т.А. Жданко переехала из Самарканда в Москву. С. П. Толстов помог ей устроиться лаборантом на кафедре этнографии в Московский университет, чтобы она могла получить продовольственную карточку и готовиться к экзаменам в аспирантуру. Через какое-то время Жданко выдержала экзамены, и с апреля 1944 г. начинается ее научная работа в институте. В 1945 г, уже аспиранткой, она поехала в Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию, где был у нее свой Каракалпакский этнографический отряд и выезжала в экспедиции ежегодно. К тому времени экспедиция стала комплексной, в ее составе работали несколько этнографических отрядов по отдельным народам. Так, туркменским отрядом командовала Г. П. Васильева. Узбекских отрядов было целых три: два возглавлялись этнографами К.В.Задыхиной и М.В.Сазоновой, а третий, занимавшийся изучением религии, Г.П.Снесаревым.

С ней работали тогда еще студентки Н.П.Лобачева, Н.Н.Гроздова, Л.Ф.Моногорова. Был и мужчина, первый аспирант-каракалпак, впоследствии доктор исторических наук Р. Косбергенов.

О послевоенной истории Хорезмской экспедиции писал в своей статье известный каракалпакский художник Эркин Жолдасов, опираясь на устные воспоминания: «Мне рассказывал отчим (Емберген Даулетбаев), который дружил с профессором Д. Насыровым, мужем дочери С.П. Толстова»². В конце войны английские археологи обратились к

¹ В.Бочин. Путешествия по Каракалпакии. Рассказы о науке., Нукус: Изд. «Каракалпакия», 1964.

² Э.Жолдасов. Задумал я роман... Журнал «Звезда Востока», Ташкент, 2013, №2 с 15-49.

С.П.Толстову или через него в правительство с просьбой разрешить раскопки на территории Хорезма, где еще до войны копал Толстов. Английским археологам было отказано. За разрешение они предложили финансировать экспедицию и намекнули, что в вашей стране, мол, нет денег на роскошь и излишества вроде археологических экспедиций. Действительно, тогда в стране был голод и разруха послевоенных лет. Но правительство выделило деньги на экспедицию, в которой были даже самолеты, впервые в мире тогда были применены аэрофотосъемки для археологических изысканий. Фотосъемки обнаружили крупную ирригационную сеть и множество полуразрушенных крепостей. С этой экспедицией в начале 50-х годов и приехал И.В. Савицкий и сын Толстова, тоже художник.

Экзотические белые френчи и тропические пробковые шлемы, запечатленные на множестве архивных фотографий, как отмечает в своей замечательной статье И.А. Аржанцева, создавали незабываемый «имперский» имидж экспедиции. Их раздобыл заместитель начальника экспедиции М. А. Орлов на складе британского ленд-лиза после войны. Как рассказывали его сотрудники, вечерами у костра он читал им стихи, в том числе Николая Гумилева, Редьярда Киплинга, ему был близок пафос первопроходца, первооткрывателя. Может быть, отсюда и эта скрытая тяга к «имперской» атрибутике. Что было действительно бесценно и удивительно, по воспоминаниям участников экспедиций послевоенных лет, это был небывалый подъем и энтузиазм. Все работало на износ и с полной самоотдачей, и чувствовали себя счастливыми и свободными¹.

В дальнейшем Татьяна Александровна объездит всю Каракалпакию вдоль и поперек. На собранном полевом материале с привлечением архивных и исторических источников написаны обе ее диссертации: и кандидатская, и докторская. И не только ее, но и многих других, работавших в отряде, в том числе, каракалпакских этнографов. В одной из своих статей Жданко опубликовала краткий обзор проблем и изучавшихся в научных трудах сотрудников своего отряда².

Т.А.Жданко изучала каракалпакское население разносторонне, планомерно и обдуманно. Менялись темы, маршруты, но у нее всегда был очень большой отряд, так как с ней работали и местные студенты, и местные этнографы, и аспиранты. Группа Жданко изучала родоплеменной состав и историю расселения разных групп каракалпак, их хозяйство и материальную культуру, семейный быт, составляла детальную этническую карту.

Конечно же, нельзя делать вывод, считала она, что история древнего Хорезма тождественна истории каракалпак. В первом томе «Очерков истории Каракалпакии» (1964) написанных большим авторским коллективом, этот вопрос освещается детально. Древнехорезмийская цивилизация создавалась в издревле орошаемом водами Амударьи крупном Хорезмском оазисе и связана с оседлым населением, знавшим высокоразвитую ирригацию, земледельческую культуру, имевшим города, государственность. А ранними и средневековыми предками каракалпак принято считать племена кочевников и полуседлого населения степной периферии хорезмских государств – обитателей степей Приаралья; это были скотоводы, занимавшиеся отчасти земледелием и владевшие примитивной техникой орошения. Но нельзя забывать, что одна из главных особенностей истории Средней Азии и Казахстана – это исторически сложившееся взаимодействие населения оазисов и степи, взаимовлияние кочевников-скотоводов и земледельцев.

Эти связи – экономические, культурные, а нередко и этнические – проявляются и во всей истории нынешней Каракалпакии, отражаются на этнографическом облике

Т.Жданко на экспедиции в Кара-кумах. 1954 г.

¹ Аржанцева И.А. Имперская археология и археологические империи: Советская Хорезмская археологическая экспедиция. Из истории института: к 80-летию института этнологии и антропологии РАН//Этнографическое обозрение. №4. 2013, с 65-87. с 79

² Жданко Т.А. Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды)//Культура и искусство древнего Хорезма. Москва: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 24–27.

ее народов, издавна живущих на территории, где в прошлом располагались центры цивилизации древнего Хорезма, памятники которой сохранились в песках пустыни Кызылкум. Археологические материалы подтверждают причастность приаральских степных племен, предков каракалпак, к формированию хорезмской культуры. В ряде своих работ Т.Жданко пыталась доказать, что в регионе Средней Азии очень велика историческая роль полукочевников. Здесь обитали полукочевники и полуседлое население двух исторически сложившихся типов: один – это осевшие кочевники, а другой – это те группы полуседлых племен, которые так и не стали кочевниками. Они с древнейших времен, еще с эпохи бронзы, традиционно вели комплексное хозяйство, скотоводческо-земледельческое, а в некоторых районах таких, как дельты Амударьи и Сырдарьи, еще и рыболовческое. Этот хозяйственно-культурный тип был выделен С.П.Толстовым еще по археологическим материалам, а наши этнографические исследования убедительно доказывают, что характерными его представителями являются каракалпаки, как и многие их предки – племена древности и средневековья.

Татьяна Александровна глубоко переживала экологическое бедствие, постигшее Каракалпакстан – гибель прекрасного Арала – воспринимала его как трагедию любимого края. За многие годы экспедиционных работ, тесных связей с жителями республики и со своими подопечными-учениками она сроднилась с Каракалпакией. Каракалпакии были посвящены ее главные научные труды, написанные в лучшие годы. Там живет много ее друзей, близкие ей семьи.

Жемчужина Узбекистана. Татьяна Жданко – крестная мать феномена музея И.В. Савицкого

В 1950 году к работе в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Каракалпакстане по рекомендации этнографа Т.А.Жданко был привлечен И.В. Савицкий, который с удовольствием принял это предложение. Предыстория этого приглашения такова.

С 1934 года Савицкий учился сначала на графическом отделении Полиграфического института, затем в художественном училище им. 1905 года. С 1938 по 1944 годы он – студент Института повышения квалификации художников в мастерской профессора живописи Льва Юрьевича Крамаренко, с которым совершает поездки на этюды в Крым и на Кавказ. Общность интересов и взглядов сблизила Игоря Савицкого с семьей Крамаренко. Впоследствии жена Л.Крамаренко Ирина Жданко внесет большой вклад в дело формирования Нукусской коллекции русского авангарда: она не только рекомендовала Савицкому художников, чьи работы стоило приобрести, но и помогла их закупать. Сама Ирина Жданко передала в дар музею ряд ценнейших экспонатов.

С 1941 по 1946 годы Игорь Савицкий – студент института им. Сурикова. Войны избежал чудом, по болезни. В 1942 году эвакуировался с институтом в Самарканд. Несмотря на голод, болезни, трудности военного времени, это был период, определивший его дальнейшую судьбу. В Самарканде И. Савицкий сблизается со знаменитым Р. Фальком, берет уроки у Н. Ульянова. Само по себе его «открытие» Средней Азии дало ему чрезвычайно много для понимания задач искусства. Лев Юрьевич Крамаренко, профессор живописи, высоко ценил своего талантливого студента, давал ему высокие рекомендации, обратил внимание Татьяны Александровны на Игоря Савицкого и предрек ему особое предначертание. С 1950 года по 1957 год Игорь Савицкий становится постоянным художником Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. В дальнейшем он, оставаясь художником, превращается в искусствоведа.

В будущем он стал создателем в городе Нукусе Музея Русского авангарда. Этот Музей ныне известен во всем мире. Документальный фильм «Жемчужина Узбекистана» рассказывает об истории возникновения Государственного музея искусств имени Игоря Савицкого в Нукусе, его знаменитой коллекции работ народных мастеров, художников Узбекистана и России. За короткий срок Нукусский музей превратился в богатейшее собрание, насчитывающее 90 тысяч единиц хранения. Подобный факт не имеет аналогов в практике мирового музейного собирательства. По оценкам специалистов и мировой прессы, галерея Государственного музея имени Игоря Савицкого является лучшим художественным собранием Азиатского региона, обладает второй в мире по значимости и объему после Русского музея в Санкт-Петербурге коллекцией произведений русского авангарда.

Каждый музей имеет свою категорию, всего их пять. В 1991 году Нукусский музей получил первую категорию. Тем самым он был поставлен в один ряд с Третьяковской галереей, Русским музеем и Эрмитажем. И.Савицкий формирует уникальную коллекцию из работ художников, которые в те годы были мало признаны, работ художников, так или иначе, связанных со Средней Азией. Это картины А.Исупова, Л.Крамаренко, Н.Ульянова, Р.Фалька, М.Волошина, а также художников, стоящих у истоков формирования среднеазиатской художественной школы: полотна Р.Мазеля, А.Волкова, М.Курзина, Н.Карахана, У.Тансыкбаева, В.Уфимцева.

Игорь Савицкий стоит также у истоков собирания и сохранения народно-прикладного искусства каракалпаков. Собирая коллекцию, он следует методике и урокам Т.А.Жданко, которая не только плодотворно собирала предметы народно-прикладного искусства Каракалпакстана, но и щедро делилась опытом¹. Если Сергей Павлович Толстов – крестный отец Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, то Татьяна Александровна Жданко – по праву ее крестная мать. Значительна и не до конца осознана ее роль в формировании знаменитого Музея И.В.Савицкого.

С 1953 г. Т.А.Жданко возглавляет сектор Средней Азии и Казахстана. Результатом работы многочисленных и многонациональных экспедиционных отрядов и итогом разно-сторонней деятельности Татьяны Александровны в отделе было продолжение издания трудов, посвященных проблемам истории и этнографии каракалпаков. Идеи, заложенные в такие фундаментальные исследования, как «Очерки исторической этнографии каракалпаков» (Москва-Ленинград, 1950), «Каракалпаки Хорезмского оазиса» (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1952), получили свое дальнейшее развитие в изданиях «Народное орнаментальное искусство каракалпаков» (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. III. М., 1958), «Каракалпаки» (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. Москва, 1962). В 1964 г. она защитила докторскую диссертацию. Совместно с коллективом авторов из Каракалпакии ею была подготовлена книга «Очерки истории Каракалпакской АССР» (Т. I. Ташкент, 1964). Продолжая исследования по проблемам номадизма, Т.А.Жданко в 1970-1980-е годы написала несколько важных в научном отношении статей об особенностях развития народов, у которых отмечалось наличие родоплеменной структуры.

Т.А.Жданко – автор многочисленных статей и монографий по этнографии каракалпаков, один из авторов и редакторов труда «История Каракалпакской АССР с древнейших времен до наших дней» (Ташкент, 1986). Изучение этнических процессов в среднеазиатско-казахстанском регионе с древности и до наших дней, организация исследований, разработка программ для сбора материалов в рамках большого всеохватывающего проекта по созданию «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» – круг ее научных интересов. За участие в коллективном труде «Современные этнические процессы в СССР» (два издания – в 1975 и 1977 гг.) она наряду с другими авторами была удостоена в 1981 г. Государственной премии. В 1981-1984 гг. она участвовала в создании двадцатитомного труда «Страны и народы», была одним из авторов и членом редколлегии обобщающей монографии «Семейный быт народов СССР» (Москва, 1990).

Пожалуй, самым значительным вкладом в науку стала разработка ею проблемы полуседлого населения среднеазиатско-казахстанского региона. Начало изучения этой проблемы было положено С.П.Толстовым, выявившим и описавшим в конце 1940-х – начале 1950-х годов хозяйственно-культурные типы населения этого региона. Т.А.Жданко на основе своего полевого материала дала детальную характеристику хозяйства и культуры полуседлых групп туркмен и каракалпаков.

Татьяна Александровна отличалась не только блестящим талантом ученого-исследователя, но и огромными научно-организаторскими способностями, редким педагогическим даром, сочетающимися с беспредельным чувством ответственности. Она руководила отделом Средней Азии и Казахстана 34 года и еще более 10 лет плодотворно трудилась в институте, продолжая деятельно участвовать в жизни родного коллектива и оставаясь для сотрудников непререкаемым авторитетом. Многие годы она была членом редколлегии журнала «Советская этнография», председателем специализированного совета по защите кандидатских диссертаций.

Т.А.Жданко была награждена правительственными наградами, а в 1960 г. ей было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Каракалпакской АССР.

Огромная заслуга Т.А. Жданко состоит в том, что она вырастила и дала путевку в научную жизнь большой плеяде исследователей из среднеазиатских республик, Казахстана и Северного Кавказа. Среди ее учеников, почитателей и коллег, работавших под ее началом в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, были И.В.Пташникова, Г.П.Снесарев, Р.Л.Садоков, В.Н.Басилов, писатель и поэт В.Д.Берестов и исследователь, расшифровавший письменность народа майя, Ю.В.Кнорозов, будущий академик Узбекской АН С.К.Камалов (Нукус), д.и.н. Х.Шалекенов (Алматы), д.и.н. К.Ш.Шаниязов (Ташкент), д.и.н. Ш.Аннаклычев (Ашхабад) и многие другие. Долгие годы Т.А. Жданко продолжала следить за научными успехами своих воспитанников, помогала им в работе, давала консультации. Буквально за несколько дней до своей кончины Т.А.Жданко, ослабевшая, но по-прежнему переживавшая о судьбе своих аспирантов и о столь любимом ею каракалпакском народе, продиктовала открытое прощальное письмо, в котором трога-

¹ В 1952-1958 гг. в Москве в издательстве АН СССР под ред. С.П.Толстова и Т.А.Жданко выходят 3 т. Трудов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

тельно и возвышенно выразила свои глубокие чувства. Это замечательное письмо, добрые слова Татьяны Александровны безусловно не могут не найти отклик в душах ее учеников и всех, кто ее знал.

Профессор Т.Жданко на совещании. 1974 г.

Из прощального письма Татьяны Жданко

12 апреля 2007 года

Каракалпакские друзья и знакомые ученики!

Уходя от Вас, знаю, что только дотронулась до главной задачи своей жизни. Каракалпакия - и страна, и ее народ - большая часть моей жизни и научной работы. Как мало сделано, как много осталось в истории каракалпакского народа нерешенных тайн, составляющих загадку для этнографов. Создателями древнехорезмийской цивилизации были не только древние жители оазисов, но столь же древние кочевые и полукочевые племена приаральских степей. Богатые сведения об этом – археологические раскопки. Слишком мало занимались этнографы анализом археологии. А ведь эти находки – сплошная историческая этнография. Надо осуществить план будущих комплексных исследований.

Для меня самые счастливые годы моей жизни – совместная работа с каракалпакской молодежью, желание, чтобы они стали основателями каракалпакской этнографической науки. Работая с ними многие годы, я радовалась появлению этой науки в республике. Всеми силами хотела способствовать этому от первых дней знакомства с аспирантами института и до последнего вздоха. Хочу глубоко поблагодарить руководство республики, помогавшее в проведении полевых исследований, и бывших моих учеников, ставших видными учеными, главных моих помощников, участников этнографических экспедиций, с которыми мы вели вместе многолетние работы во всех уголках Каракалпакии. Первыми из них были Сабыр Камалов, ныне академик, доктора и кандидаты исторических наук Рзамбет Косбергенов, Хожамет Есбергенов, Уахит Шалекенов, Айбике Бекмуратова и другие.

Руководить аспирантами мне было интересно: они работали с увлечением, прекрасно вели полевые исследования, много читали, занимались в архивах. В первую очередь я обязана им своим познанием этой страны и ее народа. В Каракалпакии у меня много коллег, друзей, семьи моих бывших учеников.

Я желаю развития моей любимой науки в моей любимой республике, а каракалпакской молодежи – продолжать и развивать изучение истории и культуры своего замечательного народа. Я желаю счастья этому народу.

Ваша Татьяна Жданко.

проза

Марина БЕГЛОВА

Родилась в Ташкенте. Окончила инженерно-строительный факультет Ташкентского политехнического института. Лауреат Международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль»-2010. Публиковалась в литературном альманахе «Феличита», журналах «Склянка часу», «Звезда Востока».

МНОГОТОЧИЕ ОТСЧЕТА(Роман)¹**Глава 7**

Один из двух амбарных замков никак не поддавался, испытывая Ладино терпение, и эти две-три минуты задержки показали ей вечностью. Наконец, ключ повернулся, ржавые засовы заскрежетали, тяжелая дубовая дверь в мокрых потеках и наростах плесени скрипнула, крякнула от натуги и подалась вперед, приглашая троицу войти.

– Милости просим в нашу родовую вотчину! – торжественно провозгласила Лара. – Ну, с Богом!

От волнения Лада, сказав себе: «Внимание! Готовность номер один», слегка придержала дыхание (и правильно сделала), потому что ударившая ей в нос затхлость была до того густой, что от неожиданности ею вполне можно было захлебнуться.

Брезгливо передернувшись, Гарри нащупал на стене выключатель и зажег вполне современного вида люстру, что слегка разочаровало Ладу, все еще не расставшуюся с иллюзией о старинном замке.

Немилосердный свет люстры осветил высокий сводчатый потолок и заиграл на голых стенах, выкрашенных белой с маслянистым блеском краской, отчего фактурой и цветом они стали точь-в-точь как соблазнительный жирный устой в крынке с настоящим деревенским молоком. Пол, на вид сырой и скользкий, был выложен грубой брусчаткой и застелен у входа полосатым лоскутным ковриком, выполненным в стиле нарочитой крестьянской простоты, на котором бросалась в глаза крупная красная метка. Шаги и голоса звучали тут как в пещере. Рядом с узким зарешеченным окном несколько ведущих вниз каменных ступенек заканчивались невысокой дверью с висячим замком. Напротив входной двери в верхние покои вела двухпролетная мраморная лестница с вычурным бронзовым шандалом на перепутье. Огромный, подвешенный на оловянном кронштейне лестничный фонарь, декором был стилизован под бумажный китайский фонарик и донельзя украшен китайцами, китаянками, китайчатами, драконами, фаэтонами, паланкинами и прочими китайскими прибабасами.

– Лада! Идите к нам, а то вы там задохнетесь! К тому же, здесь гораздо интереснее! Внизу и смотреть-то не на что, – позвала Лара с галереи, протянувшейся вдоль всего верхнего этажа, присев на корточки и глядя сверху вниз сквозь деревянные балясины.

Лада послушалась и чинно, держась за перила и все еще по привычке дыша вполсилы, поднималась наверх.

Наверху оказалась анфилада комнат. Лара и Гарри ушли далеко вперед, оставив ее одну задумчиво и благоговейно осматривать интерьер, но прежде, как гостеприимная, но ненавязчивая хозяйка, приняв чрезвычайно занятой вид, Лара сказала: «Понадоблюсь – позовите». Сначала какое-то время Лада слышала их затихающие шаги, потом все стихло. Медленно, ис-

¹ Продолжение. Начало см. "Звезда Востока" №2, 2014 г.

полненная уважения к прежним хозяевам дома, Лада переходила из одной комнаты в другую и степенно, совсем как в музее, прохаживалась вдоль стен, невольно приобщаясь к чужой жизни. Стояла гробовая тишина, лишь где-то вдалеке переговаривались Гарри с Ларой, и Лада, чей разум прямо-таки маниакально упорствовал в убеждении, что этот дом должен хранить в себе жуткую тайну или, на худой конец, какую-нибудь аномалию, каждый раз непроизвольно вздрагивала от пугающего гулкого эха их голосов.

В опочивальне межоконное пространство занимал широкий альков с ложем, его высокое деревянное изголовье украшала сложная резьба, у изножья притулилась кушетка с фигурно изогнутым валиком, обитая потертой на стыках черной кожей. Шляпки обойных гвоздиков составляли извилистую линию, которая в точности повторяла все сложные изгибы и закругления.

Другая комната внушительных размеров походила на школьный класс; за портьерой на возвышении притаилось печально одинокое кресло с высокой ушастью спинкой, а напротив него в боевом порядке строго по прямой линии выстроилась дюжина стульев.

Любопытство и азарт гнали Ладу дальше (быть любопытной – вовсе не богопротивно дело, в этой особенности, если хотите, и заключается вся суть женского естества – так повелось еще со времен Евы, – и нечего этого стесняться); в легком расстройстве чувств она лишь легонько погладила ладошкой старый, с расплывчатым рисунком, но не утративший своей притягательности, шелк, машинально стряхнула со стены паучка и провела указательным пальцем вдоль пыльной каннелюры.

В широком коридоре с длинным, во всю стену, рядом окон и стеклянной крышей – нечто вроде зимнего сада, из которого вынесли все до единого горшки с комнатными растениями – ей прежде всего бросился в глаза массивный стол-консоль с мраморной столешницей и тусклым зеркалом, по краям которого висели нарядные жироантоли.

Здесь Лада, наконец, догнала Лару, которая, поднатужившись, открыла одно из окон. Тотчас же мягкая волна свежего воздуха влилась в помещение; безжалостные стрелы солнца, будоража тишь и покой дома, пронзили застоявшийся воздух, и в этой полоске живого света, как в пучке диапроектора, закружились в захватском танце мириады всполошившихся сапрофитов. Бедная Лара от неожиданности даже расчихалась. Чихала она, кстати сказать, тоже, как Ладина знакомая пекинесочка Кнопочка, не от всей души, а манерно и с придыханием.

Всласть начихавшись, Лара утерла слезы, оставляя на обеих, зардевшись от духоты щечках грязные серые бороздки, высунулась наружу и оттуда и сказала:

– Ну, что я говорю! Убедились, что в доме ничего интересного нет, одна пыль и паутина. Посмотрите лучше сюда.

Действительно, отсюда открывался удивительный вид на уютно расположившийся среди полей и лугов городок. А этот Адамсфилд-то оказывается совсем миниатюрный! Но Ладу прелести загородного пейзажа больше не интересовали. Кроме сутолоки улиц и пересекающей город наискосок автомагистрали, по которой катили в обе стороны машины, востроглазая Лада углядела несколько железнодорожных веток и небольшой, заросший тиной пруд.

Лада достала из нагрудного кармашка найденный накануне в ящике комода двухпенсовик и, как следует размахнувшись, забросила его в пруд. Монетка не булькнула, а лишь слегка кольнула зеленую яскую пруда и тихо опустилась на дно. Полюбовавшись этим завораживающим зрелищем, Лада для верности бросила вслед еще одну.

Толкнув тихонько дверь, Лада увидела Лару, которая стояла у окна и разглядывала сильно увеличенный фотопортрет добропорядочного и добродушного на вид старичка. Тут же с постной рожой торчал и Гарри.

– Я вам не помешаю? – прежде, чем войти, вежливо осведомилась Лада и выразительно поиграла бровями в сторону Гарри.

– Во все нет, – рассеянно отозвалась Лара. – Проходите, Лада, не стесняйтесь. Знакомьтесь: мой дед. Это его юбилейный портрет. Здесь ему ровно сто лет. До самой смерти – а прожил он, шутка сказать, немногим более ста двух лет – он оставался бодреньким, энергичным и очень деятельным, только чуть глуховатым на одно ухо. И подобно всякому тугоухому он громко кричал и продолжал держаться этой застарелой привычки вплоть до самой кончины, так что бабушке приходилось его все время урезонивать. А еще у него была удивительная, можно сказать «фирменная», черта прочитывать газету буквально вдоль и поперек, от первого абзаца до последнего, включая столбцы, в которых самым мелким петитом печатаются объявления. А бабушка по этому поводу любила пошутить, что он боится пропустить сообщение о собственной смерти. Она у нас, знаете ли, была шутница.

«Совсем как мои старички, – подумала Лада. – Дед тоже бодренький, энергичный и очень деятельный. А бабуля вообще красавица, недаром дед в ней души не чает. Хотя им до ста лет еще жить и жить». Ей вспомнилось, как накануне ее отъезда из Ташкента у нее с дедом состоялся крупный разговор по поводу безобразного поведения Вероники, кото-

рой, если что взбредет в смысленую семилетнюю головку, то «вынь и положь», причем, немедленно, а иначе хоть караул кричи, и как она сурово пеняла ему, что это они с бабулей потакают всем капризам своей ненаглядной правнучки, чем вконец ее избаловали, и как он нежданно не стал спорить и оправдываться, а согласился: да, избаловали, ну и что, и в не свойственной ему претенциозной манере назвал себя «рабом всех желаний этой крохи». Вот такой у нее мировой дед!

Лара размеренным тоном продолжала рассказывать о своих родичах. Речь ее лилась гладко, без нечаянных инверсий и оговорок. У нее была интересная особенность – не выделять ключевое слово интонацией, а проговаривать по слогам, таким образом делая на нем капельку больше акцента.

– А бабушка, хоть и была на тридцать лет его моложе, и приняла его кончину с величайшим спокойствием духа, совсем ненадолго его пережила – всего на неделю. Лада, посмотрите туда. Вон там, видите, над камином, в кожаной рамке поздравительная телеграмма от королевы. Наши английские старички и старушки, дожив до глубокой старости, прежде чем почить вечным сном, непременно стремятся дотянуть до своего главного юбилея, чтобы получить поздравление от самой королевы.

Осмотрев и исследовав все наверху, что было возможно, Лада настояла на том, чтобы Лара и Гарри проводили ее на первый этаж.

– Ну, как знаете. Быть по вашему, – с усталой снисходительностью в голосе сказала Лара, обернувшись к Ладе, и, держа Гарри под руку, бочком спустилась по лестнице.

Потом уже своим обычным тоном добавила:

– Завидую вашему упорству. Умеете вы уговорить.

Так-то. Сим победиши!

Слева от холла за дубовой дверью, закрывающейся на шеколку, помешалась кухня, добрую половину которой занимал исполинских размеров овальный стол. Его непокрытая скатертью столешница покоилась на львиных лапах; на ее крашеной белой краской поверхности от самой двери в глаза бросались рыжие подпалины от утюга в форме остроносой лодочки и жирные пятна, оставленные доньшками кастрюль, полукруглые, как рожок мясца. По углам кухни симметрично были расставлены вполне современная электроплита, большой серебристый с космическим блеском холодильник, шкафчик для посуды. Четвертый угол занимала бело-голубая майоликовая печь, а рядом уместилась мойка. Напротив двери – старомодный очаг с покрытым копотью кирпичным дымоходом, из которого несло кисшим молоком. На навесных полках за ситцевыми занавесками рядком стояли пустые склянки, стопка сервировочных подносов, огромный фаянсовый чайник на тагане, оловянный кувшин, другая кухонная утварь.

Все. Экскурсия закончена. Пора закругляться. Испытывая легкую неловкость, Лада ждала, что будет дальше.

Запирая на засовы дверь, Лара поведала, что они с Гарри намереваются позаниматься спортом, и пригласила с собой Ладу. В багажнике автомобиля она показала ей две зачехленные теннисные ракетки, после чего выбросила недокурную сигарету и впорхнула на переднее сидение.

Автомобиль с проселочной дороги свернул на трассу, по обеим полосам которой безостановочно двигались автомобили. Лара, в несколько фривольной позе, растянувшись на пассажирском сидении рядом с Гарри и подставив лицо ветру, задумчиво разглядывала мелькавшие за окном автомобили. Один автомобиль заинтересовал ее больше других. Обернувшись назад, она проводила его долгим взглядом, а потом что-то негромко сказала Гарри. После чего, как воспитанная девочка, она сочла нужным объяснить Ладе:

– Я ему сказала, что вы, русские, странный народ. «Мерседес» у вас мужского рода. Как так? Мерседес – это же женское имя! Или я не права? Вот у нас все ясно. Автомобиль он и есть автомобиль. Какой у него вообще может быть род?

Они поговорили еще немного о странностях русской орфографии.

– Лара, я не перестаю удивляться вашему знанию русского языка. Вы говорите вообще без ошибок и малейшего акцента. Откуда?

– О! Спасибо. Я польщена. На то были свои причины, – небрежно бросила та через плечо, но вдаваться в подробности не стала.

А Лада и не настаивала. Не хочет говорить – не надо.

Лада сидела сзади, откинувшись на мягкую подушку и закинув ногу на ногу. Солнце пригревало ей щеку, мягкий ход машины убаюкивал.

Лара уютно посапывала под боком у Гарри.

Въехали в город.

– Вас к отелю?

– Если можно, к вокзалу. Пора отсюда выбираться. Лара, стыдно признаться, но я как глупая ротозейка застряла в этом городе не по своей воле. Помогите, умоляю!

И Лада, изобразив на лице отчаяние, как могла, красочно описала Ларе сложившуюся из-за ее беспечности ситуацию, щедро пересыпая свою речь душеспасительными меж-

дометиями, разве что не вздевая руки к небесам. Ее совершенно невероятный рассказ, похоже, потряс Лару. Впрочем, чему удивляться. Лада говорила так убедительно, с таким неподдельным ужасом в голосе, что только мертвый не проникся бы к ней сочувствием.

И тут случилось чудо, по крайней мере, так подумала Лада, потому что взяв ее пластиковые карточку, Лара сказала: «Нет проблем», прошла к кассе и купила билет до этого злополучного Пейнтон, уложившись ровно в одну минуту. И, что особенно важно, на прямой поезд (с пересадками Лада не справилась бы). Лара с Гарри уехали на корты, а Лада, испросив разрешения откланяться, отправилась восвояси, но прежде вежливо дождалась, пока похожая на гигантского майского жука машина, мягко шурша шинами, унеслась вперед и скрылась за поворотом.

Теперь, имея в сумке железнодорожный билет до Пейнтон и тихо, без шума скатившийся с души камень, она сожалела, что уезжает из этого чудного Адамсфилда.

Глава 8

Ликуя и попутно размышляя о превратностях земного бытия и коллизиях человеческого разума (в самом деле, какие загадочные и непонятные создания эти люди; вот, например, кто скажет – почему они всю жизнь стремятся достичь другого берега, а едва достигнув, тотчас плывут обратно?), Лада без цели слонялась по неразберихе улочек и сквериков Адамсфилда, поглощенная созерцанием их чересчур показных красот и озабоченная тем, как бы не потерять ориентацию в пространстве.

В номере чувствовалось, что без Лады здесь побывала горничная: ей сменили полотенца, на расхлебанной постели поправили покрывало, задернули шторы на окне, на камине в миленькой фарфоровой вазочке – Лада пришла в умиление! – появился совсем по-домашнему непритязательный букетик аптечной ромашки. Лада схватила попавший ей на глаза атлас и вышла на балкон проветриться (девчонки из ее родимого журнала «Альфа и Омега» обычно это называли «почистить карму»).

Вернулись Лара с Гарри и позвали Ладу к себе в номер – попить чаю с конфетами и поболтать.

Снимаемые этими англичанами апартаменты оказались гораздо больше Ладиног скромного стандартного номера на одну персону. Легковесные открытого типа стенные шкафы, в которых была видна стопочками сложенная одежда, разгораживали комнату на отсеки: прихожая, спальня, гостиная. Основное пространство здесь занимали широкая двуспальная кровать под голубым в ирисах покрывалом и два глубоких велюровых кресла – также голубых, с расплывчатым рисунком; заливающий комнату свет от люминесцентной лампы тоже имел голубоватый оттенок; от входной двери как по сквозному коридору можно было выйти прямо на балкон, через стеклянную дверь которого просматривалась улица и сутолока на тротуаре.

В одном из кресел с банкой пива в руке, сигаретой в зубах, распростерши журавлиные ноги в растоптанных клетчатых тапочках, полусидел-полулежал Гарри. Косясь на Ладу, он быстренько допил свое пиво, с видом любезного амфитриона шлепнулся на кровать и уставился в телевизор. Лара деловито разливала чай, а Лада, присев на самый краешек кресла, чисто из вежливости, поскольку он ее никоим образом не интересовал, и как бы невзначай, дабы Лара – Боже сохрани! – не заподозрила, что она имеет на него виды, спросила о Гарри: на каком поприще он, мол, подвизается?

– О! Гарри! – бросив короткий влюбленный взгляд в его сторону, с пафосом отозвалась Лара. – Гарри у нас из когорты «белых воротничков». Знаете, из тех, что в своем Сити день-деньской крутят-вертят ручку денежной шарманки.

Заговоршески улынувшись и подмигнув Гарри, который у телевизора прикидывался удрученным одиноким холостяком, Лара спросила:

– Лада, а вы хотите узнать, почему я так сразу согласилась познакомиться с вами?

Ладу этот вопрос отчасти озадачил, кроме того, ей показалось, или действительно так, он был задан неспроста. А и впрямь – почему?

– Знаете, если мой отец или мама узнают про вас, они у меня всю кровь выпьют, они просто со свету меня сживут и на веки вечные заклеят позором! Мы ведем жизнь очень и очень замкнутую, есть некоторые формальности, пренебрегать которыми у нас считается преступлением. Так вот, из-за вас я пренебрегла этими формальностями! И знаете почему?

Ладу такая постановка вопроса вогнала в краску – разве уж она была так бесцеремонна?

– Ну и за что мне была оказана такая честь? – холодно проговорила она, потому что повисшее в воздухе молчание стало угнетающим.

Лада, конечно, подозревала, что не за ее красивые глазки, ну а все-таки, действительно, за что?

– У меня ведь бабушка была родом из Ленинграда. Звали ее Лариса Стрельцова.

Если бы Лара сейчас поведала Ладе, что ее друг Гарри – не кто иной, как его королевское высочество наследный принц, то Лада не была бы так ошарашена. Подумаешь, эго диво! Но такого поворота событий даже ее богатое журналистское воображение не могло предусмотреть: у этой англичанки бабушка звалась Ларисой Стрельцовой!

– Лара, послушайте, – сказала она. – То, что вы сейчас сказали, невероятно. Фамилия моей бабушки тоже Стрельцова и она тоже родилась в Ленинграде, правда, тогда он, как и сейчас, именовался Санкт-Петербургом. У бабушки были сестра – Ариадна Стрельцова и брат – Александр Стрельцов, а вот Лариса Стрельцова... – Лада попыталась сосредоточиться и вспомнить, упоминала ли ее бабуля когда-нибудь это имя. – Нет, о такой я никогда не слышала. А когда она уехала из Ленинграда?

– Очень и очень давно, еще до войны.

– А вы сами не из Ленинграда?

– Нет, я из Ташкента.

– А это далеко от Ленинграда? Я не сильна в географии.

– Да, очень далеко, – Лада задумалась и из какого-то неизъяснимого сострадания – как ребенок, испытывающий неловкость за своих безответственных горе-родителей, которые то сходятся, то расходятся, – промолчала, что с некоторых пор «это» не только далеко от Ленинграда, но и вообще по другую сторону государственной границы. Мне интересно послушать о вашей бабушке. Расскажите все по порядку, – попросила Лада.

И Лара рассказала.

– Бабушка в молодости, – рассказывала она, – через всю вашу страну проехала от Ленинграда до Владивостока, а оттуда морем до Чукотки. Бабушка любила говорить о себе, что она побывала на самом краю Ойкумены. Потом через пролив она переехала на американский берег, а оттуда через Канаду и все Соединенные Штаты подалась в Голливуд, где без всякой протекции сразу была зачислена в штат актрис. И это притом, что она тогда не имела ничего за душой и многое не могла себе позволить. Знаете, такая худенькая блондинка с голубыми глазами в простеньком платьице – оптимальная комбинация для имиджа «инженю». В Голливуде ее знали как Лару Миллер.

– Так вы Лара в честь бабушки? – услышала Лада свой голос.

Она не заметила, когда с чашкой недопитого чая забралась в кресло с ногами, забыв о данном себе клятвенном обещании в гостях сидеть чинно и благородно, дабы не снискать себе худую славу, а еще, по возможности, следить за ногами – хотя она и была в джинсах, – потому что как зачарованная слушала Лару, не прерывая ее, не беря на себя инициативу и даже забывая применять на деле эти свои журналистские «приемчики», вроде наводящих вопросов или вежливо-побудительного «Ну, и?..».

– Да, хотя все думают иначе, – сказала Лара, провела язычком по пересохшим губам и продолжила повествование. – Когда я родилась, телевидение в очередной раз повторяло фильм «Доктор Живаго» с Джули Кристи. Он снят по вашему Пастернаку. Вы читали?

Лада читала.

– И многих девочек в честь героини тогда называли Ларами. Но меня-то называли в честь бабушки. А актрисой в Голливуде она была совсем недолго: снялась в нескольких фильмах, пока не поняла, что дело это нестойкое. Вскоре она познакомилась с дедом и уехала с ним сюда, в этот его фамильный дом. Бабушка любила рассказывать, как дед сначала просто «глазел на нее, как мальчишка», потом стал потихонечку ухаживать. Когда все законные средства были исчерпаны, он начал ее добиваться по-настоящему, по-мужски, или «взял измором», как она сама мне говорила. Еще она думала, что не случись им встретиться, кто знает, что бы с ней сделалось? Она рассказывала о тогдашнем Голливуде, что это – «чистый вертеп», сплошные ночные оргии с кокаином, развратом и пьянкой, зависть, сплетни, наветы, постоянные издевки режиссеров. А деда моего звали Седрик Сеймур...

Лара многозначительно помолчала, ожидая, какое впечатление это имя произведет на Ладу, но поскольку та никак не среагировала, она продолжила дальше:

– Здесь, в этом доме, у них родилась девочка – моя мама Сесил Сеймур...

Поскольку и теперь Лада не среагировала, Лара добавила:

– Сесил Сеймур – имя, будто специально для светской хроники. Вы не находите?

Лада нашла это сочетание имени и фамилии действительно весьма благозвучным. Ей вообще всегда нравилось, когда имя и фамилия начинаются с одной буквы. Она даже припомнила, что, вроде, в стародавние времена какие-то Сеймуры не то водились с королями, не то совсем наоборот – воевали с ними, не то приходились родственниками какой-то коронованной особе. Несомненно одно, эта фамилия где-то в английской хронике Ладе попадалась – это точно, причем, в одном контексте с монархами.

Изложив в общих чертах свою родословную, Лара вдруг пригорюнилась, насупилась, пустила слезу, во всяком случае, под глазами у нее сделалось влажно, подбородок ее дернулся вверх, а губы она сжала так плотно, что под ними нарисовались две не очень пикантные ямочки. Низко опустив голову и помешивая ложечкой в чашке, она снова за-

говорила, но уже с надрывом в голосе:

– Бабушка столько всего в своей жизни хлебнула. Еще она всегда много читала и только на русском языке. Она и меня с детства приучила к русской литературе. Полагаю, именно этому обстоятельству я и обязана тем, чем я стала.

Лара вздохнула, вновь, в который раз, облизала язычком пересохшие губы, отхлебнула пару раз из чашки, глянула тайком на Гарри – не требуется ли ему ее внимание – но, найдя его в полном порядке, предложила:

– Еще чашечку?

Лада отказалась. Хватит с нее на сегодня чая.

– У моей бабушки, – продолжала рассказывать Лара, – была удивительная манера – побросав все дела, переложив все засушенные проблемы на плечи деда, брать какую-нибудь книгу, будто на нее что-то находило, и запирается в комнате на весь день. А летом уходила с книгой в парк – у нее в парке была своя любимая беседка, – и дед в таких случаях, махнув рукой, говорил: «Пусть!». Так получилось, что я почти все детство прожила с бабушкой и дедом в их доме. А уехав с родителями в Лондон, все равно каждое лето проводила здесь. Так что все это происходило на моих глазах. Дед бабушку обожал, и она, несмотря на то, что была значительно его моложе, тоже любила его, иначе она не приехала бы сюда. Сами видели, какое это Богом забытое место. Это сейчас дом стоит в запустении, а тогда, дабы вконец не одичать, бабушка поставила его на широкую ногу, в свое время у нас было и красиво, и весело, у нас подолгу гостили родственники, даже из Америки, случалось, приезжали. Но бабушка всегда со всеми держала себя холодно и надменно. Уж такая она была!

Фамильные воспоминания вконец истомили ее так, что Гарри – добрейшее создание – соблаговолит-таки подняться с кровати, обнять свою подружку и, сев рядышком, зашептать ей на ушко что-то нежное и приятное, отчего Лара, сомлев, еще крепче прижалась к нему и доверчиво припала лбом к его плечу. У любимого под крылышком она быстро утешилась, скинула с шеи его руку и принялась нервно перебирать его пальцы. Потом она по-бабьи горестно вздохнула и отложила ладонь в сторону, будто она ей мешала. Рука у Гарри была громадная – не рука, а прямо ручища, с волосатыми фалангами и выпуклыми костяшками пальцев, на которых проступали красные экземные бляшки; кулак из такой получается крепким и увесистым.

Чай, наконец, был допит, кончились конфеты, разноцветные фруктовые тянучки, после которых у Лады на языке еще долго ошущалась ароматная кислинка.

Начало смеркаться, когда, не выказывая особенного нетерпения и все-таки пошатываясь от усталости, Лада кое-как добралась до кровати и, полюбовавшись еще разок, как пламенеет небо и блестящие после небольшого вечернего дождика крыши города горят в косых лучах заката, бухнулась плашмя. Она чувствовала себя разбитой и опустошенной, но довольной, будто школьница, сдавшая на физкультуре кросс на «пятерку». Лара напоследок все-таки настояла проводить ее завтра до поезда. Ей было велено в восемь утра дисциплинированно ждать у подъезда.

Глава 9

На другое утро, в последний раз выйдя на балкон, Лада бросила равнодушный взгляд вдаль, заметив только, что небо, как ему и положено, всюду наливается синевой, утреннему тусклое солнце плоским блином висит на своем привычном месте, и никакого дождя, слава Богу, нет. Предшествующая отъезду суматоха, вопреки ее ожиданию, закончилась благополучно: совсем как бывалая путешественница – надо же, как скоро она вошла в новую для себя роль! – Лада быстро, постаравшись ничего не забыть и по мере сил не оставлять после себя беспорядка, собрала сумку, проветрила комнату, закрыла балконную дверь на шеколду и, совершив необходимые в таком деле формальности, распрощалась с отелем, чтобы в полном дорожном снаряжении и самым исправным образом явиться на вокзал точно к сроку. В завершение всего на перроне она расцеловалась с Ларой, по-дружески обменялась парой слов на английском с Гарри, которому тоже зачем-то вздумалось проводить ее до самого вагона, и вот уже, заняв позицию возле окна и воодушевленно помахав на прощание ручкой, на всех парах мирно катит в пассажирском поезде к Ла-Маншу.

Сначала дорога вилась меж томительно унылого однообразия бесконечных лугов, пастбищ и зеленых угодий, вкривь и вкось искромсанных на участки и разгороженных полосками живой изгороди.

Лада принялась строить планы, все, как один, грандиозные: как она, никуда не торопясь, распакует чемодан, потом пойдет в ресторан, спокойно, без спешки позавтракает, потом, очевидно, на пляж, потом еще куда-нибудь... О! Она найдет, чем заняться! В ее блокнотике уже был заготовлен на сегодня целый список дел (такая уж у нее была манья: составлять списки, а потом по пунктам вычеркивать, вычеркивать, вычеркивать), поэто-

му ее прямо распирало изнутри: сколько всего она должна сегодня сделать!

Вблизи обнаружилось, что скалы выглядят не ахти как, к тому же они все сплошь покрыты известковыми наростами, изумрудными пятнами мха или грязными, цвета вываренного борща налетами лишайника. В очередной раз поезд нырнул в отверзнутую черноту тоннеля, а когда вынырнул, ей будто ярким светом залило глаза. «Неужели?» – изумилась своей догадке Лада. Так и есть – вот он Ла-Манш во всей своей красе: бескрайнее и глянцево-водное пространство; оттого, что день был исключительно тихий и ясный, на морской глади не было ни ряби, ни «барашков», ни солнечных бликов, лишь на горизонте один-единешенек, по чистой случайности точь-в-точь как в ее грезах, реял силуэт белоснежного лайнера, а если постараться сфокусировать взгляд, то можно было даже разглядеть, как сверкают синеватыми огнями его иллюминаторы.

На привокзальной площади Лада не без труда нашла стоянку такси, выстояла небольшую очередь и, объяснив водителю свое волеизъявление (его она приготовила и заучила наизусть загодя), а также сунув ему бумажку с адресом отеля, которую написала предусмотрительная Лара, с сумкой на коленях плюхнулась на заднее сиденье.

И опять ей пришлось долго ехать, только теперь в комфортабельном салоне авто, сначала вдоль вереницы многоэтажек с нарядными витринами магазинов и ресторанов, затем деловую часть города с шумными проспектами и многолюдными бульварами сменили жилые кварталы.

Отель «Заоблачная высь» представлял собой чрезвычайно замысловатую ультрасовременную конструкцию, беспорядочно собранную из множества разрозненных секций разнообразной конфигурации, и одному Богу известно как соединенных между собой. Верхний ярус, давший ему столь звучное название, возвышался над утопающим в зелени скалистым мысом, следующие несколько отсеков словно слились со скалой и составляли с ней неделимый монолит, а еще несколько забавно держались на массивных железобетонных террасах, закрепленных в скалистом выступе над теми самыми Голубыми водопадами, чьим именем называлась местность вокруг; нижние отсеки примостились на сваях, торчащих прямо из воды. Согнутая наподобие подковы, окаймляющая все это хозяйство широкая беломраморная балюстрада, усыпанная мелкой крупной кажих-то семян, и щедро орошаемый морскими брызгами железобетонный мол были оккупированы крикливыми чайками. Насыпные каменные откосы, укрепляющие береговую линию, круто спускались к воде. Всюду валялись груды бурых водорослей; остро и солоно пахло рыбой; атмосфера была насыщена мельчайшими морскими брызгами. Между булыжниками, трепеша и пригибаясь под легким ветерком, кое-где пробивалась хилая прибрежная растительность с ломкими стебельками, тоненько звенели цикады; шуршала галька там, где волны плескались о берег. На каменистой отмели над прозрачной водой местами возвышались окруженные пенистой каемкой и поросшие тонкими длинными нитями водорослей огромные гладкие валуны. Над ними заметно колыхались нагретые жарким солнцем потоки воздуха.

Главным украшением отеля, его визитной карточкой были два плавно снующих вверх-вниз лифта; их остов был выполнен из холодного, с зеркальным блеском металла, тулово – из толстого матового стекла со стальным отливом, а нутро залито отливавшим синевой светом.

Сунув под нос напыщенному швейцару, обладателю черно-золотистого кителя, великопных иссиня-черных бровей и прочих полагающихся ему по рангу регалий путевку, Лада наконец-то очутилась в ярко освещенном и хорошо кондиционируемом помещении. Как же долго она сюда добиралась! В вестибюле яблоку негде было упасть: разношерстная публика, разодетая кто во что горазд, толпилась у стойки портье и в устроенном в проеме между лифтами баре или праздно шаталась из угла в угол без какой-либо очевидной цели, веселая и по-школярски хамоватая молодежь устроила на лестнице самый настоящий тарарам. Лада сделала для себя вполне резонный вывод: это не отель, а самый настоящий кошмар! Дикость народов мира, как сказал бы ее лучший друг Марик Варшавский. Лада от такого мельтешения в глазах в первый миг даже опешила, будто с разбегу уперлась в стеклянную дверь, поэтому бровастый швейцар, безошибочно угадав в ней недотепу-чужестранку, из рук в руки сдал ее приглядывающему здесь за порядком охраннику, а тот раболепно подставил ей свой локоток и через все лабиринты и закоулки проводил до нужной стойки, после чего, демонстрируя ей свое смиренное достоинство, а заодно и ворсистую лысину, учтиво поклонился и вернулся на свой пост.

Будучи уже изрядно подготовленной и владеющей в совершенстве навыками делового общения, она без труда объяснила, кто она и откуда взялась, однако, навыки навыками, но общение в духе «моя твоя не понимает» начало приедаться. Тошная администраторша, этакая экзальтированная дамочка постбалъзаковского возраста, побалтывала ложечкой в чае и одновременно говорила по телефону, улыбаясь в трубку казенной улыбкой, а вот с Ладой повела себя небрежно, даже бесцеремонно и резко, так что Лада сразу потеряла к ней всякий интерес. Зато приятная неожиданность: ее здесь ждали! Ждал, по всей

видимости, ее собственный чемодан – кому ж еще она, жертва нелепых обстоятельств, здесь сдалась? А впрочем, она была уверена, что никуда ее драгоценный багаж не денется. Оказалось, что все эти дни, пока она отсутствовала, чемодан оставался на попечении управляющего.

Зарегистрировавшись и получив ключ от номера, а заодно путеводитель по отелю и его окрестностям (на нескольких языках, включая русский) она в полупрозрачном лифте добралась до своих апартаментов и закрыла за собой дверь, после чего ей вдруг захотелось ничего больше не делать и никуда не ходить, а тупо залечь на диване, включить какой-нибудь «Служебный роман» или «Осенний марафон» (само собой, на русском языке!) и смотреть, смотреть, смотреть... Оказывается она дико устала. Но, сочтя это нерациональным, она принялась за дело.

Ей достался двухместный номер на предпоследнем этаже того самого, в соитии со скалой, яруса, причем, – о небо! – с чарующим видом из окна, где присутствовало всего понемногу: краешек синего небосвода со стоящим в зените солнцем, выглядывающий из-за выступа утеса кусочек моря, часть дороги, которая в этом месте делала петлю, после чего круто шла под горку, а непосредственно под окном сквозь гушу зелени пробивались остроконечные скалы. Выглянув из окна, Лада содрогнулась и тотчас отступила, ощутив в области сердца молниеносный провал. Ну и жуть!

Интерьер номера был оформлен в черно-белых тонах: белоснежные стены, на полу черное ковровое покрытие со сложным геометрическим рисунком, два глубоких кресла с обивкой из матовой черной кожи и множество пуфиков; стены украшали картины; окно занавешивала затканная червеобразным узором гардина из тонковолокнистой, рыхлой фактуры, шерсти. Номер выглядел необитаемым – обе кровати были идеально застелены одинаковыми с абстрактным рисунком покрывалами, сверху набросана гора подушек разных размеров и конфигураций; два угловых шкафа с раздвижными дверцами и зеркалами во весь рост также были пусты. В ванной комнате сильно пахло мылом, а когда Лада открыла кран, ледяная вода ударила ей по рукам неожиданно прямой и тугой струей.

Выбрав кровать поуютней, Лада вздумчиво и не без вождления принялась распаковывать свой чемодан. Она не спеша распахивала по ящикам и полочкам банку кофе, большую фаянсовую кружку со своим портретом и дарственной надписью (подарок от девочек ее родимого журнала «Альфа и Омега» на Новый год), словарь на двадцать пять тысяч слов, атлас, два купальника, фотоаппарат, злополучный зонт, дорожную сумку, компактно свернутую в ожидании будущих покупок, пляжное полотенце и прочее, прочее...

Затем перед ней крупным планом встал жизненно важный вопрос: что надеть? Самым приемлемым ей показалось сменить свою вусмерть надоевшую блеклую дорожную расцветку на наиболее светлые и жизнеутверждающие тона. Поэтому для своего первого выхода в люди она выбрала образ романтически настроенной барышни – узкая белая юбка со складчатой баской, белый, в талию, очень лаконичный жакет, легкие босоножки и полный боекомплект аксессуаров.

Застегивая на юбке «молнию», Лада с удивлением обнаружила, что за эти дни заметно похудела, – надо же, как набегалась!

Вовсю налюбовавшись собой, Лада, наконец, отправилась любоваться окрестностями. Первым делом она, как и надумала, решила заглянуть в ресторан; время было чуть за полдень, и у нее сохранились неплохие шансы позавтракать. Пропуском в ресторан служил отрывной талончик из выданного администрацией блокнотика; он давал Ладе право на трехразовое питание в любом из пяти – по одному на каждом уровне – ресторанов «Заоблачной выси». Все они были со шведским столом и работали круглосуточно, меню меняли в зависимости от времени суток, а ассортимент обещал удовлетворить привередливый вкус любого гурмана.

Что поразительно, ресторанный зал был почти пуст – все уже давно ушли на пляж, и поэтому, видимо, в целях экономии плохо освещен; несколько припозднившихся птишек насыщались у барной стойки чуть ли не стоя. Лада отправилась на открытую террасу и выбрала там столик поближе к балюстраде и рядом с водичкой, которая тихо журчала и плескалась почти у самых ее ног. Вдыхая дурманящий аромат вечнозеленого розмарина, изо всех сил вцепившегося в скользкую скалу возле тонкой и быстрой родниковой струйки, вытекающей из расщелины, Лада, усевшись, со счастливым самозабвенным выражением лица раскрыла было прихваченный с собой путеводитель, но, дойдя до второй фразы, которая обещала ей незабываемый отдых и трехнедельную безмятежную жизнь в сытости и довольстве, а Голубые Водопады, жемчужину этого сказочного края, преподносила так, как преподносят сладкий сюрприз в изяшной бонбоньерке, она, быстренько покончив с мороженым и сунув апельсин в сумку, спустилась на пляж.

Пляж как пляж – синяя вода, желтый песок, осиянное ласковым солнцем голубое небо и пропасть народу.

Переодевшись в купальник, Лада вприпрыжку, так как нагретый песок жег ей пятки, с

неожиданным для такой копуши проворством кинулась к воде. Чувствуя великую ответственность момента и обмирая сердцем, она сначала с опаской намочила ноги. Первая долгожданная близость с Ла-Маншем оказалась несказанно ласковой и в высшей степени приятной: водичка была чудесная – теплая и чистая, как будто на заказ. Она вошла в воду по пояс, немного помедлила, ожидая, когда первая волна прохлады разоидется по ее разгоряченному телу, и шепотом произнесла верное заклинание против всякого водного гнуса: «Шушера-мушера, кыш!», поплыла, по-женски разгребая впереди себя воду ладошками. Хотя Лада и умела хорошо плавать, занятие это не любила; ее всегда пугало и отталкивало присутствие в открытой воде всякой нечисти вроде медуз, крабов, пиявок и скользких, приставучих водорослей. Здесь, было похоже, никакой морской живности не водилось, во всяком случае пока ее бдительное око не углядело в воде ничего такого. Лада неожиданно для себя заплывла довольно далеко и, испугавшись такой смелости, поспешила к берегу. А какое блаженство было лежать в шезлонге на солнышке, вслушиваться в убаюкивающий пляжный гомон и сквозь полуприкрытые веки любоваться горизонтом. Впрочем, горизонт закрывали собой сотни яхт, катамаранов, скутеров и прочих, легких в дрейф, морских транспортных средств. Их было столько, что глаз не хватало!

Все складывалось просто замечательно. Она собиралась пробыть на пляже столько, сколько хватит терпения, но теперь у нее откуда-то возникла идея, что неплохо будет сходить пообедать; голод подкрался так внезапно, что Лада решила, не заходя в номер, напрямик отправиться в ресторан – она их все пересчитала и выстроила в очередь, решив отдать должное каждой кухне поочередно, – а послеобеденное время потратить на обследование отеля и его окрестностей, конечно же, под эгидой путеводителя.

Вернув шезлонг на место и чувствуя в ногах и руках приятную мышечную усталость, Лада уже решительной походкой направилась в сторону отеля, как вдруг ей помешалось, будто ее кто-то окликнул по имени. Не сбавляя хода и не оборачиваясь, она подумала: «Что за чертовщина?», вечно ей что-то чудится. Вот к чему приводит хронический недосып. Наверное, это все ее выдумки, плод ее воображения и не более того. Нет, ну правда, кто может ее здесь знать?

– Лада! – вновь отчетливо произнес чей-то чужой мужской голос прямо из-за ее спины.

Глава 10

Семен Абрикосов видел, как Лада, отойдя от группы пассажиров того незадачливого пейнтоновского рейса, села в неизвестный автобус и укатила в противоположном от побережья направлении. В Лондоне она едва ли проронила пару слов и вообще вела себя как-то чересчур отчужденно. В то ослепительное утро он наблюдал за ней, исподтишка любясь тем, как солнечные блики задорно играют в пятнашки на ее милом личике, как пульсирует на виске бледно-голубая жилка и как, запрокинув голову, она, сама простота и непосредственность, немного с опаской стреляет по сторонам лучистыми зелеными глазами, а в ее пшеничного оттенка волосах, залитых солнцем, сверкают золотые искорки. Но мало ли какие дела могут найтись в Англии у известной журналистки? В самом деле, не догонять же ее со своими идиотскими расспросами! Ее, журналистку своего любимого журнала «Альфа и Омега», он узнал еще в ташкентском аэропорту – читал ее публикации, видел ее фотографии в журнале: округлый подбородок, красивый изгиб губ, умные, исполненные достоинства глаза, безжалостно прячущие трогательное выражение лукавства за личиной напускной меланхоличности. Чтобы больше не сомневаться – она это или не она, он даже бесцеремонно заглянул в ее таможенную декларацию; так и есть, это она – Лада Коломенцева! Живьем она была во сто крат краше, чем на официальном журнальном фото: изумительная грация и походка уверенной в своей правоте женщины, длинные блестящие волосы, нежное личико, открытое всему новому и непознанному, а в любопытных глазах читался шенячий восторг, совсем как у его пса Ермака, когда они после зимней спячки впервые выбираются на природу.

Недоразумения начались, когда в Пейнтоне обнаружился ее беспризорный багаж, что вызвало небольшой переполох у тамошней администрации. Пришлось Семену взять все на себя и выдумать, что он лично знаком с Ладой Коломенцевой и что она сама вот-вот явится. Для себя же он решил, что пока панику поднимать рано; он отсчитает неделю, и если за этот срок она не обнаружит себя, то тогда он займет властям.

Пока прошло лишь четыре дня, и он по мере сил наслаждался бездельем, что на его долю выпадало не часто, солнцем, а этого добра и в Ташкенте было навалом, водой и неопикуемой кухней; даже архитектурный выпендрей отеля он воспринял как должное – он на своем веку и не такое повидал.

Семен Абрикосов был тридцатилетним биологом, точнее – ботаником, а еще точнее – палеоботаником, руководителем одной из лабораторий при Институте ботаники. Кандидат наук, еще недавно самый молодой член Всесоюзного палеонтологического общества, а по-

сле его отпуска просто желанный гость научных конференций и конгрессов, со своими лекциями и докладами побывавший на трех из шести континентов, он, благодаря блестящему знанию английского языка, а не только своей специальности, уже бывал в Англии. Но целых три недели безделья – такого в его насыщенной жизни давно не бывало. Утро он начинал с неперемного звонка Ермаку, потом шел завтракать, потом – на пляж, а после обеда предавался обычным курортным развлечениям. Такая беззаботная и бесполовая жизнь римского патриция тяготила его и выматывала, но он решил насытиться ею вдосталь, так, чтобы хватило на добрый десяток лет.

Он всегда был первым: и по алфавиту, и по росту, и девочки в школе всегда находили его первым красавчиком, но вряд ли он отдавал себе в этом отчет, если – такой уж у него был невозмутимый характер – отнюдь не считал, что могучее телосложение и смазливая мордашка должны выделять его среди сверстников. Учился он как все, то есть хорошо, а иногда посредственно; как все в начальной школе занялся спортом и как все забросил его в старших классах; как все урокам и книгам предпочитал гонять во дворе мяч или, врубив классный музон, валяться с наушниками на диване.

Как все, он был ни тихоня, ни выскочка, а так – протоплазма, и как все он не задумывался о смысле и содержании своей жизни; он просто жил. Но одна особенность все же отличала Семена Абрикосова от всех его сверстников: еще в школе его серьезно увлекла биология, и он твердо решил биологию сделать своей специальностью.

Все ему давалось легко, но и это обстоятельство он воспринимал как должное – он просто жил. Однако, ни могучее телосложение, ни смазливая мордашка, ни пылкий ум – ничто, если нет амбиций, а на пути к цели неожиданно возникают препятствия. Сунувшись в общем порядке в ТашМИ, он, естественно, заремел под фанфары, засыпавшись на первом же экзамене, а ни матушка, ни старшая, а потому более умудренная опытом, сестрица Наталья даже не подумали как-то обуздать его фантазии и умерить прыть, во всем ему потакая. Своего же отца Семен просто-напросто не знал. По всей видимости, он где-то существовал – не то в Тюмени, не то в Перми, не то где-то еще, но мало интересовался Семеном и Натальей, а те, в свою очередь, мало интересовались им.

Семен смутно представлял себе будущее, а пока его целеустремленность томилась на маленьком огне, его забрали в армию. В военкомате на обычный, заданный для проформы вопрос, в каких войсках он бы хотел служить, он ответил тривиальной шуткой новобранцев: в народном ополчении. Когда затея с мединститутом с треском провалилась и даже когда сбрасывали его хипповую челочку, он и это рассматривал как забавную хохму, если бы не одно обстоятельство: шла война, и к тому времени уже каждому дураку было ясно, что страна увязла в ней по уши и, видимо, никогда не выберется.

Его послали в Афганистан, но и эту, оказанную ему честь, он принял хладнокровно и с достоинством – такой уж он был человек.

Сначала была застава в окрестностях Термеза: полгода строевой подготовки и муштры под палящим солнцем пустыни, следом – учебка на полигоне, стремительное форсирование Амударьи и бомбежка откуда не ждали. В общем, жизнь была ключом!

Когда шум боя внезапно стих, укутанная тишиной пустыня разразилась новой напастью: его и еще нескольких безоружных и необстрелянных ребят как грязных скотов схватили, связали и нацепили на шею колодки – по паре душ на каждую, - и еще тепленькими, не дав опомниться, сбросили в зиндан.

Он всегда был первым: и по алфавиту, и по росту, и девочки в школе находили его первым красавчиком, и даже на войне приоритеты были соблюдены. Когда неприятельской стороне понадобилось выкупить из плена какого-то своего матерого «духа» и было решено заплатить за него шестью советскими солдатами, а чтобы операция прошла успешней, придумали каждый день отрезать по одному солдатскому уху, то и здесь Семен оказался первым и не успел очухаться, как остался корноухим.

До сих пор у Семена екает сердце, и к горлу подкатывает отвратительная тошнота, стоит ему невзначай пощупать свои жуткие рубцы, снова и снова перед глазами всплывает картина: багровая живая плоть клочьями свисает с внутренней стороны его бедра, а в нос ударяет приторно-сладковатый дух собственной свежатины. Видно, ему до конца дней своих не избавиться от этого наваждения!

Акция устрашения имела успех, «духа» обменяли, моджахеды вскоре дали деру, театр военных действий переместился к югу, а их, шестерых советских солдат, опять, не дав опомниться, вернули в Термез. В Термезе Семена кое-как заштопали, комиссовали и отправили в Ташкент, ибо по заключению медиков, полученные им в результате ранения телесные повреждения, хоть и не представляли явной угрозы жизни, все же с дальнейшим прохождением службы не были совместимы.

В тот год он много чему научился; вот тогда-то, чтобы скрыть увечье и не пугать своим видом добропорядочных людей, он и отращил шевелюру.

В Термезе, в части, где он валял дурака перед отправкой в Ташкент, местная немецкая овчарка Грета нагуляла от пограничного пса Валдая семерых щенков. Шестерых, когда

они подросли, забрали в собачью школу, а седьмого забраковали; и остался он, некондиционный, шататься по территории, пока не явился с проверкой очередной командир и не приказал уничтожить это безобразие. Как поступали в древней Спарте с ушербными ребятами? Сбрасывали со скалы в пропасть. Командир-сатрап проявил гуманность: он приказал замочить цуцика в сортире. Шесть секунд и никаких хлопот! Именно в это время и именно в этот сортир с непристойной голой бабой на дошатай двери (других в части попросту не имелось) «на дорожку» заглянул отбывающий восвояси Семен; у ворот части уже бибикала машина. Приставленный к Грете солдатик волоком ташил упирающегося шенка, а за ними следом с понуренной головой плелась покорная судьбе Грета; хвост ее дружелюбно повивал, а вот глаза... глаза излучали ужас.

У Семена бешено заколотилось сердце от ошеломляющей очевидности происходящего и от жуткого предчувствия неоправимого; в один миг он все понял, и в этот же самый миг в нем вспыхнуло нечто иное.

Действуя по обстановке, Семен выхватил у солдатика несчастное животное, сунул его себе за пазуху. Затем вскочил на подножку машины и был таков.

Влажное теплое дыхание шенка всю дорогу шекотало ему грудь, сладко и упоительно в унисон стучали их сердца. На другое утро они с Ермаком уже были дома.

Теперь, имея за плечами какой-никакой военной стаж и даже медаль за доблесть, Семен мог поступать куда только его душа пожелает; он поехал в МГУ, куда и был зачислен без лишних вопросов. Как случилось, что предметом своих исследований он выбрал флору, а не фауну, он и сам толком не знал. Возможно, не последнее место тут имело то обстоятельство, что он не мог допустить себя до роли вивисектора, глумящегося над невинными зверушками; но, как бы то ни было, через семь лет его матушка, сгорая от гордости, всем и вся в Ташкенте демонстрировала полученный ею в дар от ученого сыночка автореферат его диссертации на тему: «Типы и состав флоры в верхнем туроне Русской платформы».

И хотя впереди у Семена маячила интересная и перспективная работа в столичном НИИ, где ему светила блестящая карьера, а в дальнейшем можно было подыскать себе тепленькое местечко, чтобы поднакопить денюжку и податься в Америку, Москва не пришлась ему по вкусу; или это он ей оказался не по зубам. Кто теперь разберет; да и какая разница? Не сошлись характерами – идеальный повод для развода.

А еще через некоторое время он получил от матери письмо, написанное на вырванном из его старых прописей листке, как всегда целиком и полностью посвященное Ермаку, но с припиской от сестрицы Натальи: «Приезжай как можно быстрее, маме плохо!» Он едва успел с ней проститься, а похоронив, больше о Москве не вспоминал. Его сестрица Наталья, только что родив ему племянника, наотрез отказалась взять себе Ермака, а о том, чтобы заявиться с псом в московскую обшагу, не могло быть и речи. Так что, прощай, Москва златоглавая; пожил и хватит.

Ермак вырос в громадного пса себе на уме. День-деньской он лежал на пороге огромной опустевшей квартиры, охраняя покой их с Семеном домашнего очага, а вечером, едва заслышав знакомый поворот ключа, хватал что ни попадя в зубы и, вихляя задом, носился из комнаты в комнату – так он обычно выражал свой неопишуемый восторг.

– Ты бы мне лучше тапочки принес, чем таскать по полу мой парадный пиджак. И признавайся, кто спер мои носки?

Семен на Ермака никогда не обижался, лишь ласково журил. На то были свои причины.

Когда Семена приглашали на какую-нибудь конференцию, что случалось пару раз за год, его сестрица Наталья, сжалившись, брала Ермака к себе, но на неделю, не больше; таков был их уговор. Она, окончив иняз с красным дипломом, стала заурядным преподавателем английского языка, но была одержима своей работой в школе; кроме того, брак деструктивно повлиял на ее красоту. Умница и красавица, выйдя замуж за хмурого, сутулого очкарика, она сама приобрела свойственную ее избраннику нелепую внешность и небрежную манеру одеваться, так что Семену было очень нелегко угодить ей подарками: что бы он ей ни привозил, во всем она имела задрипанный вид, но обновики любила, а еще больше шмоток любила всякие заморские штучки.

Летом Семен с Ермаком вдвоем колесили по Узбекистану и окрестностям на их скромной и непритязательной в плане бездорожья тудяге «Ниве»; ревнивый пес считал ее своей бесспорной собственностью, принадлежавшей ему со всем нутром, и никого, кроме Семена, к машине близко не подпускал. Почетным эскортом за ними на стареньком институтском уазике ехали остальные ребята из лаборатории.

Как-то в отрогах Гиссара Семен на не совсем трезвую голову задумал искупаться в одном из бурных горных потоков, но коварная азиатская река не потерпела такого святотатства. И понеслось! Ермак, видя, что Семен с невероятной скоростью норовит от него скрыться, не долго думая бросился вдогонку. Тут уж стало непонятно, кто кого должен спасать. Изловчившись, Семен схватился за собачий хвост и намотал его себе на

улака. Вдвоем, отчаянно барахтаясь, они кое-как выбрались на берег и долго еще лежали, приходя в сознание.

Теперь они были квиты, теперь они оба были друг за друга в ответе.

Выиграв главный приз «Sweet's Mary», Семен скрепя сердце оставил Ермака сестрице Наталье и теперь каждый день звонил в Ташкент – узнавал о его настроении. Пока все было терпимо. Сестрица Наталья должным образом его кормила, поила, выгуливала, обихаживала, а дабы брошенный хозяином песик не заскучал, даже развлекала по мере сил. Последнее было как раз ни к чему и только отвлекало его, ибо у Ермака было в жизни занятие, которому он предавался с таким неистовством и пылом, поучиться коим могла бы любая из современных пенепоп: он денно и ношно ждал Семена.

Сегодня, добросовестно поплавав и позагорав, Семен с чувством выполненного долга намеревался идти обедать, как вдруг увидел Ладу: она шла по пляжу, устремив напряженный взор в никуда и осторожно ступая босыми ногами по раскаленному песку, сквозь похотливые взгляды мужчин, змейкой огибая шезлонги, стараясь никого не задеть бедром и грациозно изворачиваясь на крутых поворотах. Явившись из страны щедрого и жаркого солнца, она вовсе не пряталась от его тлетворного влияния, вопреки здравому смыслу и этим беспочвенным рассуждениям о якобы чарующей прелести белоснежной, нетронутой загаром кожи, а, наоборот, целиком и полностью отдалась его власти. Все добро она держала в парусиновой пляжной сумке через плечо; и даже на пляже, где все насквозь пропахло не совсем приятными человеческими испарениями, источала тонкий аромат духов. Этот аромат окончательно доконал его: Семен понял, что попался со всеми потрохами, причем, всерьез и надолго.

– Лада! – позвал Семен, и его ямочка на подбородке дрогнула, и сладко заняло сердце, алкая любви и нежности.

Лада не оборачивалась. Видимо, не расслышала или подумала, что зовут не ее. В Ташкенте, напустив на себя холодной вежливости, Лада не удостоила его и взглядом да еще и надерзила. Сам напросился; нечего было лезть в область, совершенно его не касающуюся.

Неприступная и нежногласая – ее говор был с придыханием и легким оттенком лени, – она манила его.

Лада ступала по пляжу с совершенно безмятежной физиономией, теша себя приятными размышлениями на тему предстоящего обеда.

– Лада! – он, случившийся как раз сзади нее, смотрел ей в затылок, в то самое место, где ее нежные завитки волос, выбившись из узла, ласкали шею.

Застигнутая врасплох Лада, наконец, оглянулась и посмотрела на него этаким испуганным лисенком, но на этот раз вполне дружелюбно.

Глава 11

Спустившись на землю с небес, где она ласточкой витала в заоблачной дали своих грез, Лада позади себя обнаружила – кого бы вы думали? – Джорджа из джунглей во всей своей вызывающей и дерзкой красе. Пижонистые каштановые локоны его слегка растрепались и стлались по ветру, гулявшему на взморье; на лбу блестели капельки не то пота, не то морских брызг; щеки слегка зарделись, что было заметно даже сквозь загар, а ярко-голубые и круглые как у сиамского котенка, глаза смотрели на нее в упор. За четыре дня, проведенных под солнцем, он умудрился загореть так, что пунцовым телом стал походить на поджаренного туземца, только вместо перьев или пучка травы на причинном месте на нем были какие-то пуританские – чуть ли ни до колен – не то плавки, не то шорты.

– Лада! – теперь он стоял совсем близко от нее и беззастенчиво глазел на крохотный крестик, уютно устроившийся в ее пикантной ложбинке, который Лада не снимая носила с тех самых пор, как перестала считать себя комсомолкой.

Потрясающе! У Лады от смятения даже в первый момент перехватило дыхание. Это уж совсем непостижимо и неслыханно! Не успела она, устав от всех забот своих многочисленных ташкентских знакомых, которым всегда от нее было что-то нужно, расслабиться, как и тут, в Англии, ее достали.

Чертыхаясь от досады и раздражения, она встала как вкопанная и оторопело посмотрела на Семена. Она априори и наперечет знала все, что он захочет ей сейчас поведать; она аж взывала от тоски. Во-первых, он начнет притворно, с неуклюжими ужимками восторгаться солнцем, пляжем, водой, погодой, всем на свете, короче говоря, вещать с умным видом прописные истины, чего Лада терпеть не могла; во-вторых, он захочет узнать, где она пропадала эти четыре дня; в-третьих, он развязно навяжется в спутники и ей придется в грубой форме – так, чтобы раз и навсегда (а иначе потом весь отпуск не оберешься хлопот), – отшить его, дабы пресечь все их дальнейшие сношения.

– Разве мы знакомы? – с плохо скрываемой издевкой в голосе спросила Лада. Она бы ни за что не стала останавливаться и продолжила идти своим путем, однако ее несколько

озадачило то, что он назвал ее по имени.

– Кто же не знает замечательную журналистку Ладу Коломенцеву из «Альфы и Омеги»?

«Замечательная журналистка» – столь велеречивое признание ее талантов возымело свое действие; после этих слов Ладе только и оставалось, что зардеться и непроизвольно расплыться в улыбке. Лада воспрянула духом и, наконец, снизошла до того, чтобы узнать имя своего собеседника.

– Семен Абрикосов, – он представился. – Лада, не подумайте, что я лезу не в свои дела, но где вас носило эти четыре дня, черт возьми? Ваш беспризорный чемодан устроил такой переполох!

– Да неужели? – в притворном изумлении Лада округлила глаза.

– Если вы еще не пообедали и не откажете мне составить компанию, я за обедом вам такое расскажу... – с заговорщицким видом поведал ей Семен.

Ну конечно! Так она и знала! Она как в воду глядела. Вот он уже напрашивается ей в сотрапезники. Они маячили посреди пляжа, как две одиночные скалы посреди бескрайнего океана, и праздно шатающаяся публика двумя нескончаемыми встречными течениями огибала их, недоумевая, с какой радости эти двое здесь застряли. Они едва успевали увертываться от толстых, потных теток и дядек, так и норовящих задеть их то своим волосатым пузом, то увесистой задницей, то мокрым, скользким плечом, поэтому, пока их окончательно не расплюшили в лепешку и не стерли в порошок, они договорились переодеться и посидеть в ресторане; ресторан из своего списка выбрала, конечно же, Лада.

Обеденный ассортимент оказался достойным продолжением завтрака: десятки видов мяса, рыбы, птицы, гарниров, салатов, каких-то непонятных закусок и других заморских разносолов, а на отдельном прилавке, покрытом украшенной вышивкой в стиле а-ля рюсс льняной скатертью, даже были разложены сладкие слобные пироги, медовые ковриги и гора фигурных пряников, расписанных белой помадкой: зайцы, медведи, барашки, петушки и курочки-рябы; смотрелось все это, конечно, весьма красиво, однако, по-бутафорски несъедобно.

Раз она проводит свой отпуск на побережье, Лада резонно решила отдать предпочтение рыбе. На одной из витрин в ресторане была вся мыслимая и немислимая водная живность: креветки, крабы, устрицы, мидии, лангусты и всевозможные блюда из рыбы. Но никакая на свете сила не заставила бы попробовать Ладу этих пузатых улиток – пусть они хоть трижды полезные, вкусные и упитанные! Нет, нет и нет! И точка! И пусть Семен ее не уговаривает.

Зато Лада по-настоящему знала толк в рыбе. Она обожала небольших, размером всего с ладонь, сырдарьинских сазанов, если их смазать майонезом, обвалить в приправе и запечь целиком в духовке, а потом подать с чесночно-помидорным соусом; неплох был и залитый прозрачным студнем фаршированный толстолобик, который ее бабуля всегда готовила к новогоднему столу, и копченый сом, и уха из маринки, если туда еще добавить гору всякой всячины, вроде кинзы, петрушки, лаврового листа и острого перчика чили. Не прочь она была полакомиться и блюдами поинтересней, например, жареной форелью по-рыбашки, заливным из зеркального карпа или северюгой под белым соусом; она тешила себя надеждой, что, может быть, нечто подобное здесь наверняка отыщется.

– А вот карась, говорят, любит жариться в сметане, – с видом заправского гурмана поведала Лада; она, наконец, выбрала, и Семен взял для них кусочки поподжаристой и попышней жареной во фритюре камбалы. Было похоже, что в ней совсем нет костей (качество, заслуживающее особой похвалы!); а если всю эту вкуснятину еще полить соусом бешамель.

Столик, за которым они уселись визави, притаился за выступом шершавой стены в самом дальнем углу широкой террасы; он был покрыт скатертью из белоснежного пике и украшен одной единственной веточкой шиповника в вазе из великолепного в своей неприязнительности диафана. Лада нашла все это «очень миленьким и просто чудесным»!

– Ну, Семен Абрикосов! Выкладывайте все как есть, – Ладе не терпелось разделаться со своей рыбой; она уже пару раз деликатно ковырнула ее вилкой, но как человек порядочный все же сначала решила побольше разузнать о своем сотрапезнике. Ведь он далеко не выпендюжник, как ей показалось в Ташкенте. А она, злючка, еще потешалась над ним!

Достав с шутливой почтительностью из нагрудного кармашка визитную карточку, Семен церемонно вручил ее Ладе. Исчерпывающий ответ, ничего не скажешь! Изобразив очаровательный книксен, не погнушавшись даже для этого привстать со стульчика, не глядя, лишь краем глаза заметив, что карточка выглядит очень импозантно и составлена на двух языках, Лада сунула ее в сумку и с немым вопросом во взгляде уставилась на Семена. Жаль, что, собираясь на пляж, она не захватила свои, так что ответить ему в его же духе не получилось. Ну да ладно! Так что там с ее чемоданом?

Отобедав и воздав почести местной кухне, они миновали обширный вестибюль, где снова наблюдалось самое настоящее вавилонское столпотворение; возле выхода обнаружилась почтовое отделение, и Лада пришла в голову блестящая идея отправить в Ташкент корреспонденцию, а заодно проверить, как работает эта их хвалебная королевская почта. Она выбрала открытку с изображением памятника Питеру Пену на фоне буйной зелени Кенсингтонского сада – пару лет назад это был любимый литературный герой ее Вероники, – набросала в своем блокнотике «рыбу» послания, а затем, тщательно обработав стилистически, переписала начисто. Наблюдая, как почтовая работница наклеивает на ее конверт кучу марок, Лада порадовалась за свою Веронику – будет существенное пополнение ее коллекции, пока еще весьма скромной; и как всегда ее обуяла непомерная гордость за свою умницу дочку.

– Прямо как в балагане: потратилась на грош, зато – сколько счастья! – бросая конверт в ящик и довольно улыбаясь, сказала Лада. – Семен, а ты никому не хочешь написать? Не спрашивать же напрямик: женат он или нет?

Они уже были на «ты» – совместная трапеза сближает не хуже интима.

– Нет. Мой Ермак читать пока не научился, а больше писать мне некому. Ермак – это мой пес. Он из семьи знатных пограничников, и все его предки – не знаю, до какого колена – служили Отчизне. Оставил его на попечение своей сердобольной сестрицы, а у самого душа не на месте. Звоню каждый день в Ташкент, и сестрица мне докладывает, как в том бородатом анекдоте про старого еврея: какал он сегодня или нет.

Лада от смущения вся вспыхнула:

– Перестань! И как же сии слова следует понимать? Как шутку?

– Извини, что шокировал тебя, но это жизненная правда. Если это не для твоих ушей, то я больше не буду. У тебя нет собаки? А то бы ты знала, что нормально функционирующее пищеварение у собаки – главный показатель ее здоровья.

Отель окружал хорошо распланированный в английском стиле приморский парк; с нижней лужайки парка белоснежные корпуса выгодно смотрелись в обрамлении темной и густой сосновой хвои, а необъятная лазурь летнего неба сливалась на горизонте с голубоватой дымкой взморья.

В путеводителе было сказано, что отель состоит из двадцати секций. Вдвоем, доброжелательно загибая пальцы на левой руке, правым указательным они принялись пересчитывать: у Лады выходило девятнадцать, у Семена – двадцать три, но никак не двадцать!

– Может, еще раз попробуем?

– Дохлый номер!

– Нет, ну а все-таки интересно...

От розария, разбитого у стеклянных дверей отеля и посаженного штамбовыми розами, к закованной в бетон и гранит набережной сбегали ярко-зеленые лужайки, отгороженные друг от дружки межей из лавровишни. Терпко пахло шамшитом, высаженным пирамидками у края дорожки; а далее, за низким зубчатым парапетом, выстроились во фронт молоденькие кипарисы. Вперемежку с вязами и матерыми вековыми дубами здесь росли магнолия, акация, олеандр; то и дело им навстречу попадались небольшие бамбуковые рошицы и росшие поодиночке пальмы, чьи мощные стволы и веерообразные листья уже давно никого не удивляли, так как стали привычным атрибутом любого порядочного приморского пейзажа. Реноме далекой от растениеводства современной городской барышни – уроженки умеренных широт – позволяло Ладe не отличать саговник от пальмы, а лавровишню от лавра благородного, но в особо сложные моменты на помощь ей приходил Семен, и за столь короткое время она умудрилась так расширить свои горизонты, что очень скоро забыла о своем былом невежестве.

Своеобразное очарование парку придавал легкий намек на естественность – вроде покрытого пятнами лишайника валуна, живописного мшистого пня или якобы поваленного грозой дерева. Один из кустов голубой гортензии придавило брошенной как попало сосной, и он медленно погибал под тяжестью сухого ствола. Непонятно было: то ли эта жестокая композиция была рождена изощренной фантазией ландшафтного дизайнера, то ли у садовника просто не доходили руки. Ну и конечно, были здесь и классические смотровые площадки с садовыми скамьями, и искусственные развалины, и таинственные каменные гроты, и горбатые мостики, и уютные беседки на пригорках; а про пруд с нимфеями и говорить нечего, хотя пруд был не ахти какой, да к тому же совсем уж по типовому посажен плакучими ивами. Но зато в нем плавали две пары величавых лебедей.

Вдоволь нагулявшись по аллеям парка, Лада с Семеном облюбовали приятное тенистое местечко и уселись рядышком в белой беседке с ампирами колоннами и полуголой беломраморной грацией в центре, местами безбожно попорченной дождем и стыдливо прячущейся за буйными зарослями ломоноса.

Из беседки прекрасно было видно, как к песчаному берегу, который полого уходил к воде, причалил прогулочный катер и высадил на мол группу пассажиров. Они смеялись и

галдели, так им было весело. Основная масса отдыхающих, и стар и млад – из тех, кто не пошел на пляж, – словно рой встревоженных пчел заполнили аквапарк, оттуда долетали неумолчный гул голосов, детский визг и хохот. Здесь же было тихо и безлюдно, на море тоже царил полный штиль, а небосвод был синим и бескрайним, как морские глубины. «Так не бывает», – подумала Лада и позавидовала самой себе.

– Тишь да гладь, Божья благодать... – сказала она.

С видом умирающего лебедя Лада постаралась поудобнее устроиться на жесткой и неудобной чугунной садовой скамейке. Развив столь кипучую деятельность, очертя голову пешком прошагав вдоль и поперек чуть ли не весь парк, она не рассчитала свои слабенькие женские силенки и сейчас мечтала только об одном: поскорее очутиться у себя в номере, бухнуться на кровать и простереться плашмя без чувств...

А тем временем в воздухе заметно посвежело, дневной зной внезапно спал и напоминал о себе лишь пышущими жаром гранитными плитами, которыми была выложена дорожка. И хотя солнце еще не спряталось за горизонт, сияющее небо вдруг потускнело, а от зелени уже вовсю тянуло чем-то промозглым.

На засеянной клевером лужайке перед ампириной беседкой сгустились тени, а росшие неподалеку три роскошных розовых куста погрузились в сумрак.

– Эта роза зовется «Йорк-и-Ланкастер», – сообщил Ладе Семен. – Лада, приглядиись, ничего не замечаешь? На одном кусте и белые цветы, и розовые. Селекционеры постарались. Помнишь, в школе проходили про войну Алой и Белой розы?

– Надо же! Семен, ты чудо! Откуда ты все знаешь? – с познавательным интересом тут же откликнулась Лада, хотя она едва находила в себе силы вежливо поддерживать разговор.

– О! Я еще и не такое знаю! Я вот, например, видел в той стороне пробковый дуб – очень интересный экземпляр. Пойдем, посмотрим... – но видя, как Лада украдкой поглядывает на свои часики, он осекся.

Лада в своем легком белом костюмчике окончательно замерзла, и они поспешили к отелю. Солнце уже закатилось, линияя синь неба уже не вызвала былого восторга, и торжественная тишина, как пуховый платок-«паутинка», величественная и невесомая одновременно, медленно укутала окрестности.

В вечерних сумерках белые корпуса отеля и мраморная балюстрада, широкие террасы и плоские крыши, величавые колонны и устремленные в высь секции, помпезный портал и высоченные остовы лифтов, более похожие на ослепительно сияющие столпы света, – все приобрело иной, сказочный и иллюзорный вид.

Они шли по оваянной сумерками каменной дорожке. Ладино нежное личико вдруг онемело и сразу стало таким белым и прозрачным, словно лишилось последней капли крови. И хотя она старалась ничем не выдать охватившее ее оцепенение, а ее губы безрезультатно пытались изобразить хоть какое-то смутное подобие улыбки, она уже вовсю дрожала и стучала зубами, так что решила вовсе закрыть рот, крепко сжав челюсти, и больше, дабы не позориться, без крайней надобности не открывать; после стольких мятарств силы ее были на пределе. Семен бережно и осторожно поддерживал ее под локоток, а на особенно крутых поворотах и высоких ступеньках она сама машинально хватала его за руку, каждый раз удивляясь, какая горячая, громадная и твердая у него ладонь; это новое для нее ощущение было захватывающим и волнующим.

Глава 12

В ресторане Семен ненадолго пропал, велел Ладе его ждать, а когда вернулся, в руке его была красивая фаянсовая кружка, полная подогретого красного вина.

– Выпей залпом это пойло и тогда, наверняка, ты не заболеешь.

Заботливо улыбаясь, он следил за тем, чтобы она выпила все до последней капли. Ладе было неловко за его любезность и предупредительность, и она не стала привередничать, а послушно выпила «это пойло», которое к тому же сильно отдавало пряностями; после чего ее вновь охватила ленивая дремота.

Сборище в ярко освещенном зале ресторана было в самом разгаре. В душном, насыщенном парами и ароматами стряпни воздухе стоял веселый шум голосов, неугомонное чмоканье и чавканье, залиvistый смех, хрустальный звон посуды, быстрый топот дюжины сновавших туда-сюда расторопных официантов, а сквозь приотворенную тяжелую стеклянную дверь вместе с запоздалыми посетителями в зал то и дело вривалась свежая порция вечерней прохлады.

Пока Лада с неприкаянным видом торчала у свободного столика, Семен доверху напичкал тарелки, тарелочки, салатницы и вазочки всевозможной едой и вернулся с подогретым металлическим подносом, над которым клубился ароматный пар. У Лады даже дух захватило!

Чтобы окончательно согреться, она не погнушалась за компанию с Семеном выпить

чашку крепкого чая с пончиком, что с ней случалось нечасто, а потом сидела и с ослеплым видом поглядывала на Семена, пока тот не спеша допивал свой чай.

Опустошив залпом кружку горячего вина, как ей было предписано Семеном, очень скоро Лада будто погрузилась в сонную, блаженную истому; разговаривая, она еле двигала губами и мечтала о своей теплой, уютной постели, но тут из оцепенения ее вывел вкрадчивый голос Семена:

– А сейчас мы сразу пойдем к тебе в номер, и ты примешь горячий-прегорячий душ...

О чем это он толкует? Ее будто кипятком ошпарило.

– Нет, Семен, никуда мы не пойдем...

От такой его наглости – «пойдем к тебе в номер», от такой дикой непристойности Лада аж задохнулась. Разве она давала ему хоть малейший повод? Ее бросило в краску. Она еще очень и очень подумает, прежде чем...

Лада стояла и не двигалась с места, будто ее пригвоздили. Семен заметил, как в ее измученных глазах вдруг появился дикий испуг, а ненатужное выражение целомудренного смущения уступило место растерянности и даже праведному гневу. И хотя им эта фраза была сказана безо всякого дурного умысла, он деликатно поправился:

– Ну, хорошо, ты пойдешь к себе в номер и залезешь под горячий душ. Дай слово, что обязательно это сделаешь!

Он с нежной и в то же время настойчивой мольбой смотрел на Ладу своими честными, широко распахнутыми васильковыми глазами, так что невозможно было ему отказать.

– Да. Я сделаю это, Семен, – сразу сдалась Лада, покорно и безропотно подчинившись его воле. Временами она чувствовала себя так, словно гусенком готова была идти за ним: за ним – первым встречным! А его повадки простодушного подростка – максималиста прямо-таки завораживали ее.

– ...И не открывая окно, а сразу залезай под одеяло...

Они распрощались в лифте: Семен поехал к себе, а Лада в полном замешательстве поплелась к себе.

В номере, исполненная самых лучших побуждений, Лада первым делом встала под горячий душ и даже нагрела на никелированном полотенцесушителе свой махровый халатик. Потом с книгой на коленях она, укутавшись в халатик и поджав под себя голые ноги, еще одурманенная вином, прикорнула в кресле: пай-девочка да и только!

Далеко внизу тяжело вздыхал прибор, где-то на скалах вспыхивал и гас маячок, фуникулер сверкал тысячами разноцветных лампочек, одинокий луч прожектора шарил по пристани, освещая то одно, то другое, то третье, глухое урчание и шепот волн иногда тонули в звоне не на шутку разошедшихся шикад, но отвратительней всего Ладе показался жуткий и непрерывный гул машин с автострады. Мчавшиеся со скоростью ветра автомобили устроили настоящее светопреставление, от чего сложенную аккуратной горкой посуду в серванте временами растрясало как от землетрясения. Просто дикий ужас какой-то! Прекратят они когда-нибудь эти свои гонки или так и будет всю ночь?! Все раздражало Ладу, все действовало ей на нервы, все было не по ней: и этот нескончаемый машинный рев, и мелькание огней, и неудобный, глухой халат, и стоявшая в номере духота, потому что, вознамерившись до конца держать данное Семену слово, она не стала открывать дверь на балкон. Хотя за окном было свежо, сгустившаяся атмосфера в ее закупоренном номере была тяжела и давила на нее, а тело из-за этого покрывалось гадкой испариной; но главное, ее раздражала она сама, и осознавать это для нее было сушей мучкой.

Мельтешение за окном не прекращалось, а шум все рос и рос. Так, под шумок, незаметно подкралась ночь, и, несмотря на горевший ночник, в комнате стало совсем темно. В сердцах отдернув шторы, Лада, страшно злая на себя, не выдержала и показала язык своей отраженной в оконном стекле мрачной физиономии с лихорадочно блестящими глазами. «Нет, Семен, никуда мы не пойдем...» – передразнила она себя писклявым голоском и соорудила ехидно-слашавую гримаску. Не больно-то ему было надо!

Однажды ее родимый журнал «Альфа и Омега» напечатал весьма забористую статью на крайне животрепещущую тему, которая поучала неопытных представительниц слабого пола, как нужно вести себя с этими грубыми, плохо организованными особями под названием «современные мужчины», дабы они в конце не оборзели. В частности, там было сказано, что порядочным во всех отношениях барышням надлежит поступать так и только так: при первой встрече с новым кавалером – ни-ни; лишь следует вежливо дать согласие «как-нибудь в другой раз» с ним позавтракать; потом, так и быть, можно выкроить часок на совместный обед в какой-нибудь недорогой, но приличной кафешке, причем, ни в коем случае не позволять ему за себя платить; и лишь только затем порядочной во всех отношениях барышне полагается принять приглашение на ужин в ресторане со всеми вытекающими из одного гнусными последствиями. Понятно? Вот так! Смех да и только!

Перебирая в памяти весь сегодняшний день, она внезапно спохватилась: а ведь она, в сущности, ничегошеньки о нем не знает! Интересно, кто он? Просто скучающий на отдыхе сибарит или...? И он не женат! Хотя это не суть важно. Интересно, что он скрывает под своими кудрявыми патлами и длиннющими трусами? Вдруг ее будто озарило. Наконец-то, очухавшись, Лада вскочила и сломя голову бросилась к сумке, выпотрошила ее и среди кучи своих вещей отыскала его визитную карточку.

«Институт ботаники. Абрикосов Семен Иванович». Адреса, телефоны. На обороте то же самое продублировано по-английски. Просто потрясает! Обладеть! Оказывается, она имеет честь проживать с Семеном на одной улице! Лада произвела в уме необходимые вычисления и вывела, что дом Семена находится через дорогу и слегка наискосок от ее дома, всего в каких-то трех минутах ходьбы.

Семен... А как же его звали в детстве? Сема, Семушка или, может быть, Сеня? Лада попробовала на язык все три имени; ни одно из них ей не понравилось: все три по ее мнению отдавали деревней. Внезапно она вновь до дрожи в теле ощутила беспросветную тоску; издав протяжный и жалобный стон (как хорошо, что в номере она одна, и никто ее не слышит!), она повалилась на кровать.

Ни читать, ни спать она не могла – слишком ныло ее разбуянившееся сердечко, кровь стучала у нее в висках, и шумело в ушах. Чтобы отвлечься и успокоиться, Лада включила телевизор, но обнаружила там опять лишь чужую речь и осточертевшую рекламу.

Лада медлила, как только могла, но, в конце концов, разделась и улеглась в постель. Чтобы утихомирить kloкотавшие в ее груди раздражение и досаду на себя, дуру набитую, она решила медленно и внятно считать про себя: до ста, до тысячи и дальше столько, сколько потребуется. И тут зазвонил телефон. Его мелодичное преливистое гудение заставило подскочить Ладу от страха, а ее бедное сердечко сначала екнуло, а затем забило с испугу в самый дальний угол ее розовой и чистой как у ребенка пятки. Она и ждала и не ждала этого звонка, во всяком случае, ничего не загадала.

– Алло! – ее голос в ночи прозвучал томно, гортанно и с ноткой недовольства.

– Лада, добрый вечер! Не спишь еще? – голос Семена, наоборот, чересчур вежливый, и, может, чуточку более, чем следовало ожидать, жизнерадостный, вывел ее из оцепенения.

– Как раз собиралась уснуть. Так что ты вовремя успел, – переведя дух, Лада старалась отвечать непринужденно и в тон ему жизнерадостно, хотя стоять на полу босиком, было неприятно: несмотря на духоту, в воздухе все-таки чувствовалась прохлада. Все же она ухитрилась нащупать в темноте выключатель, зажгла бра над кроватью и вместе с телефонной трубкой нырнула в теплую постель, мастерски задрапировавшись одеялом.

– Извини, если поднял тебя с кровати. Я просто хотел справиться о твоём здоровье и пожелать спокойной ночи.

– Спасибо, Семен, и спокойной ночи, Семен, – вежливо и слегка высокопарно ответила Лада, но трубку не положила, а, замерев, ждала, что последует дальше. Но следом была лишь тишина. Бросив невзначай взгляд в зеркальную дверцу шкафа, в приглушенном свете ночника Лада увидела свое отражение: странно, что у нее был смеющийся взгляд и нарочито степенное выражение лица, но ее прическа – это страх Божий! Лада, растопырив правую ладонь, всей пятерней провела ото лба к затылку, приглаживая дико всклокоченные волосы и принуждая их вновь заструиться вдоль спины. И поскольку Семен тоже никак не решался повесить трубку, она с заправским видом бывалой сердцеедки взяла инициативу в свои руки.

– Семен, ты еще здесь?

– Да, Лад, я здесь.

– А что ты делаешь?

– Хороший вопрос. С тобой разговариваю.

Действительно, каков вопрос – таков ответ! «Ну что – получила?» – погасив улыбку, со злорадством подумала Лада.

В это время на эспланаде перед парадным входом в отель зажгли колоссальную порцию дополнительной иллюминации, и в номере стало светло как днем.

– Лад, посмотри, что за окном делается!

Огни за окном отплясывали дикие танцы.

Видимо, их окна выходили на одну и ту же сторону. Лада все же удосужилась встать и, приподняв штору, выглянуть за балкон. Ничего такого, заслуживающего ее внимания, она там не обнаружила, лишь увидела, как по набережной толпами гуляют отдыхающие, причем, из ее окна эти несметные полчища курортного народонаселения своим бравым шествием напоминали праздничную демонстрацию, не хватало только, чтобы они в порыве ура-патриотизма махали флажками и выкрикивали здравицы. Она вновь забралась под одеяло.

– Видимо, здесь не принято по ночам спать. Только мы с тобой, как два добропорядочных суслика, залезли в норы, а у других жизнь только начинается.

Лада зарылась поглубже в одеяло.

– Семен, лучше ты мне скажи: как тебя домашние звали в детстве? Сеня, Сема или, может быть, Семушка?

– Не Сеня, не Сема и не Семушка.

– Да? А как?

– Сэм. Это моя сестрица Наталья придумала, а вся матушкина родня подхватила.

Сэм. Коротко и ясно. Она повторила имя вслух, стараясь определить свое отношение к нему. Имя ей нравилось.

– Сэм. Это имя мне нравится. Я тоже буду называть тебя Сэмом. Можно? И ты мне тоже нравишься, Сэм!

– А мне нравишься ты, Лада! И имя у тебя очень красивое: Лада, Ладушка. И девочек своих ты назвала красиво: Вероника и Лолита.

Лада, конечно же, уже успела растрезвонить ему о своих ненаглядных Веронике и Лолите Четвертой. Ведь он же прожужжал ей все уши о своем Ермаке!

– Это у нас теперь что-то вроде семейной традиции: у нас в семье все девочки носят необычные имена. О! Ты еще не знаешь, как зовут мою маму! Забава! Правда, здорово? Бабуля говорит, что она дала ей такое имя как вызов общественному мнению. Я ее никогда не называла мамой, только Забавой! Они с отцом у меня геологи. Как нашли золото в Кызылкуме, так до сих пор успокоиться не могут. Сидят в своем Мурунтау и дома носа не кажут. Приезжают лишь пару раз в год и назад торопятся...

Маму в семье все поголовно, даже Лада с Сашей, ее родные дети, всегда звали Забавой, и это имя ей очень шло.

К собственной маме, Забаве, как она ее называла, у Лады было двоякое отношение: во-первых, она как любая нежная и ласковая дочь обожала свою мать и боготворила ее, и души в ней не чаяла, а ее набег в Ташкент, всегда неожиданные, были, есть и будут величайшими праздниками в Ладиной жизни; а во-вторых, она держала себя с ней немного свысока и покровительственно. Эту манеру она переняла у своей бабули, которая, пользуясь привилегиями почтенного возраста, собственную дочь ни во что не ставила, не смотря на все ее ученые степени и звания и на высокую должность, занимаемую Забавой в «Кызылкумгеологии», всю жизнь считая ее нерадивой хозяйкой, безнадёжной неумехой и лоботряской.

Если бабуля – это педантичность и порядок во всем, это система, где все разложено по полочкам, все организовано и все расставлено по ранжиру, то мама – это «не разбери поймешь», это переполох, суматоха, кутерьма, чехарда, заваруха, балаган, разгром, шум-гам, Содом и Гоморра, фигли-мигли, страсти-мордасти, это шухер и атас вместе взятые. Где мама, там вечно какие-нибудь мировые сенсации, прожекты, пертурбации, фортели. Она вечно строит всевозможные грандиозные планы и сама моментально их с легкостью рушит, ибо настроение у нее тоже обыкновенно меняется быстрее молнии. «У нашей Забавы семь пятниц на неделе», – говорит о ней дед, подразумевая, что от ее безумных идей не жди никакого прока.

Если у бабули все спорится и ладится, то мама, взявшись хозяйничать, обязательно или тарелку вдребезги разобьет, или кастрюлю с водой на пол уронит. Это было неизбежно. Один раз бабуля даже расплакалась и сказала им с Сашей: «Ваша мама – полкило убытку».

– ...Ты бы только послушал, каким тоном моя мама рассказывает, что наш родимый Узбекистан занимает первое место в мире по количеству золотодобычи на душу населения, будто государственную тайну раскрывает! Как ярый апологет своего дела, которому отдалась целиком и без остатка, немного привирает, наверное, или, скорее, преувеличивает для красного словца. Откуда столько? Я думаю, это в ней играет непомерная гордость за свое детище. А моя бабушка, моя дорогая и любимая бабулечка Лелечка – Клеопатра Викентьевна Стрельцова... – произнесла вслух имя-отчество бабушки, Лада вдруг осеклась. Вот дурья башка! Что бы ей стоило спросить у этой английской наследницы Лары отчество ее русской бабушки миссис Седрик Сеймур – тире – Лары Миллер – тире – Ларисы Стрельцовой? В Англии отчества не приняты, но Лара должна была знать! Насколько легче было бы тогда узнать, не родственница ли она ее бабушке Клеопатре! Да уж, непростительная промашка...

– Лада, ты меня слышишь? Куда ты подевалась?

– Да, Семен, слышу. Я просто очень и очень устала. Спокойной ночи, Семен.

От волнения она даже забыла, что решила звать его Сэмом. Но напоследок она все же решила схулиганить и добавила:

– Семен, а ты, оказывается, ботаник!

– Нет, я не ботаник. Я палеоботаник, а это две большие разницы.

Сказал, как отрезал.

– Палеоботаник – она лихорадочно соображала. Палеоботаника... что это? Кажется, разные ископаемые останки и всякое такое? – Хвоши и папоротники, голосеменные и

псилофиты, мхи и лишайники, тис и самшит? – обнаружила свою осведомленность Лада.

– Во-во! Все-то ты знаешь! Ты у меня умница!

– Спокойной ночи, палеоботаник!

Она опустила трубку и полная мятежных дум повалилась ничком на кровать.

Лада давно заметила за собой дурацкую манеру: сделав о человеке первый вывод и обманувшись, долго потом себе в этом не признаваться. С Семеном Абрикосовым все было по-другому и мало-помалу это начало доходить даже до Лады. Она чувствовала, что дело начало принимать серьезный оборот, и решила для себя – будь что будет! – как зыбкое и ненадежное суденышко под натиском стихии, лечь в дрейф и полностью отдаться Божьей воле.

Она привыкла относиться к мужчинам свысока, убежденная в превосходстве своего женского интеллекта над их дохленьким мужским умишком; в этом она находила утешение своему одиночеству. Да, ее угнетало какое-то смутное, безотчетное состояние души, дамокловым мечом висевшее над ней целых восемь лет; из-за этого, а еще, единожды испытав на себе, что такое боль и унижение, с тех пор она и чуралась всех, за редким исключением мужчин; ее лучший друг Марик Варшавский однозначно сформулировал это состояние как «андрофобия», а ведь просто-напросто никто за восемь лет так и не дал себе труда растопить ее скованное ледяной коркой сердце. Но Лада вовсе не козыряла своим одиночеством и к самой себе всегда относилась с самым жестким, если не сказать жестоким, нелицепрятием.

Праведницей она себя никогда не считала, равно как и никогда ни по кому больше не убивалась и никаких крушений надежд, связанных с отцом Вероники, отнюдь не испытывала, ибо никогда не питала никаких особых надежд, ведь та ее недолгая любовь оказалась как яблочный пирог-скорородум, нежданно-негаданная, на скорую руку замешанная, оттого и несъедобная. А чего ж она еще хотела? Вознестись до небес, чтобы потом быть низведенной до преисподней? Нетушки! Это не про нее! Так уж вышло, что однажды волею случая она одела свое сердце в суровые, непробиваемые доспехи (пустив туда одного-единственного Марика Варшавского, но только в качестве лучшего друга, а больше – ни-ни!) и не торопилась разоблачаться. Позже, когда все утряслось и забылось, она для себя решила, что хватит на ее долю одной поруганной любви, и надежно запрятала свое женское «я» до поры до времени, где оно преспокойненько и пролежало до востребования, потому что просто требовался срок, чтобы сквозь гушу облаков вновь выглянуло солнце, а разбитое сердце вновь возжелало любви.

С Семеном было что-то не так. Он был сам себе человек «сказал – сделал» без мысли о последствиях, – это, во-первых. Во-вторых, он был далеко не дурак, не хлюст, не вертопрах и даже не жуир. В-третьих, она вынуждена была признать, что он самый красивый из всех ее знакомых мужчин, а это для женского сердца немаловажно. А в-четвертых, ее сводило с ума его безыскусное прямодушие и заводила окружающая его тайна. Из этих разрозненных клочков складывалась обшая картина; только вот спрашивать его о джойсовском «Улиссе» она все равно не станет и даже близко к этой теме не подойдет, чтобы не искушаться.

Время подлечило ее былую сердечную травму, и впервые за восемь лет она подумала, что перспектива остаться в дураках ее отнюдь не прельщает. В ее душе, как в разворощенном улье, вновь творилось что-то неладное – и надо же было этому случиться именно сейчас, когда мало-помалу все то, что было в ее прошлом, утряслось и забылось, – только теперь это были переживания совсем иного рода.

Глава 13

«Если она и не всегда приятна, зато весьма интересна, потому что полна неожиданностей», – так говорят англичане о своей пресловутой – капризной и непостоянной – английской погоде. «К тому же, с такой погодой всегда есть о чем поговорить, что обсудить и на что посетовать, – добавила бы от себя Лада, – и, как - никак, она вносит существенное разнообразие в их закованную в условности и традиции жизнь».

На другое утро, едва продрав глаза, Лада первым делом бросилась на балкон – похоже, это стало входить у нее в привычку – и на месте вчерашнего чарующего вида с синим небосводом и ослепительным солнцем увидела ужасающую картину: никакого солнца не было и в помине, небо насупилося, как баба Вера – зловредная старуха-вахтерша из редакции ее родимого журнала «Альфа и Омега» – в предвкушении очередной каверзы, а жуткие кучевые, донельзя набухшие облака уже со всех сторон подступили к отелю, и тот вот-вот капитулирует; дождя пока не было, но он обещал с минуты на минуту быть. Лада была уверена, что ее ожидает еще один, полный приятных сюрпризов и неожиданностей, день и – ах, да! – конечно же, Семен! От вчерашнего смятения чувств не осталось и следа, а на душе у нее, несмотря на непогод, было светло и радостно. Как-никак, она в этом дождливом королевстве всего лишь заморская гостья и вынуждена принимать его

таким, какое оно есть, а вот подданных этого королевства, обосновавшихся здесь навечно, остается только от чистого сердца пожалеть, потому что, по всей видимости, ставшие притчей во языцех косность и замкнутость англичан – это следствие чрезмерного потребления хмурой и слякотной погоды.

«Кажется, пляж на сегодня отменяется», – подумала Лада и из номера прямым ходом отправилась в вестибюль, намереваясь добросовестно перенести со стенда с объявлениями в свой блокнотик полный перечень увеселений на ближайшую неделю; рекламный проспект давал клятвенное обещание ежедневных экскурсий на любой вкус, включая самый каверзный запрос, и она решила по полной программе воспользоваться полагающимися ей благами.

Ну что ж! Пожалуй, сегодня и начнем! Лада только что закончила свое полезное занятие и была приятно возбуждена, когда подошел Семен. Тщетно попытавшись ей дозвониться и вконец потеряв терпение, он тоже спустился в вестибюль.

– Доброе утро, Лада! – широко улыбаясь, сказал он. – Ну, как ты сегодня – ничего? Выглядишь ты обалденно! Собираешься в путешествие? Не забудь захватить зонт – сегодня он тебе наверняка понадобится.

– Уже.

Она раскрыла сумку и показала ему зонт.

– Привет, Семен! Поедем? Смотри, какое удобное расписание: автобус отходит как раз через сорок минут, так что можно попытаться успеть позавтракать. Ну, не идти же сегодня на пляж... – скороговоркой начала было Лада и вдруг осеклась в страшной растерянности. Что-то было с Семеном не так: что-то, что поставило ее в тупик и заставило замолчать.

– Лада, послушай меня... – Семен слегка замялся, подбирая слова. – ...Лада, я очень хочу поехать с тобой на экскурсию, и мы обязательно съездим, но не сейчас. Сейчас я не могу...

Вот оно что – он не может! Забавно однако. Она тряхнула волосами и вскинула голову: он стоял перед ней понурившись и кротко молчал. Подожди, идиотка несчастная! Попридержи свою песь и послушай дальше!

– Что-то случилось? – спросила Лада на всякий пожарный случай трагическим шепотом.

– Я должен уехать. Это ненадолго: три-четыре дня, не больше. В крайнем случае, пять. Лада, послушай, это очень нужно, крайне необходимо для моей работы в лаборатории. Еще в Ташкенте, зная, что еду в эти края, я связался с одним местным парнем – он палеонтолог из Кембриджа, – и он обещал мне кое-что показать. И вот сегодня утром он мне позвонил и сказал, что готов выделить мне несколько дней. Мы с ним на его машине съездим в одно местечко – это недалеко отсюда – и дня через три вернемся...

«Один парень», «в одном местечке», «кое-что показать» – что это: откровенная издевка или нежелание посвящать ее, женщину, в свои сакральные мужские проблемы? Вот вам, пожалуйста: женщина – корень зла, и мозги у нее куриные, поэтому пусть лучше тихо сидит на месте и не рыпается... ну, и так далее. Знаем, проходили.

Раздосадованная и не имеющая ни малейшего представления, к чему он клонит, и в то же время в глубине души заинтригованная, Лада все же не произнесла ни слова, а терпеливо ждала продолжения.

– Лада, ты, наверное, знаешь – должна знать! – почему Англию зовут туманным Альбионом?

– Ну, знаю. Так ее назвали римские легионеры, а до них еще, кажется, Платон... – пожалала плечами Лада, недоумевая, что он от нее хочет.

– Да, по одной из версий, за те самые, издали похожие на белые куски пенопласта, утесы с обнаженным конгломератом, что нависают над проливом. Так вот, в этих меловых отложениях есть очень любопытное с точки зрения палеонтологии место... Было бы глупо побывать в этих краях и не увидеть все своими глазами... У меня в лаборатории работает один парень, Андрей Коваль, – чудный мужик и классный специалист! А полгода назад он женился, плюнул на науку и взял отпуск за свой счет. У его жены своя точка на ипподроме, и ей, видите ли, нужен помощник... И Андрюха, добрейшая душа, теперь «сайгачит» на ипподроме: торгует штанами. А если я ему сейчас подкину тему, может, он вернется. А то жаль парня, засосет его житейская рутинка. А ведь у него золотые мозги! Какой, к черту, из него торгаш...

Какому-то бедняге Андрюхе Ковалю, который достоин того, чтобы его пожалели, потому что по своей натуре он вовсе не торгаш, срочно понадобилась помощь, и теперь Семен собирается в поход за правое дело – среди сумбура его мыслей и фраз сбита с толку Лада усвоила только это.

– ...Я бы с радостью взял тебя с собой... – он окинул ее всю с ног до головы взглядом, как бы оценивая, достойна ли она его приглашения и не будет ли она путаться у него под ногами и служить лишней обузой, – ...я знаю, ты бы поехала. Ты храбрая... Но боюсь,

потом ты возненавидишь меня лютой ненавистью на всю жизнь. Ну, пока! Не грусти! Приеду – позвоню! У меня автобус через пять минут! – на секунду заключив ее в объятия и крепко-крепко пожав руку, он убежал.

«Приеду – позвоню...» Ничего себе, утешил, называется. «Не грусти!» Не больно-то и надо! Лада хотела с видом оскорбленного достоинства бросить ему вдогонку что-нибудь напутственное, вроде «ни пуха...» или «счастливого пути», но, не сумев подыскать ничего вразумительного, так и осталась стоять у стенда с открытым ртом, будто ей надавали пощечин. Это же просто свинство какое-то с его стороны – взять и бросить ее здесь одну! Хорошо, сам Семен убежал и не видел, как вогнал ее в краску.

Гроза разразилась как раз в тот момент, когда Лада с комфортом устроилась на переднем противоположном от водителя сидении автобуса (наиболее удобная, с ее точки зрения, позиция), направлявшегося с обзорной экскурсией вдоль побережья. Сначала на мостовую горохом посыпались редкие и крупные капли дождя. Внезапно вспыхнувшая молния, словно обоюдоострым кинжалом расколов надвое низко нависающее над головами небо, до смерти напугала кучку туристов на остановке, затем Ладу оглушил сильнейший раскат грома. Пока автобус набирал обороты, мощные струи дождевой воды быстро превратили все вокруг в одно сплошное жидкое месиво, и нескончаемые потоки грязи, не разбирая пути, понеслись по склонам холмов к берегу.

Сумрачная раскисшая дорога вдоль прибрежной полосы то синусоидой петляла меж скользких утесов, а то – стремительная и целенаправленная, как стрела Робина Гуда – мчалась вперед по бескрайним просторам. Встреча двух вечных стихий – водной и воздушной – оказалась угрюмой и негостеприимной, как трудный, не отличающийся радушием, характер старого закаленного в штормах и бурях морского волка, но Лада была так погружена в свои переживания, что не замечала ни то, какой суровой и мрачной стала морская гладь, ни то, какой жуткой свинцовой тяжестью налилось небо, как не замечала ни водовороты грязи по обочинам, ни пронесившиеся мимо донельзя замызганные автомобили, ни летевшие во все стороны из-под колес фонтаны дождевой воды.

Рядом с водителем, повернувшись лицом к туристам и скрестив ноги в лодыжках, сидела премилая особа – девушка-гид, которую звали Маргарет Монтгомери, и что-то неумоимо лепетала по-английски в микрофончик. Именно она, эта девушка-гид, а отнюдь не слегка подпорченные красоты английского пейзажа, притягивала взоры восхищенных мужчин и снискаемых завистью женщин, ибо девушка была само совершенство: красота, стиль, стать, достоинство, манеры и изящество в одном флаконе. Грациозная темная головка, идеальный овал милого личика, безукоризненной формы брови, удивительно свежая и нежная кожа румяных щечек, утонченные черты лица – все у нее было безупречно и вызывало восторг, а неуловимый и немного смущенный под жадными взглядами мужчин взор ее ясных голубых глаз (ах! эти голубые глаза! чистые как ташкентское майское небо после грозы, когда прозрачный воздух особенно яркое; ах! эти голубые глаза! совсем как те, честные и наивные, проникательные и заботливые, они все еще стояли перед Ладой, а в душе у нее клокотало желание высказать им свое «фе») в сочетании с темными волосами и бархатными ресницами придавал ее облику, и без того совершенному во всех отношениях, еще большее очарование.

Автобус то и дело останавливался в каком-нибудь живописном местечке, и мисс Маргарет Монтгомери своим хорошо поставленным голоском приглашала особенно отчаянных смельчаков выйти вслед за ней и полюбоваться, шлепая по лужам, теми или иными достопримечательностями.

Несколько раз осмелилась выйти и Лада, пока не вымокла до нитки и не зачерпнула своей розовой замшевой туфелькой-балеткой из грязной придорожной лужи отвратительно хлюпающей жижи; после чего она, хмурая и озабоченная, забилась в угол, прижалась лбом к холодному стеклу и провела остаток пути, прислушиваясь, как мокрый гравий шуршит под колесами автобуса. И куда, скажите на милость, ее, идиотку несчастную, понесло? Совсем с ума съехала!

Дождь, похоже, испугался Ладиноho плохого расположения духа, резонно посчитав себя виновником того, что она промочила ноги, потому что внезапно прекратился, и небо на диво легко и быстро очистилось, тучи в один миг растаяли, откуда ни возмись объявилось солнце и припекло распластавшееся над землей марево. Сразу стало нечем дышать, а влажная, насыщенная дорога под колесами автобуса, еще недавно скрытая бурными потоками грязи, теперь и сияла чистотой, как солдатские сапоги на плацу.

У себя в номере, скинув промокшие одеяния и переодевшись во все чистое и сухое, Лада еще долго не могла прийти в себя, чем она мигмом и воспользовалась, завалившись с книгой в теплую постельку. Ей стоило немало труда уговорить себя еще раз выйти сегодня из отеля. Лишь ближе к вечеру она осмелилась на небольшую променада – развеяться, проветриться, размять косточки и погреться на солнышке, пока

ночь окончательно не загнала его в преисподнюю, купившись на щедро раздаваемые им налево и направо посулы.

Парк был в ужасающем состоянии. Еще вчера такой чистенький и ухоженный, как молодая состоятельная дамочка, сегодня он выглядел как истерзанная и опустошенная, но глубоко удовлетворенная безбашенная стервозная баба после очередного бурного скандала. Повсюду валялись обломанные ветки и гроздья цветов, замызганная трава на лужайках поникла и свалась в колтуны, а местами даже с головой ушла под мутную воду. Пахло прелой листвой, дождевыми червями и немного грибами (точно так же поздней осенью всегда пахнет в саду ее деда, когда все цветы уже давно сорваны, а какие не сорваны, те увяли или пошли бурными пятнами, листва опала и сметена в кучу для компоста, а природа, смиренная и отрешенная, как глубокая старуха перед последним причастием, ждет своей дальнейшей участи). И к тому же всю эту неприглядную картину дополняла тяжелая угнетающая тишина – не было ни птиц, ни кузнечиков, ни лягушек. Далеко внизу, за мраморной балюстрадой, неистово бились о каменные берега нескончаемые волны прибоя; от жуткого завывания ветра ныли зубы, если же ветер ненадолго затихал, от зловещей тишины закладывало уши.

Незаметно стемнело. В сгустившихся сумерках, обогнув скалу, выплыла валяжная, дебелая Луна. Лада смотрела на эту величавую распираемую гордостью красавицу, безудержно сиявшую на небосводе, как одинокий громадный прожектор, и недоумевала: это была какая-то незнакомая ей Луна, не та, которую она имела счастье наблюдать в положенные сроки из окна своей ташкентской квартиры. Та, ташкентская, была такая милая и домашняя, с детства знакомая, как бабулины блинчики со сметаной, и светила она мягко и ненавязчиво; эта же была, как исполинский свадебный торт, огромная, торжественная, недоступная, и светила иступленно и красноречиво как во хмелю.

Шли дни; Лада курортная жизнь мало-помалу налаживалась. Так напугавшие ее поначалу сонливость и апатия быстро отступили, уступив место ее воинствующему чувству долга.

О! Она знала массу способов развеять свою хандру – была бы охота связываться! Правда, временами, сгорая от тоски, Лада все же чувствовала себя навеки разлученной со своей ненаглядной Вероникой, но, слава Богу, эти моменты случались не часто, а в основном она старалась добросовестно выполнять все курортные ритуалы, одну третью часть своего законного, выделенного ей на отдых времени проводя на пляже, если, конечно, позволяла погода, одну третью часть – на экскурсиях, а последнюю треть отводя одиноким прогулкам по парку. О Семене она не думала и грустить из-за него не собиралась, а до его лаборатории и добрейшей души человека Андриюхи Коваля ей вообще не было никакого дела! Банально, зато чистая правда! Кто, как не сам Семен ей тогда сказал, что вскочивший на носу его Ермак прыщ его волнует гораздо больше, чем, к примеру, какое-то там глобальное потепление? Вот именно! Вот придет Семен, тогда она еще посмотрит, тогда она еще очень и очень подумает, прежде чем...

А английская погода, как падшая женщина: грешила и каялась, каялась и грешила... Полуденное солнце, беспечно и щедро раздающее всем и вся безосновательные обещания, к вечеру могло обернуться краткосрочным проливным дождем или нудной, нескончаемой, заволакивающей и небо, и водяную гладь зябкой морозящей мглой.

Обреченная на ничегонеделание, в такие часы Лада обычно страдала и изводила себя, свернувшись калачиком и с головой закупорившись под одеялом, лишь изредка выбираясь наружу, чтобы подышать, а затем ныряла обратно и боялась только одного: что это никогда не кончится. Непричесанная, закутанная в халат, она целый вечер могла провести в постели за книгой, даже ужин откладывая до лучших времен и успокаивая себя тем, что вот завтра утром – кровь из носу! – она обязательно куда-нибудь выберется. Иногда, очнувшись от докучливой дремы, Лада поднималась и шла к окну в надежде опять увидеть ясное и чистое небо, но дождь, как назло, лил и лил с невероятным упорством. В таких случаях она сама себе напоминала Лолиту Четвертую, которая любила в пасмурный денек полежать, уткнувшись носом в лапы и прижавшись задом к батарее. Тепло, светло и мухи не кусают!

Как-то очередным унылым утром Лада набрала родной ташкентский номер и сразу, без предварительных гудков, вдруг близко-близко услышала нежный голосок единственной улады своего сердца – своей ненаглядной доченьки:

– Але! Кто это? – вопрос Ладиного сокровища спросонок прозвучал тоненько и протяжно. – Мамочка, это ты, что ли?

– Да, это я, кисунечка моя! – отозвалась Лада.

Воскресив в памяти родной Вероникин образ (ощущение, слаше которого она вряд ли когда-либо испытывала): ее круглое детское личико с тонко очерченными бровками и пухлыми губками, ее длинный, свободно свисающие вдоль щек волосенки и всегда восторженные глаза, ее детский лепет и шаловливые ужимки, ее острый ядовитый язычок и нарочитое сюсюканье... Лада собрала все силы, чтобы сдержать наворачившиеся слезы, –

а плакать, как известно, она была великая мастерица, – и быстро отрапортовала, экономя валюту, что у нее, мол, все просто замечательно, ну и так далее, после чего услышала от Вероники в ответ, что в Ташкенте все живы и здоровы, чего и ей желают.

– Мам, скажи бабуле! Она мне не дает «Терминатор» смотреть!

– Нет, киска, не скажу, – ласково, но твердо отказалась Лада. – Бабулю надо слушать.

Раз не дает, значит, не нужно тебе его смотреть.

С Вероникой только так и можно было договориться: ласково, но твердо; по-другому она не понимала.

– А какая разница? Все равно я уже много раз смотрела.

– Тем более.

Нет, ну какова, а? Норовя всегда все сделать по-своему, она довольно ловко научилась манипулировать взрослыми, а из деда буквально веревки вьет. Однако, с бабулей сильно не забалуешь.

Все, отбой. Лада не спеша повесила трубку и лишь затем, зарывшись головой в подушку, вдоволь наплакалась.

Проснувшись на другое утро в очередной раз под шум дождя – разумеется, опять этот дождь! – она, наконец, решила, что хватит ей киснуть и ныть, и что пришла пора навести красоту и, появившись на публике в должном виде, утереть кое-кому нос, так как в последние дни ее окончательно доконала «виниловая» прическа Мальвины. Давно пора и Ладе соорудить себе что-нибудь эдакое, а не ходить с бесцветными сосульками на голове аки Бог весть кто. Конечно, она сама себя считала девицей в высшей степени привлекательной и неотразимой вне зависимости от состояния ее прически, но все же... Доколе она собирается бурчать себе под нос и сетовать на погоду, что, мол, дождь ей житья не дает?

Тут же сон моментально слетел с ее ресниц.

Хочешь изменить судьбу, начни с цвета волос, по крайней мере, так всегда говорила ее тетя Лиза, при этом она манерно вскидывала бровь и многозначительно поглядывала на Ладину бабулю. А уж кому, как не ей, тете Лизе, знать это: во-первых, в далекой молодости она три года проработала дамским парикмахером, а во-вторых, за свою долгую и бурную жизнь сменила не только трех мужей, но и перепробовала кучу профессий.

«Так что, миленькая моя, – вкрадчиво уговаривала себя Лада, стоя перед зеркалом и разглядывая свою заспанную физиономию, – у тебя нет иного выхода, как только добить эту тему до конца. И учти: сегодня или никогда».

Глава 14

Сегодня, расставив приоритеты и артикулировав свои мысли, Лада сконцентрировалась на главном, а внутренне самоувердившись, заметно воспрянула духом.

Погода, похоже, опять испугалась ее воинственного настроения, потому что, пока она так размышляла, за окном внезапно прояснилось, а вскоре окончательно стало понятно, что в ближайшие часы дождя не намечается, и что практически весь день будет солнечно и тепло, поэтому податься в люди она решила в наиболее «говорящем» и максимально женственном костюме так называемой «селянки»: платьице из легкой марлевки, а к нему босоножки на толстой веревочной подошве с кучей завязок и сумка из соломки. Волосы она собрала в «конский хвост» и повязала лентой, чтобы они, если по недоразумению все-таки пойдет дождь, не висели висюльками вдоль щек и не липли противно к плечам. Ну, все, с Богом; наконец-то ее час настал!

Сообразив, что ее собственная красота – дело серьезное, долгое и потому безотлагательное, и лучше всего им заняться с самого утра, призвав в помощники всю свою находчивость на пару с красноречием (хотя она уже вся дрожала от нетерпения, раздувала губенки и била копытом, как норовистая лошаденка в предвкушении хорошей прогулки), Лада сперва решила навести справки. Она решительным шагом направилась было к той самой стойке, где ее так «гостеприимно» обслужили в день приезда; будучи человеком непосредственным, она сочла уместным спросить у кого-нибудь из администрации, несмотря на явную нелепость вопроса, о лучшем в округе парикмахерском салоне с самыми первоклассными стилистами. Лада, уповая на свой и только свой вкус, точно знала, что ей было нужно, только не знала, где ей это смогут сотворить. Местные заведения не годились, потому что знает она эти гостиничные цирюльни с их всегда осклизлыми раковинами и заскорузлыми вафельными полотенцами; а этот их мерзкий запах?!

Все это, включая и свои недоброжелательные взгляды на местные цирюльни, чей сервис никак не соотносился с ее мечтой, она и выложила перед слегка обалдевшей от такого напора мисс Маргарет Монтгомери, на свое счастье повстречав ее возле стойки. Пока Лада говорила, девушка только понимающе кивала, а потом велела ей садиться в автобус и прямоком ехать в Пейнтон.

Через полчаса Лада уже была в Пейнтоне, высадившись в географическом центре города; исходя из ее здравых рассуждений, то, что она искала, как раз и должно располагаться исключительно в центре, а никак не на периферии и не с краю. Здание, первый этаж которого занимало искомое заведение, было современной многоэтажкой из стекла и стали, неинтересным по сравнению со своей «пожилой соседкой» – высокой, кирпичной кладки, башней с курантами и с выступающими полукруглыми решетчатыми оконцами (Лада смутно припоминала, что нечто похожее по архитектуре во время обзорной экскурсии по побережью им показывала мисс Маргарет Монтомгери и называла это ратушей). Отлично. Как раз то, что ей нужно. Не кустарщина какая-нибудь, а самый настоящий центр женской красоты и здоровья: парикмахерская, фитнес-зал, кабинет лечебной косметологии, солярий и тут же SPA-салон. Все правильно, если уж делать, то делать как следует и по полной программе, а не лишь бы как!

Прослушав Ладин «креативный» перевод на английский ее давнейшей мечты, ее сперва направили в кабинет к дорожной, с басовитыми нотками в голосе, блондинке, чересчур коротко стриженной и по-богемному небрежно одетой. «Конкретная такая тетечка, крупная и пуленепробиваемая, – разглядывая ее, подумала Лада. – Видать, эдакая здешняя мать-командирша». Было в ней что-то от деревянной женской фигуры на носу старинного корабля – величественной и непотопляемой. Затем бывшая у блондинки на посылах девушка проводила Ладу до места. Мастер, довольно заурядная особа, и к тому же угрюмая и неразговорчивая, выслушала Ладины пожелания и незамедлительно принялась за дело. И хотя вместе им предстояло провести следующие четыре часа, на этом их вербальное общение закончилось. Сидя под колпаком «сушилки» в ожидании окончательного результата, Лада всем своим существом хотела, чтобы этот ее безумный эксперимент удался на славу. А затем Лада еще два часа, пролежала в похожем на стоматологическое кресле врача-косметолога, пока тот подчеркнуто заботливо и подобострастно колдовал с ее внешностью. Вначале он долго пальпировал и мял ей лицо, отчего у нее на глазах даже выступили непроизвольные слезы, так ей себя, бедняжечку, стало жалко. Потом ее всю вымазали какой-то отвратительно вязкой гремучей смесью, зачерпнув пригоршню из большого хрустального флакона, причем, Лада, с опаской снося весь этот тихий ужас, и понятия не имея о его составе, успокаивала себя тем, что «в такую красивую бутылочку всякую фигню не нальют». А последние полчаса показались ей сушей пыткой: пока пальцы визажиста нежно наводили красоту на ее лице, Лада, не видя себя в зеркале, сгорала от нетерпения, предвкушая умиление при виде себя – писаной красавицы. Подобное изощренное наказание для незадачливых автомобилистов, как однажды написал Ладин родимый журнал «Альфа и Омега», разработали душегубы-автоинспекторы в одном из европейских городов: бедных нарушителей дорожного порядка они додумались оставлять наедине с кучей очаровательных шляпок неопикуемых расцветок и фасонов, но – о, ужас! – там не было ни единого зеркала! Ибо, как решили эти изверги, что может быть ужаснее для женщины, нежели, сознавая свою привлекательность, не иметь возможности увидеть это воочию? Лада точно не знала, правда это или нечто вроде рождественской страшилки, однако, факт остается фактом.

Лада шла по умытым улицам Пейнтонна, и в его дорогих, бьющих наповал своей роскошью и расточительством витринах отражалось исходившее от ее переливчато-рыжих, спирально закрученных локонов сияние, причем, как она заметила, каждый локон ей разделили на прядки и тонировали отдельно в свой неповторимый оттенок рыжего: от светло-золотистого до огненно красного. И вместе с ними сияла от неопикуемого восторга сама Лада, ибо как это избито ни звучит, реальность превзошла все ее ожидания. При каждом движении ее новенькие с иглочки волосы блестели и переливались яркими сплохами, подчеркивая, как это было первоначально задумано и заложено ею в своем реестре, чистоту ее цвета лица, глубину ее зеленых глаз и прозрачность ее нежной кожи. А ее глаза, искусно подрисованные визажистом, теперь не были глупо растопырены как у полоумной козы, заблудшей в чужом огороде, а являли взору желание очаровывать, соблазнять и завоевывать; такие глаза ей даже стало жалко прикрывать темными очками, хотя солнце нещадно било в лицо, поэтому она шла, лишь томно опустив веки и ошущая каждым нервом и каждой клеточкой острое чувство радости бытия. Сегодня она убедилась: мечты сами собой не сбываются, они любят, чтобы их осуществляли или, если хотите, реализовывали. Столько хотела, а сегодня пошла и в два счета сделала. Вот таков ее «ответ Чемберлену!» Лада шла и вспоминала – откуда взялась эта безумная идея: стать рыжей? Все очень просто: хотя это и отдает фрейдизмом, но откуда же еще, как не из детства!

Обладательницей подобных рыжих локонов была кукла – холеная француженка Мадлен, веяниями Бог весть каких ветров занесенная в ташкентский «Детский Мир». Она была куплена Ладиним дедом и в один из новогодних праздников преподнесена внучке вместе с непременно билетами на елку и целым ворохом сладостей. Это сказочное творение кукольных дел мастеров предстало пред Ладиним взором в пятнистой картон-

ной коробке, изнутри выложенной папиросной бумагой с филигранным узором и подбитой настоящими кружевами, источающими тончайший французский аромат. Кроме ярко-рыжей копны волос у Мадлен были изумрудные кошачьи глаза, аккуратный прямой носик, задорное платице салатного цвета, беленький складчатый воротничок и парчовые зеленые туфельки с искрой, отороченные по краю лебяжьим пухом.

А роскошные, блестящие и гладкие, как золотое руно, упакованные в сетку локоны Мадлен не развились и не потускнели даже после многократного мытья всевозможными шампунями – советскими и дорогущими импортными! И поскольку попала Мадлен к Ладе в том возрасте, когда руки, ноги и головы куклам уже не вывинчивают, шкодность Лады ограничилась лишь тем, что она несусветно разрисовала фломастерами ее кукольное личико. Ну и намучилась же она; с нее тогда семь потов сошло, так она старалась! Сие творчество у нее называлось «татуаж»: ярко-розовые перламутровые губки сердечком (здесь одним фломастером дело не обошлось, понадобился также лак для ногтей), бледно-лиловые скулы, нитевидные брови вразлет, ярко-синие веки, жгуче-черные «стрелки», топорщащиеся ресницы – стандартный набор красоты девочки-подростка. Они и выросли вместе с Мадлен: вместе балдели, слушая «итальянцев»; вместе бесились и скакали под виниловый диск «Арабесок»; сначала училась накладывать макияж Мадлен, следом за ней – Лада; Мадлен первой примерила мини, затем на мини перешла Лада.

А Вероника растет пацанкой и куклами не интересуется вовсе. Недаром Лада любовно прозвала свою шалунишку «Огневушкой-поскакушкой»; ее удел – это всевозможные прятки, догонялки, «классики», «войнушки», «казаки-разбойники», велосипед, самокат, мячи и прыгалки, что сама Лада всегда всячески в дочери поощряла, опасаясь, как бы ее единственное сокровище в отсутствии твердой отцовской руки не выросло тихоней и мямлей. Ибо от деда, собственного Ладиного отца, толку не было никакого – он вместе с Ладиной мамой Забавой сидел на золотом прииске в Мурунтау и в Ташкент выбирался раза два в год; а от прадеда – тем паче: Лада не встречала человека, более нежного и ласкового.

Мадлен до сих пор жива-здоровая; она лежит себе преспокойненько в своей пятнистой картонной коробке на антресолях, укутанная в филигранную бумагу и кружева, до сих пор источающие тончайший французский аромат, соблазняя Ладу всякий раз, когда она случайно на нее натывается, своей роскошной рыжей гривой. Все мы родом из прекрасной, навеки потерянной страны своего детства, и – видит Бог! – быть покорной рабой своих детских желаний и капризов – не так уж это и плохо!

В отель Лада возвращалась не на автобусе, опасаясь измять о высокую спинку сидения свои свежеепеченные локоны, а, исполнившись молодецкой удали, на прогулочном морском трамвайчике. Причем, за всю дорогу она ни разу не присела, а, поднявшись на самую верхотуру – подальше от морских брызг, - стояла там, палимая солнцем и обдуваемая ветром, неподвижная как изваяние, в позе завоевателя. Ее пламенные локоны, гордо и благословенно, как флаг «веселый Роджер», полоскались по ветру, пока трамвайчик, обогнув все прибрежные скалы и утесы, благополучно не причалит к молу, а добродушный бриз-озорник нежно трепал и гладил, и ласкал, и тискал их, но не помял и не попортил ни единой кудряшки.

Весь день погода благоволила Ладе; и надо было как раз именно в тот момент, когда она, счастливо высадившись на песчаный пляж, весело взбиралась по широкой мраморной лестнице, и до отеля было совсем рукой подать, начаться дождю. Деваться было некуда, и Лада сломя голову побежала к отелю.

Спасая в первую очередь голову, Лада не замечала, что хлопает по лужам, еще с ночи скопившимся по обочины, и что сильные дождевые струи, отскакивая от дорожного покрытия, бьют ее по голым шиколоткам. Очень скоро от воды и грязи у нее намокли и сползли завязки на босоножках, веревочная подошва набухла и вмиг сделалась неподъемной, а по лицу потекло что-то отвратительно липкое и едкое: то ли дождевые капли, то ли – о Боже! Какой ужас! – ее дорогущий макияж. Вот уже и ее платье все насквозь мокрое облепило Ладу так, что противно и шаг ступить; дождь попал ей за шиворот и течет по спине гадкими холодными струйками, а откуда ни возьмись налетевший ветер надул намокший подол ее юбки колоколом, и он судорожно забился в истерике и захлестал как мокрый парус.

Наконец-то, отель! Вот и нарядный мраморный портал, и две понурые, как бездомные псы под дождем, пальмы, и галантный швейцар – не тот, обладатель великолепных бровей, что встречал ее в день приезда, а другой, его сменщик, с прической под бравого красного командира Котовского и целой дюжиной подбородков, что вкупе с упитанной рожей и мясистым носом цвета борща со сметаной делало его похожим на снеговика, только слегка оплывшего снеговика. Предварительно испепелив Ладу взглядом и дав ей понять, как он раздосадован ее внешним видом, он отсалютовал ей и, наклонившись вперед всем своим грузным туловищем, поудобнее устраивая свой радикулит, возмутительно небрежно придержал дверь. А потом еще долго смотрел укориженно, как с этой

рыжей негодницы на чистый мраморный пол струйками стекает вода. От его ледяного взгляда у бедной Лады даже все похолодело внутри. Ах, какой ужас! Она испортила их драгоценный пол! Сейчас она со стыда сквозь землю провалится! Ничего, переживете. И нечего на нее так смотреть – только этих взглядов ей еще и не хватало! Боже, будь милостив, избавь ее от этого грозного василиска!

Проливной дождь за спиной Лады хлестал по крышам и открытым террасам и водопадом низвергался из водостоков, моментально превратив нарядную эспланаду в грязевой поток, райские уголки сада, спасовав перед грозной стихией, обратились ни во что, а нежная и мягкая мурава на газонах потонула в глинистых помоях.

У двух прозрачных лифтов скопилось порядочно народу – видно, дождь загнал в отель не одну Ладу. «Похоже, прибежали прямо с пляжа», – подумала она, разглядывая наспех одетую во что ни попадая публику. Двери то и дело распахивались, впуская новичков, и тогда ноги обдувало холодной сыростью.

Выбрав издалека место, где, как ей показалось, промокнувшего люда было поменьше, Лада заспешила туда, тяжело загребая ногами, ибо набухшие босоножки повисли колодками, так что не сделать и шага; при этом холодок снова прошелся меж ее лопаток, а ее юбка, еще недавно так соблазнительно колышущаяся вокруг ее бедер, теперь вся насквозь пропитанная дождем, облепила ей ноги отвратительно холодными и скользкими складками.

Зароком фешенебельности отеля служил круглосуточный бар с вращающейся барной стойкой и частоколом из худосочных пластиковых пальм. Бар носил звучное термоядерное имя «Атолл Бикини» и занимал место парадной вещи в красном углу – как раз между двумя лифтами. Вот из-за этих самых убогих пальм и появился вдруг – кто бы вы думали? – Семен Абрикосов, и вид у него был на удивление чистый, сухой и самодовольный. Снова Семен! У него была прямо-таки мания – появляться ниоткуда, как снег на голову, как раз тогда, когда она к этому не готова и меньше всего этого ожидает.

Раздраженная внезапным ливнем, воображаемыми разборками со швейцаром и людской разноголосицей, Лада негодовала; в какой-то момент она даже напрочь забыла о своих пламенных волосах, и ее внутреннее напряжение уже готово было прорваться наружу. Она почувствовала, как кровь отлила от ее сердца и прилила к щекам и без того пунцовым от быстрого бега. Вновь искушать судьбу? Нет, нет и нет! Это не по ней! Да чтобы она, Лада Коломенцева, дважды вступила в одну и ту же реку? Не бывать этому никогда! Она и сама знает, что выглядит как мокрая курица, поэтому совершенно необязательно так на нее смотреть. Дух противоречия опять разыграл в Ладе, и поэтому на всякий пожарный случай она решила держаться вызывающе, тем более в глазах Семена она усмотрела плохо скрываемую усмешку или так, по крайней мере, ей показалось.

Внезапно мокрая и торопящаяся по своим делам толпа, плечом к плечу сплотившаяся у входа в лифт, расступилась, и среди неожиданно наступившей тишины – как это часто случается в толпе – она услышала его голос:

– Лада! Привет! И тебя тоже угораздило попасть под дождь... Вид у тебя – будто ты свалилась с обрыва.

Лада по инерции решила обидеться и ошетиниться, но тут невесть откуда взявшееся угрызения совести – и откуда только это берется? – безоговорочная решимость растаяла как утренний туман.

– Привет, Семен! Я оценила твою шутку... – сказала Лада и облизнула запекшиеся губы, а дождь продолжал струиться по ее щекам. Беспомощная и потерянная, совсем как ребенок, она машинально отерла щеки, оправила и взбила поникшие кружавчики на платье и с деланным безразличием уставилась на свои босоножки, но потом совсем смешалась и ни к селу, ни к городу вдруг ляпнула:

– А как ты сам? Как Стоунхендж? Все еще стоит или его смыло дождем? Я забыла... или ты ездил на свидание к Несси?

И улыбнулась вымученной улыбкой.

Он стоял перед ней в белой рубашке с графическими узорами и черных брюках (черное и белое – азбука стиля), а его внимательные и проникновенные голубые глаза – ах! эти честные и наивные голубые глаза! – в которых смешалось все: и насмешка, и сочувствие, и недоумие, и радушие, и что-то еще, пока не разгаданное ею, рассматривали ее так, словно видели впервые, и нигде на земле не было глаз пронзительней и беспощадней этих, и нигде на земле не было глаз, подобных этим!

(Продолжение следует)

НОВЫЕ ИМЕНА

Лина УСПЕХОВА

(Полина Переверзева)
Родилась в 1976 году.
Юрист. Работает менеджером по связям с общественностью. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые. Живет в Ташкенте.

КАК ВО СНЕ

Я долго уговаривала Альку взять меня с собой.

– Ну, что ты там будешь делать? Соберутся все взрослые, мы будем отдыхать, а тут за тобой следи, чтоб не напилась, чтоб не утонула. Оно мне надо?

– Альбиночка, ну, пожалуйста. Ты же знаешь, я не пью и плавать умею, я вам совсем мешать не буду. А то маме расскажу, что ты там пить собираешься, – пошла я на шантаж.

– Ну, ты и сволочь, Златка.

– Пожалуйста! – умоляюще сложила я руки.

– Ладно, собирай вещи, только чтобы мама ничего не знала, и о том, что там будет, тоже – молчок. Поняла?

– Альбиночка, ты самая замечательная сестра. Я ничего не скажу, обещаю!

И я побежала упаковывать вещи.

Мы выехали рано утром и оказались на даче около десяти. Солнце припекало, но воздух был свежим и бодрящим. Дача Альбиной подруги утопала в зелени, вдоль забора росли цветы, их аромат кружил голову. До сих пор не могла поверить, что меня взяли с собой. Тут, правда, соберутся все взрослые, но я привыкла, что на меня мало кто обращал внимания. Тем более Альбины друзья. Конечно, кто посмотрит на толстенькую коротышку. Пусть у меня золотистые волосы были ниже спины и глаза цвета синего неба. Но и эти достоинства трудно заметить, потому что волосы всегда заплетены и свернуты узлом на затылке, а глаза прятались за линзами очков.

Одним словом, я свыклась с мыслью, что в мою сторону не смотрят мальчики, а девочки могли проявлять разве что снисхождение.

В прошлом месяце мне исполнилось шестнадцать, многие знакомые ровесницы уже встречались с парнями, но меня это обошло стороной. Ни один мальчик не подходил ко мне, никто не предлагал дружить, а тем более встречаться. Я давно научилась не грузиться этим, жила в своем выдуманном мире и очень любила читать. Читала все подряд. Книжный мир фантазий спасал меня от безрадостной реальности и скучных будней. Но порой все же требовались новые впечатления. Обычно летние каникулы я проводила дома, но в этот раз захотелось вырваться из четырех стен и побыть на природе, поэтому-то и уговорила сестру взять меня с собой.

Моя сестра Альбина была полной моей противоположностью. Высокая, стройная, с короткой мальчишеской стрижкой, она и сама была, как мальчишка, подвижна и инициативна. От ухажеров отбоя не было. Разница в возрасте у нас всего три года, но друзья у Альбины все взрослее ее, поэтому и она сама казалась старше своих лет.

В этот раз ее подруга Света решила пригласить друзей к себе на дачу в выходные. Всего должно быть человек восемь,

я оказалась девятой. То есть четыре пары, и я в придачу. Света сначала поморщилась, увидев меня, но потом махнула рукой. Пусть, мол, остается, ее и так не замечают, а здесь тем более никто не обратит внимания.

Расположившись в доме, я переоделась и вышла на улицу. В этот момент как раз приехали остальные ребята. Олега и Мишу я знала, Олег клеился к моей сестре, а Миша уже полгода встречался со Светой. Кроме них прибыли еще две пары. Две девушки брюнетки были очень похожи друг на друга. Альбина сказала, что это две сестры близняшки – Маша и Саша. С ними приехали двое парней. Один худенький, с коротко стриженной круглой головой. Он был вроде ничего, но мне не понравилась его надменность. Другой, статный, темноволосый, с темными, почти черными глазами. Одет он был в джинсовые шорты до колен и свободную майку. Одежда простая, но выглядел он как модель из глянцевого журнала. Что-то в этом парне притягивало. Но, по сути, какое мне до этого дело? Как потом я узнала, звали их Слава и Кирилл.

* * *

Усевшись в уголке сада с книгой, я наслаждалась единением с природой и краем глаза наблюдала за остальными. Вот девушки занялись приготовлением еды, накрывали на стол и резали салат. Мишу сделали ответственным по шашлыку, и он, с вымученным видом, переворачивал палочки и следил за огнем. Олег и Слава уже кружили возле стола, разливая пиво по стаканам и раздавая их присутствующим. В этот момент я увидела Кирилла, он подошел к бассейну и, немного подумав, снял с себя майку и шорты, оставшись в плавках. Я даже рот открыла. У Кирилла была потрясающая фигура. Стройное подтянутое тело с рельефом мышц, а на плече красовалась татуировка в виде каких-то иероглифов. Вытянувшись, он резко прыгнул в воду. Я не знаю, что со мной произошло, но я ощутила сначала восторг, потом тоску. Может потому, что, несмотря на недостаток общения с мужчинами, чувство восхищения ими было мне не чуждо. Кирилл был так красив, что я вдруг испытала боль в сердце. Мне никогда не быть с таким парнем. Он даже не посмотрит в мою сторону и не заметит, как и все остальные. Но хотя бы на одно мгновение представить, как он касается меня, проводит по волосам рукой, убирая выбившийся локон. От этих мыслей я вся задрожала, но тут же одернула себя: «Прекрати, что за глупые фантазии, такого никогда не будет, никогда». Я отвернулась от бассейна и углубилась в чтение. Но буквы сливались, на глаза наворачивались слезы. Вот одна слеза, скатившись по щеке, упала на бумагу, образовав желтый ляп. Трудно было оставаться на месте, я встала, захлопнула книгу и пошла по дорожке, которая, выпустив меня через сетчатую калитку, уходила в сторону небольшой роши. Вскоре я вышла к озеру. Тут было райское место. Плакучие ивы, склоняясь над водой, образовывали зеленые гроты. Пахло зеленой и свежестью. Я присела на плоский камень и снова раскрыла книгу. Не знаю, сколько так просидела, то любящая окружающей природой, то углубляясь в чтение. Только постепенно окрестности окрасились в багряный цвет заката.

Услышав хруст ветки за спиной, я обернулась и увидела идущего Кирилла. Сердце екнуло.

– Привет! – сказал он.

– Привет, – тихо ответила я, смущаясь.

– Тебя сестра потеряла.

– Что со мной может случиться, да и зачем вам мешать?

Я не верила, что Кирилл заговорил со мной, что он вообще меня заметил.

– А почему ты думаешь, что будешь мешать?

Я грустно усмехнулась.

– Кому я нужна? Странно, что вообще обо мне кто-то вспомнил.

– Какое-то у тебя подавленное настроение, никакого позитива.

– Ну почему, позитива хватает, стоит оглянуться вокруг и понять, что жизнь прекрасна.

Кирилл действительно осмотрелся. Закатное солнце играло на зеленых листьях, отражалось бликами в озере, делая его волшебным. Зрелище было удивительно сказочным.

– Ты права, у тебя здесь оказывается даже веселей чем там, – и он кивнул в сторону дачи. Я удивленно посмотрела на него.

– Ты здесь не замерзнешь, сидя на камнях? – заботливо спросил он.

– Когда замерзну, вернусь в дом и лягу спать.

– Ну, тогда не задерживайся, я передам Альбине, что с тобой все в порядке.

Он еще какое-то время постоял, словно хотел что-то сказать, но передумал и ушел.

* * *

На следующий день, встав раньше всех и позавтракав, решила снова отправиться на берег озера. Подойдя к воде, я заметила лодку, она вынырнула из-за деревьев, в ней был Кирилл.

– Привет! – помахал он.

Неужели это он мне? Я даже обернулась для верности, может, за спиной кто-то стоял? Нет, мы были одни в этот ранний час.

– Ты чего, так рано встала?

– Я всегда так встаю, а ты почему не спишь?

– Грех зря время терять. Вот у местных лодку взял. Решил по заводям прокатиться. Хочешь со мной?

Потеряв дар речи, я неловко замялась и неуверенно кивнула.

– Иди к тому камню, с него удобнее в лодку влезть, – направил он меня.

Все еще не веря, что это происходит со мной, подчинилась его указаниям.

Кирилл протянул руку и помог взобраться на борт неустойчивой посудины. Шагнув и потеряв равновесие, полетела на парня. От прикосновения к мужчине, да еще к такому, меня охватил жар и щеки вспыхнули огнем. На какое-то мгновение мы оба замерли. Я боялась даже взглянуть на Кирилла, а он все еще держал меня за плечи.

– Садись сюда, – наконец, отпустив, показал он на деревянную скамейку.

Я, словно подкошенная, рухнула на скамью. Кирилл налег на весла, и лодка понеслась, огибая ближайшую иву.

– Нас не будут искать? – вдруг спохватилась я.

– Нет, Саша раньше полудня не встанет, а остальным и без нас будет чем заняться.

– Саша твоя девушка? – почему-то спросила я.

– Мы дружим, – кратко ответил он, и, немного помолчав, спросил. – А ты, почему одна приехала?

– Мне не с кем, у меня нет парня, – опустила я голову, смущаясь.

– Правда? А почему?

– Мужчины на меня не обращают внимания, – еще больше краснея, ответила я на его вопрос.

– И... ты никогда ни с кем не встречалась?

Кирилл казался удивленным.

Я отрицательно замотала головой, стараясь по-прежнему не смотреть на него.

– И не было первого поцелуя, гуляний под луной?

Я продолжала мотать головой.

– И... что ты сама об этом думаешь?

– Ничего, я смирилась, – наконец выдавила я.

– Ты не должна с этим мириться, – возмутился он. – Ты хорошая милая девушка, не позволяй задвигать себя в угол.

Тут я, наконец, подняла голову и посмотрела на него.

– Ты действительно так думаешь? – спросила я.

– Да, – серьезно ответил Кирилл.

– А ты бы посмотрел на меня, ты бы заинтересовался мной как женщиной?

И откуда только смелость взялась?!

Кирилл без тени улыбки смотрел на меня. Может, в моих глазах он видел то отчаяние, которое я пыталась долгое время скрыть ото всех, даже от себя. Или страх перед чем-то новым, неизведанным.

Слезы струйками стекали по моим щекам, и не было сил сдерживать их.

– Я не тот, кто тебе нужен, – глухо сказал он.

– Почему? Хотя можешь не отвечать, и так все очевидно.

– Что очевидно?

– Ты такой... такой красивый, а я... кто я? Толстая очкастая дурнушка!

Я отвернулась и закрыла лицо руками, не в силах больше сдерживать поток слез.

Лодка пристала к берегу. Кирилл отнял мои руки от лица и потянул за собой.

– Пойдем.

Он помог мне выбраться из лодки и, не отпуская руки, поташил за собой. Возле воды росло несколько ив, образовавших сплетением ветвей что-то вроде естественной беседки, скрывавшей от посторонних глаз тех, кто мог находиться внутри. Вот туда и вел меня Кирилл.

Когда, раздвинув ветки, мы оказались внутри, я вырвала руку и отошла от парня, встав к нему спиной. Сердце бешено стучало то ли от быстрой ходьбы, то ли от волнения.

Он подошел сзади и, взяв за плечи, повернул к себе. Аккуратно Кирилл снял с меня очки и положил в карман. Потом распустил волосы, скототые заколкой. Они дождем рассыпались по плечам и спине. Я почувствовала на лице его ушаченное дыхание и замерла, боясь поднять на него взгляд. Но Кирилл, взяв за подбородок, приподнял его и заглянул в глаза. Под этим взглядом я впервые в жизни почувствовала себя настоящей девушкой, которая может нравиться, обратить на себя внимание. Его черные глаза обжигали, и в то же время взгляд был невероятно нежен. Сердце сжалось, и миллионы иголок рассыпались по всему телу. Медленно, словно боясь, что наваждение исчезнет, я подняла руку и коснулась его щеки. Без очков черты его лица были слегка размытыми.

– Какие у тебя потрясающие глаза, – замороженно прошептал он. – Злата. Это имя тебе действительно очень подходит. Ты мягкая, нежная, твои волосы блестят, как золото. И ты вся словно светишься.

Кирилл шептал, медленно наклоняясь ко мне. Вот его губы коснулись моих. Я затаила дыхание. Вернее, вовсе забыла, как дышать. Поцелуй был легкий. Его губы, оторвавшись, коснулись щеки, потом виска, глаз.

– Не плачь, почему ты плачешь?

Я и не заметила, что слезы ниточками струились по моему лицу.

– Все будет хорошо. Верь мне.

Слегка подтолкнув к стволу дерева, он аккуратно облокотил меня на него. Я была податливой, как пластилин, и ничего не могла с собой поделаться. Да и зачем что-то делать? Этот парень просто заморозил меня.

Обхватив ладонями мое лицо, Кирилл снова потянулся к губам. На этот раз его дыхание слилось с моим, губы в полной мере ощутили вкус его губ, сочный, мягкий, как вкус спелых вишен. Первый поцелуй, первое прикосновение, первая ласка. Все было впервые. Впервые я открыла для себя струны своего тела, которые звучали в унисон со струнами моей души. Кирилл, как умелый музыкант, играя, создавал вечную музыку Вселенной. Голова кружилась, и я не могла оторваться от целовавших меня губ.

– Вот видишь, ничего страшного нет. Ты очень красивая и сексуальная. Твои губы дарят восторг и блаженство. Счастливым будет тот, кто тебя полюбит. Кого полюбишь ты.

– Я тебя люблю, – прошептала я.

– Я не тот, кто нужен тебе, я уже говорил.

– Точнее, ты меня не хочешь, – я опять почувствовала отчаяние.

Кирилл прищурился и странно улыбнулся, после чего резким движением притянул к себе и заключил в объятия, снова припав к губам страстным поцелуем. Голова шла кругом, земля уходила из-под ног. Отстранившись, Кирилл улыбнулся и тихо прошептал.

– Еще как хочу. Еще один такой поцелуй, и я могу не сдержаться, но этого делать нельзя.

– Почему? – с тоской прошептала я.

– Ради тебя. Ты чистая, нежная. Я не могу все испортить. Но ты потрясающая девушка и можешь вызвать в мужчине трепет, волнение и желание. Главное, чтобы ты почувствовала себя такой. Осознала, как замечательно быть такой чувственной и красивой.

– Я красивая?

– Очень! Таких синих глаз я еще нигде не встречал, больше не прячь их.

– Но почему не ты?

– Я хорошо себя знаю. Знаю, что не способен на серьезные отношения, уж слишком люблю свободу. Я просто недостоин тебя, моя милая. Поверь мне и держись от таких парней подальше. Отношения с такими счастья не приносят. Они несут только боль и разочарование. Помни это, и береги себя. И еще, не путай любовь с желанием. Это разные вещи.

И, выпустив меня из объятий, Кирилл добавил:

– А теперь нам действительно пора, иначе я за себя не ручаюсь, – улыбнулся он и, обняв меня за талию, повел к лодке.

* * *

Когда мы вернулись, все только просыпались, никто даже не заметил нашего отсутствия. Что ж, может, оно и к лучшему. Пусть это останется моей тайной, нашей тайной.

Теперь я ощущала себя другой. Кирилл словно раскрыл меня, как раскрывается цветок, из бутона превращаясь в прекрасную розу. Я больше не боялась.

Альбина со Светой недоуменно смотрели в мою сторону, когда, уложив волосы в причёску и сняв очки, я ходила с загадочным видом до самого вечера, лоя, как ни странно, заинтересованные взгляды мужской половины нашей компании. Теперь почему-то все обращали на меня внимание. Может Кирилл был прав, я сама виновата в том, что так обделила себя, замкнулась, уверенная в том, что совершенно никому неинтересна?

Вечером, когда машина с близнецами, Славой и Кириллом была готова к отъезду, Кирилл подошел ко мне и, слегка ушипнув за щеку, сказал.

– Никому никогда не позволяй задвигать себя в угол. Будь той, кем ты есть на самом деле, а ты, Злата, замечательная, чудесная девушка. Не забывай об этом.

Машина уезжала, увозя Кирилла. Я знала, что никогда больше не увижу его. Знала, что первое чувство к нему останется надолго, может быть, навсегда. И я была благодарна Кириллу за то, что это благодаря ему я узнала, какой я могу быть красивой, женственной и желанной. Кирилл первый, кто разглядел меня. Жаль только, что он не для меня. Но теперь я была уверена, что найдется человек, который меня полюбит, и которому я отвечу взаимностью.

НОВЫЕ ИМЕНА

Анна БУБНОВА

Родилась в Ташкенте. Окончила Республиканскую школу изобразительных и прикладных искусств, Республиканский колледж им. П.Бенькова. Работает в молодежном театре художником-декоратором. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Любовь беззвучная, первая и отчаянная...

* * *

Мысль о тебе колючая, мед-лен-на-я и тягучая,
Тянушаяся обнять плечи на уровне моих губ;
Растущее неспешно, от случая к случаю,
Желание возвести твою нежность в куб;
Тоска по тебе, дикая и дремучая,
Священная и случайная;
Все это тоже любовь – беззвучная,
Первая и отчаянная.

* * *

Моя суть неизменна. Чередуются формы:
минерал, растение, зверь,
человек.
Берег Евфрата, берег ли Сены,
Хребет ли горный,
Просвет оконный...
Индеец – индиец – чех.

Я – один. Я одно и одна.
Прокажено-просветленна,
Вероломно себе верна.

* * *

Стоит Город на семи холмах
столетий, наверное, сорок,
разрастается на равнинах и косогорах.
Дышит Город, рекою вспорот,
жив, горд, бесконечно молод,
обложен сетью водозаборов.
Город поэтов и мониторов,
жмурятся фонари, подмигивают светофоры.
Живи еще сорок веков, Город семи соборов.

* * *

В воде отражается проседающая крыша мира,
Я, бросив весла, ложусь на дно лодки.
Пульс нитевидный.
Голос смеется – лежи смиренно.
Минута до твоей остановки.
Новая точка сборки.

* * *

Я запомню тебя таким – на берегу зимнего моря,
 Выпускающим стаи кричащих чаек из глубин самого себя.
 Запомню утесом, разбивающим в пену волну прибоя,
 Приютившим в объятьях нервные стайки сазанов и сомят.
 Я запомню тебя величавой волною;
 Капитаном старинного парусного корабля;
 Бездомным мальчишкой с бессмертной душой,
 Хохотавшим над тем, что можно, чего нельзя.
 Запомню тебя диким зверем, лижушим мне лицо;
 Варившим на кухне кофе, с безупречным пробором волос,
 Листающим томик Эдгара Аллана По...

Я поздно заметила, как глубоко ты в меня пророс.

* * *

Я сижу в интернете сутками
 Или оффлайн неделями напролет,
 Девочки напропалую величаются суками,
 Все проходит, и это, конечно, пройдет.

В глаза лезут статьи на злободневные темы,
 Верить им повода нет мало-мальски веского.
 Потому я в подписчиках лишь на Discovery и поэтов,
 И Навальному всегда предпочту Достоевского.

Я рискну бороться не за чей-то памфлет,
 Но – против ада бессмысленной жизни.
 Я за то, чтобы каждый ребенок имел по два пуда конфет,
 Чтоб всегда были солнце и небо!
 А под небом, пусть и недолго, побудем и мы с ним.

* * *

Февральским холодом пропитана,
 В июльском гвалте неслышна,
 Словами тихими добита Я,
 Ну а Она – Любовь – жива!
 Смелеют руки, держат крепко,
 А я пишу все не про них...
 На сердце крохотная метка –
 Любовь живее всех живых!

* * *

Тишина между нами священна
 несовершенна, сокровенна
 обволакивает морской пеной
 растворяет в спящей Вселенной
 соединяет нас в пустоте.
 Тишина диссонансна и этим бесценна
 несовременна, благословенна
 глубока и бесцветна
 надменна, бессмертна
 бессменна в своей правоте.

* * *

Я вписана в книгу Джунглей, написана ею,
 Каждый миг понимаю – понять ничего нельзя.
 От этой мысли пуше вина хмелею,
 Не оставляя попыток выпить ее до дна.

Жаль – уже никогда не будет такого неба,
 Что сверкает над нами росписями картин,
 Уже ни к кому не будет такого света,
 Рвушегося из глаз в глаза твои.

Даже эти глаза станут старше – увы и ах.
 Сгинут в просторах времени жизнь и смерть,
 Обозначая резче полнейший крах
 Нашего с тобой решения – не взрослеть.

* * *

Осень. Мой ноябрь остужает город.
 Он не нравится, наверно, никому –
 Ветер, ливни, снег, собачий холод –
 Ну, а я его по-прежнему люблю.

С каждым ноябрем – немного старше,
 Вот не знаю – повзрослела или умерла.
 Все плывут, плывут, плывут воспоминаний баржи
 По разливам вечных рек внутри меня.

Твое имя отдается болью в глотке,
 Колокольчиком цветет в моих садах...
 С радостью бы утопила в самой утлой лодке
 Свой ночной кошмар – тебя. в чужих руках.

* * *

Я бы хотела все тебе рассказать,
 Вкрадчивым голосом, трогая за душу,
 Но у меня один талант – вовремя убегать,
 Прячась то в старом парке, то в заброшенной ратуше.
 Я бы хотела быть найденной, обнятой и спасенной,
 Но кому нужна та, которую – искать-обнимать-спасать...
 Нынешним рыцарям – на каблуках и с короной бы,
 И чтобы могла сама за себя постоять.
 Я же загнанный в угол, ошетинившийся зверек,
 Сжимающий последнюю драгоценность в лапках,
 Исходивший вдоль и поперек тысячи тысяч дорог.
 Драгоценность – громкое слово, на деле – вот эта тетрадка.

* * *

На границе нас с тобой – двух миров –
 Среди жителей царит хаос.
 Они могут пересекать ее без штампов и паспортов.
 Солнечное сплетение в твоём предчувствии сжалось.
 Паромы приходят перегруженные
 И сотни микрочастиц бегут с пожитками через границу,
 Минуя заставы, до основанья разрушенные,
 Сговорившись соединить нас, сделать похожими лица.
 Словно им недостаточно одной на двоих души,
 И необходимо – одно на двоих – тело.
 Нам бы хватило – одной на двоих – весны,
 А теперь мы не знаем, что с нею делать.

* * *

Корабль бессмертной памяти, врезавшись в горизонт,
 разлетается темными птицами.
 Я служила тебе спасателем, раскинув зеленый зонт,
 развлекала тебя столицами.

Мне вернется сторицею, ну а пока я пишу тебе,
 вымокнув в красном полусухом.
 Фиолетовый бант сменила вуаль,
 тень ее нешадно решетит лицо.
 Ты – холодный нательный крест, ямочка на подбородке
 и взьерошенные вихри темных волос.
 Тебе бы в романах Ремарка рассуждать негромко,
 теребя изящными пальцами трость.
 Я – светлые кудри, разметавшиеся по плечам,
 корсет на тугой шнуровке,
 Родинка над губой, кровь обжигаете горяча!
 Типичный пример чертовки.

* * *

Здравствуй, осень.
 Я кочую из комнаты в комнату.
 Я приветствую молча тебя.
 Поголовно простуда всех косит,
 а мое тело просит дождя.
 Я ждала тебя, просто не зная,
 что скучаю по красной листве,
 По маршруту речного трамвая,
 по первому снегу – в постель.
 Ты врываешься ветром холодным
 в разбитые окна души.
 Сметай все кордоны,
 осень,
 опустошай меня и круши!

* * *

Осторожно касаюсь бритвой твоих краев...
 Ты в черном пальто кормишь прибрежных птиц.
 Была бы смелость – упала бы ниц,
 И, застынув, слушала, как море поет –
 Задумчиво и негромко, как твои дорогие колонки,
 Оно напевает под шум толпы...
 Я писала картину мира – в ней проявился ты,
 А вместо меня чудовишная воронка.
 Ты все еще прячешь меня в душе,
 Душу – в самой гуще узких зрачков,
 Глаза – за стеклами солнцезащитных очков,
 И ненавидишь любовь – как обезличенное клише.

* * *

Насколько растерян взрослеющий поэт?
 Посмотри на него, приглядиись.
 Линии губ и бровей, трещины глаз
 – а между –
 пустоты – предвестники пауз.

* * *

Совпадением их губ,
 созвучием тел
 написан ветхий завет.
 Богоискатель,

Богостроитель,
Проситель
Ее прошения Адам,
променявший
богослужение
на прихоть жены.
Навеки слитые воедино –
навек грешны,
но и в изгнании не лишены души.

* * *

Лестница в небо – все,
что осталось от здания.
лестница в небо
останется и от меня.
и буду в протертых джинсах
ставить за здравие;
и буду стоять на последней ступени
к твоему царствию
в ожидание переиздания,
родства не помня,
быть может, уже сегодня.

* * *

Укутанной в воды,
мне суждено полахать.
Бесстыдно выпалывать всходы,
хотеть свободы,
пересыхать.
Искать
во всех и через все – себя.
В абсолютной пустоте,
безмятежной чистоте,
беспредельной наготе –
Вот он я.

НОВЫЕ ИМЕНА

*Из солнечных лучей сложу
большой костер...*

* * *

Уйти от всех забот в степные дали,
Моля о помощи Норд-Ост или Борей,
И раскричать названия всех печалей,
Чтоб ветер их унес за сто морей.

Очистить мысли от недобрых слов,
Чтобы уйти от негативной силы.
Вдохнуть дрожанье полевых цветов,
Таких простых и бесконечно милых.

Из солнечных лучей сложить большой костер.
И сжечь все старые, убогие обиды.
Снимая старый грим, становится актер
Самим собой, а роль уже забыта.

Забыть. Простить. Начать себя с нуля.
И снова выйти на подмостки.
Как смело в виртуальные поля
Выходят дерзкие и умные подростки.

Нельзя из памяти доверчивой стереть
Лишь солнца свет и первый посвист птицы.
Я нынче должен непременно помереть.
Чтоб завтра заново родиться.

Рассвет

Ночную мглу отбросило Светило,
С востока купол неба приподняв.
И красоту земную обнажило,
Едва лишь горизонт ее заняв.

Бодрящий ветер с трепетом ласкает
Верхушки кленов ,нежно беребя.
– Пора, проснитесь, утро наступает. –
Так мать ласкает спящее дитя.

А свет все шире, шире в полной мере.
Вот проявились Речка и Лесок.
И солнце, как художник на плэнере,
Кладет еще один божественный мазок.

Олег КОТЕНКОВ

Родился в 1950 году в Ташкенте. В 1972 г. окончил Ташкентский Политехнический институт. Инженер-гидроэнергетик, печатался в республиканской периодике, в «Звезде Востока» публикуется впервые.

Свет говорит им, солнцем озарённым:
– Наденьте плаш. – Помилуйте, какой?
– Его превосходительство – Зеленый.
– Ее преосвященство – Голубой.

Плеснув по отмелям, ворчит Река-кокетка:
– Такая рань – а спать уже не сметь.
И жалуется Мельнице соседке:
– Ах, Ветер мне мешает голубеть.

– Эй, Солнце, погоди, дай насладиться вволю
Рассветной красотой затерянной глуши.
Я в полдень подремлю в подсолнуховом поле,
А утром, извини, привыкло я спешить.

* * *

Рожденная в любви взаимной –
Обречена любить.
От взгляда, словно в поле зимнем,
Тростинкой стыть.

От тембра голоса его, как в жаркой печи,
Огнем гореть.
Твердить себе при каждой встрече:
Не сметь. Не сметь

Как в детстве к папиной руке
Хотеть прильнуть.
И к нежной дружбе вдалеке
Лелеять путь.

Я, дочь и мать в одном лице,
Ты должен знать,
Чтоб в этом замкнутом кольце
Любимым стать.

Чтоб в нашей будущей судьбе
Счастливым быть,
Ты тоже должен хоть чуть-чуть
Меня любить.

Первый поцелуй

Мой первый поцелуй, растерянный, несмелый.
Храни воспоминанье волшебного огня.
И белый снег вокруг, и бантик, белый-белый,
И робкая рука касается меня.

Наш первый поцелуй – доверчивые губы
Украдкой, исподлобья, завидуют друзья.
И тёплый бугорок за отворотом шубы.
И хочется коснуться, и чувствую – нельзя.

Ах, почему же мне уже почти не снится:
В прозрачном зеркале, в потоке звездных струй
Взволнованно дрожат снежинки на ресницах.
Зима, каток, девчонка и первый поцелуй!

Литературоведение и литературная критика

ЕЩЕ ОДИН МОСТ К СОКРОВИЩНИЦЕ МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

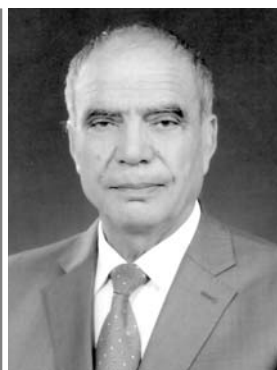
Любители поэзии давно оценили по достоинству талант искусного поэта и переводчика Мирпулата Мирзо. В последние годы он много работал над переводами русских поэтов XX века. И, как результат, в издательско-полиграфическом творческом доме им. Г.Гуляма вышла книга «XX аср рус поэзияси», в которую вошли произведения пятнадцати известных поэтов XX столетия: А. Ахматовой, А. Твардовского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, К. Бальмонта, Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, И. Бродского, В. Сосноры, А. Тарковского, Б. Ахмадулиной, Н.Рубцова. Путь перечисленных писателей в литературе не был устлан цветами, далеко не всегда их творческие свершения венчались благоухающими лаврами, в условиях сталинского режима их жизни отмечены глубоким драматизмом, а то и трагизмом. К сожалению, даже присуждение Нобелевской премии сопровождалось немалыми неприятностями.

Знакомясь с переводами М.Мирзо, вдумчивый читатель почувствует и великую любовь к родине, и страдания лирического героя, и сокрытый протест против далеко не гуманного политического режима, и как воспрянуло русское слово в годы хрущевской оттепели.

Книга переводов М.Мирзо – это приобщение к высокой поэзии, в ней узбекский читатель найдет неповторимые стихи молодой Анны Ахматовой о любви, проникнутую глубокими философскими размышлениями пейзажную лирику Бориса Пастернака, отчаянный крик поэтической души Марины Цветаевой, романтическую мечту Роберта Рождественского о возвращении в город детства и др.

Стихотворения, вошедшие в сборник, независимо от того, воспеваются ли в них Родина и природа, идет ли речь о социально-политических реалиях или это несбыточная мечта о безоблачной жизни – все отмечены печатью высокого мастерства, в то же время все они – незабываемый урок нравственности. В этом плане особенно хочется выделить Андрея Вознесенского. Нельзя читать без волнения его «Балладу спасения» («Халоскорлик қиссаси»), посвященную воистину героическому поступку грузинского профессора Джордания, который при авиакатастрофе над морем без колебаний отдает свой спасательный жилет совершенно чужой девочке, а сам при этом гибнет.

Говоря о качестве перевода, прежде всего, следует сказать, что М.Мирзо, в целом, удалось уловить и воссоздать самое главное – ритм-нерв, который, как известно, у каждого оригинального поэта свой. В результате мне чудятся голоса из XX века: лирически взволнованный – Ахматовой, порывисто-бархатный – Ахмадулиной, философски размеренный – Пастернака, скандирующий – Евтушенко, Вознесенского...

**Кадырджан
НАСИРОВ**

Родился в 1947 г. Кандидат педагогических наук, доцент Наманганского госуниверситета, Лауреат Международного Пушкинского конкурса (2010). Автор множества научно-популярных и научных публикаций, художественных произведений: книги «Теория и практика перевода», «Заметки о литературной жизни Намангана», «Чужая ласточка» («Угай калдиргоч») и другие.

Мирпулат Мирзо хорошо чувствует лексико-стилистические тонкости русского слова и эстетические традиции иноязычной поэзии и очень тактично, бережно обращается с ними. И в языке перевода он находит единственно нужные соответствия слову оригинала, скрупулезно оттачивает каждую строку. В результате мы видим, как переводы в большинстве случаев вполне удовлетворяют всем критериям адекватности, полностью воссоздают тонкости мысли и особенности поэтической формы исходного материала. В качестве примера можно привести перевод стихотворения Е. Евтушенко «Уходят матери» («Оналар кетмоқда»), в котором содержание передано, так сказать, строка в строку, да еще с сохранением в точности авторских заломов стиховой линии, т.е. разбивки на лесенку, к чему, кстати сказать, автор оригинала в данном случае прибегает намеренно:

Оригинал:

*Мы опоздали.
Пробил страшный час.
Глядим мы со слезами потаенными,
Как тихими суровыми колоннами
Уходят наши матери от нас...*

Перевод:

*Мудҳиш дам занг урди.
Бизлар кечикдик.
Боқамиз, яптирар кўзимизда нам,
Оҳиста шарпадек саф-саф бўлишиб
Оналар узоқлаб бораркан биздан...*

Подчеркнем: главное здесь не столько сохранение внешней атрибутики стихотворного текста, сколько то, что Мирпулату Мирзо почти без ущерба, с неменьшей эмоциональной силой, чем в оригинале, удалось выразить грустно-глубокие и в то же время запоздалые, как правило, сыновние чувства к «медленно от нас уходящим матерям».

Рассмотрев некоторые другие переводы, мы пришли к выводу, что М. Мирзо не всегда в точности следует форме оригинала. Он нередко позволяет себе небольшие вольности. И делает это ради сохранения духа переводимого текста. В частности, с целью убедительнее, точнее довести до читателя потаенные мысли оригинала, чтобы русский поэтический образ, облаченный в переводе в восточное одеяние, ощутимо поразил воображение узбекского читателя, М. Мирзо в одном из переводов из Анны Ахматовой, избегая буквализма, заменяет один вид тропа другим:

Оригинал:

*Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.*

Перевод:

*О, нақадар тотли тириклик жоми,
О, нақадар чигал ишқнинг риштаси!*

Прежде всего, отметим, что и оригинал, и перевод одинаково выглядят как крылатые выражения. Несмотря на разницу в количестве слогов, структуры двустопных сходны. Переводчик добился этого благодаря, прежде всего, точному воссозданию стилистической фигуры оригинала – анафоры. В то же время следует обратить внимание на то, что смысл завершающей первую строку оригинала метафоры «земное питье» в переводе передан метонимией «тириклик жоми». Появление в переводе предмета, которого нет в оригинале – жом (буквально: миска; в поэтическом же смысле – чаша), не только не испортило смысл подлинника, наоборот, благодаря этому в узбекской строке возник запоминающийся, возможно даже более впечатляющий образ полной любви чаши жизни.

Такого же характера небольшие вольности мы наблюдаем и при переводе первой строфы другого стихотворения:

Оригинал:

*Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.*

Перевод:

*Қуёш тафти сўниб борар юракда.
Дала заъфарон.
Илк қорға чулғаниб ел эсмакда.
Қораяр осмон.*

Изображенная в оригинале картина поздней осени сродни душевному состоянию лирической героини, потерявшей надежду быть когда-либо любимой. Однозначно можно сказать, что переводчику полностью удалось воссоздать мысль оригинала, прочесть между строками то, о чем А.Ахматова умолчала, переводчику помог отказ от дословности.

Можно сказать, М.Мирзо словно дорисовывает пейзаж-аллегию А.Ахматовой: в узбекском варианте появляются слова и выражения, которым нет соответствия в оригинале: «дала» (поле), «қораяр осмон» (темнеет небо). Но эти дополнительные поэтические мазки к «пейзажу» А.Ахматовой вытекают из подтекста самого оригинала.

В вышеуказанном примере особого внимания заслуживает первый стих: «Память о солнце в сердце слабеет» – «Қуёш тафти сўниб борар юракда». Это строка-тезис. Все последующее лишь развивает, раскрывает его идею. И если бы М.Мирзо перевел ключевое слово «память» дословно-нейтрально, мы бы имели следующий переводной стих: «Қуёш ёди сўниб борар юракда» – формально правильно, но неадекватно смыслу ахматовского слова. «Қуёш тафти» – это теплота сердца, способность любить, чем одарен человек от природы, и она гаснет в душе лирического героя. Буквальное «қуёш ёди» не содержит этого лиризма.

В целом, «XX аср рус поэзияси» – хороший подарок узбекским любителям поэзии. Недаром Герой Узбекистана А.Арипов пишет в предисловии к этому изданию, что русская поэзия – бесспорно великая поэзия, и что каждый удачный перевод из нее – это золотой мост к мировой литературной сокровищнице.

возвращение к читателю

**Анатолий
КОНДРАТЕНКО**

Родился в 1938 г. Окончил строительный техникум, затем, в 1976 г. Ташкентский госуниверситет. Работал в республиканской прессе. Печатался в журналах «Молодая смена», «Звезда Востока».

ЕСЛИ ПОВЕЗЕТ...

(Рассказ-исповедь)

Моя фамилия – Ветров. Я немного рыжеват, на лицо симпатичен, крепко сбит и ладно скроен, мускулы накачаны на тренажерах. По обстоятельствам могу работать напряженно и спать несколько часов в сутки. Прошу... не спрашивайте меня подробно о днях минувших. Не стоит дотошно копаться в душе человека, который задумался над банальными вопросами: кто ты и зачем пришел на белый свет? Быть может, поздно это делать. И все же иногда проснешься ночью, смолишь сигарету и размышляешь...

Конечно, не все напрасно терзают свои души. Ведь жизненная дорога счастливых более прямая и привлекательная. Не многим удастся успешно пройти по ней. Однако все стараются реализовать свои способности, дарованные матушкой-природой. Увы, не ко всем она благосклонна. А ко мне? А это как посмотреть и кое-что по аптекарски точно взвесить.

Недавно в хорошем настроении директор нашего колледжа спросил меня:

– Слава, чего ты хочешь?

– Лучше жить, – уверенно ответил я.

Сабит-ака до колки в животе хохотал: «ха-ха-ха!»

– Похвальное стремление. Тебе это удастся?

Пришлось заметно пожать плечами: мол, не знаю, но могу твердо сказать: видел лучшие времена...

У матери был один. Она пыталась пристроить меня в суворовское. Не удалось: в училище в основном принимали детей кадровых военных, со стороны – только по весомой рекомендации. Откуда они у нас? Пожилой майор-служака нам отказал стандартной фразой: слаб здоровьем. Да и откуда быть румянцу на щеках, если живешь на одну зарплату? Теперь понимаю – повезло, что не стал военным. А то бы загорал где-то в дальнем гарнизоне, тянул армейскую лямку, уныло смотрел на рыжие, выгоревшие от солнца степи и серые безводные горы в ожидании повышения по службе – очередной звездочки. В этом ли смысл бытия?

А человек, говорят, появляется на свет, чтобы поспорить на просторе со своими собратьями в смекалке, в ловкости рук и тренированности тела, и многое зависит от семьи.

У всех были отцы. Мой ушел на сейнере в море и не вернулся, остались от него штормовка, пальто на меху, каверкотовые костюмы, дюжина галстуков, велосипеды – все потом задарма продали на толкучке – лейка и толстый фотоальбом с занятыми снимками, запечатлевшими примечательные места Приморского края, Сахалина и Корейского полуострова.

Чтобы не быть одинокими, мы перебрались из Находки в Ташкент, где давно обосновалась многодетная семья моей тети, сестры матери. Выходные проводили в Болгарских огородах, местечке, застроенном частными домами. В памяти

сохранились благоухающие яблоневые, абрикосовые и вишневые сады, веселые стайки казаков-разбойников, лянга и ошички, классики. Помню Олечку с голубыми глазками и каштановыми косичками и ее капризный голосок: «Хо-чу-у газированной воды с сиропом!»

Недавно на трамвайной остановке случайно взгляделся в черты попутчицы, располневшей женщины. Определенно – она! С милой улыбкой Ольга Ивановна рассказала: «Счастлива. Живем дружно. Двое детей, муж – летун, не пьет, хорошо зарабатывает».

Мы тепло расстались, пожелав друг другу здоровья. Вероятно, не встретимся более. А может... повезет.

Однажды на фруктовом дереве лакомились поспевающими плодами. Неожиданно объявившийся хозяин-толстяк в гневе закидал нас булыжниками. Мы, пацаны, с грохотом посыпались с густой кроны деревьев на землю и стали разбегаться кто куда. Камень попал мне в голову. В слезах, в потеках крови на лице прибежал домой. Тетя с охами привезла меня на попутке в больницу, куда вскоре прибежала испуганная мама. Она обнимала свое перебинтованное чадо:

– Вот невезучий! Зачем полез за чужим? Дома в холодильнике полная тарелка урюка. На базаре он копейки стоит.

Через месяц с раны сняли бинт. Добродушный хирург сказал:

– До свадьбы забудешь о травме. Гарантирую!

Ан нет! Еще долго беспокоили головные боли. Дядя ходил к соседу. Не знаю, о чем говорили они. Видел – вернулся разгневанным, не захотел смотреть продолжение слашавого телесериала и ушел спать. Так я осознал – не стоит озорничать, и впервые задумался над многоликим миром взрослых. Разные они – тети и дяди, как пальцы на руках. Часто среди них верх берут наглые и горластые. Очень трудно доказать им что-то!

Иногда рубец напоминает о безнадзорном детстве, когда закладывалось мое будущее, непредсказуемо играли на ветру цветные, светлые и темные полоски. Каких больше? Кто его знает? С ними еще предстоит разбираться.

Со школой мне повезло. Со мной учились будущие известные ученые, инженеры, хозяйственники, футболисты. Школа на улице Прянишникова, недалеко от оперного театра имени Навои, блистала успеваемостью. В нашем классе занимались дети артистов. На уроках они, остроумные и шкодливые, случалось, вытворяли хохмы, приводившие в расстройство учителей.

Вот на контрольной по алгебре стоит тишина. Все колдуют над заданиями. Славная Клавдия Петровна склонилась за широким столом и что-то пишет в журнале успеваемости. Две задачи я решил, в третьей ни бум-бум. Кто бы помог? За партой сижу в гордом одиночестве и тоскую в растерянности по соседу Алику Бороновскому – круглому отличнику. Он бы выручил!

За спиной слышу смешки и певучий тенорок: «Онегин, я ворчать не стану! Безумно я люблю Татьяну».

Оборачиваюсь и вижу: хорошист Юра – сын заслуженного артиста Узбекистана Заура Самандарова – в кудрявом парике и артистическом порыве трагически простер вперед длинные руки. Весь класс с интересом наблюдает за ним. Математичка реагирует моментально:

– Выйдите вон! Здесь не театральные подмостки.

Торжествующий хитрец Сара – он же Юра – сдает контрольную и с легким кивком головы покидает класс. Он давно справился с заданием. Ему просто скучно, хочется развлечься и подышать воздухом, но главное – привлечь внимание к своей неординарной особе. На ближайшем родительском собрании его мать – народная артистка страны – обвинится за неразумное поведение избалованного чада.

А моя? У нее более реальные заботы. Надо купить на Алайском рынке овощей и фруктов, сготовить что-нибудь вкусенькое. Хорошо жить в хлебной столице, где богатый базар, но купить могут не все. Лишь в выходные и праздничные дни на нашем столе калорийное первое, второе, третье. В основном же супы, шавли и каши, разнообразные салаты. Обедая в школе бутербродами с колбасой, сыром и повидлом. Вечерами около настольной лампы мама кроит разную одежду мелочевку. Мы вслух читаем книги о путешествиях. Она рассказывает об отце, мечтавшем обогнуть на кораблике наш земной шарик, о том, какой простой и сильный это был человек. Мне хочется быть похожим на него.

Полегонечку переходим к освоению русской классики вне школьной программы. В моем дневнике по родному языку и русской литературе одни четверки-пятерки, что не мешает маме после проказ и «неудов» по другим предметам пороть свое чадо широким ремнем по мягкому месту. Помогало ли? Конечно, после экзекуций с плачем и криками: «Прости, больше не буду!» успеваемость и поведение заметно улучшались.

В школе я ходил в среднячках. Случалось у Барановского – будущего профессора математики Харьковского политехнического института – старательно переписывал на переменах домашние задания. Бывало под настроение и сам шелкал их, как семечки. На турнире крутил превосходное «солнце». В «парагвайе» - на баскетбольной площадке ташкентского ОДО – не было равных нам. Болельщики за точный пас и разброску футбольного мяча партнерам окрестили меня Стадником, да и долговязостью походил на популярного форварда.

Мою фамилию знали в школе. Директор во всеуслышание заявила:

– Быть тебе спортсменом!

Это и решило мою судьбу. Мама расстроилась:

– Пустое дело. Освоил бы хорошую специальность на курсах и быстрее бы на ноги встал. Скажем, телемастера.

Потом покорно смирилась. Куда денешься!

В приемной комиссии института физической культуры знакомый «спец» посоветовал:

– В нашем ремесле главное – значок. Понимающие люди ради него меняют специализацию. У тебя неплохие данные атлета. Рискни! А футболистом всегда успеешь стать.

Так я занялся легкой атлетикой. В мудрости своекорыстного совета убеждался не раз. В футболе трудно стать мастером спорта. Травмы, наставники, что тусуют состав по воле финансистов и избавляются от сильнейших, не выполняющих, случается, тупые установки. Истерзанные придирками игроки меняют команды: иногда сбегают в гандбол или травной хоккей, где добиваются желанного значка.

В легкой атлетике все гораздо спокойнее. В ней мечта и воплотилась в реальность: напряженные тренировки, даже в воскресные и праздничные дни, принесли успех. На чемпионате спокойно вошел в сектор, мельком посмотрел на полупустые трибуны стадиона и... метнул ядро к желанной отметке. На удивление судей. Услышал торжествующее: «Есть!»

«Спец» приветственно поднял руку. Друзья бросились обнимать. Какая-то стройная девушка в спортивном трико чмокнула в щечку. Моментально забылись неудачи и промахи. Только потом осознал: чтобы добиться чего-то существенного, надо солидно попотеть. При том, если вам повезет чуть-чуть: не будете болеть, иметь врагов и зловредных завистников. И тогда волшебный спортивный мир широко распахнет перед вами свои двери.

Однако не все так просто... Меня включили в сборную. Естественно, не на первые роли. В команде острая конкуренция. За место под солнцем идет борьба на любом тачке. Однажды по неопытности оставил кроссовки около скамейки, где переодевался. Перед стартом стал надевать, а в левую какой-то ползучий гад насыпал немного песочка, крутится, поди, где-то рядом, улыбается. Но ветер удачи дул в мои паруса.

Подумывал я и о научной работе. Тщательно все взвесил и решил: не стоит корпеть несколько лет над диссертацией. Ведь обладание ласкающим слух званием «кандидат» – не гарантия хорошего трудоустройства. К тому же количество ученых заметно превосходит число конкурсных вакансий. В этом плане я не честолюбив и в облаках не витаю. Практика лучше.

Как-то разминаюсь на тратановой дорожке. Обгоняет меня ладная девушка. Слышу:

– Догоните!

Вспомнился внезапный поцелуй, поздравление с победой – его запомнил я надолго. Девушку узнал сразу. Наташа обшительная, рекордсменка, мастер-«международник». Бросил вслед:

– Куда мне, Амбалу!

Так за габариты называли меня. А она умчалась вперед стремительным ветерком. Затем увидел ее в библиотеке. Конспектирует лекции, склонив русую головку с торчащей косичкой над книгами и тетрадкой. На листке бумаги запечатлел ее очаровательный профиль и набросал печатно: «Может по «пепси» и стаканчику мороженого? Слава». Она прочитала и в верхнем уголке написала: «Не возражаю! После того, как закончу. Наталя».

Мы с удовольствием посидели в кафе «Лейла». Больше говорил я. Откуда вдохновение нашло – словно тчет с эстрады. Она мило улыбалась, расспрашивая о маме. Сказала: «О себе в следующий раз» и каждое последующее свидание было полетом в радостное неизвестное. В общезнание шли пешком, говорили о погоде, знакомых и спортивных новостях. Несли словесный вздор, дружно хохотали, резвились, как дети.

Через несколько месяцев она переехала к нам домой. Устроили обед. Мама постаралась – со вкусом оформленный стол ласкал взгляд. Друг принес шампанское, торт, шампиньоны и памятный подарок. Самандаров прислал букет цветов с запиской: «Извини, Гастроли. Счастья и здоровья!» Ах, Юра, как недоставало тебя, твоего бухарского остро-

умия и оптимизма! Кто-то врубил маг – вокалист Джеймс Дио и музыканты «Manowara» оглушили. Тяжелому року пришлось сказать: «Good bye» и заменить кассету. Всех очаровал приятный тенор Сергея Бурмистрова, проникновенно исполнившего мелодию о братишке и возвращенной любви. Разве сотрется в памяти незабываемый день!

Спортивная семейная жизнь специфична. Дома бываем налетами. Наташка учится готовить. Об этом заранее предупредила: «На вкусненькое не рассчитывай!»

Хорошо, что есть мама: и на базар ходит, и умело стряпает. Генеральную стирку и уборку взяли на себя. Случается, я «загораю» на родине, а Першина выступает на легкоатлетических играх в Пекине. Прогрессирует она стремительно, чего не скажешь обо мне. Все же с уважаемым «спецом» участвовали в международных состязаниях. К ним тщательно готовился. На них выкладывался полностью и, случилось, призовые места приносили «зелень» в конвертах, стал мастером-«международником».

Поездки в страны Азии расширили кругозор. Теперь знаю, как живут за бугром не по средствам массовой информации. По-разному, кто как пристроится. Резко бросается контраст между бедными и богатыми. Экзотическая природа, богатый животный мир, кухня не для европейцев. В корейском Пусане аппетитно ел раков, а от фаршированной рисом и специями змеи в ужасе отказался. «Даунтаны» – деловые центры – гнетут ультрасовременной архитектурой. В малайзийском Куала-Лумпуре перед двумя 450-метровыми домами-башнями растерялся и чувствовал себя крохой. Величие самых высоких зданий планеты оценил со смотровой площадки. Взглянул вниз, по сторонам – и дух захватило.

После поездки рассказал об увиденном Наталье. Она молчит, надулась. Возможно, не понравился привезенный подарок. К тому же ляпнул: «Ты не ночевала дома. Где была?» Услышал: «Не должна отчитываться перед твоей мамусей». Я взорвался: «Еду, сготовленную ее руками, можешь кушать?» Она в ответ в слезы, убежала в спальню. В общем, по-крупному пофехтовались. Поехал на тренировку. Нет бы воспользоваться подземным переходом! Поперся, дурак, через дорогу. Ну и зацепил меня своим крылом «мерседес». Отбросило в сторону, ударился головой о бордюрную плитку и потерял сознание. Люди помогли испачканному подняться на ноги, водитель привез в неотложку. Глубокий шрам – и везет же! – заживал долго. Пожилой хирург напомнил:

– Если возобновятся головные боли, лучше забудь о спорте. Дольше проживешь!

Что поделаешь! Как говорят, на крутом повороте счастье обошло меня стороной. Лечился в физкультурном диспансере, материально помогали водитель, родное спортивное общество. Потом сняли с довольства, все реже встречался с братвой и пошел работать физкультурником в школу. Наталья совсем забегалась – режимит, из поездок не вылезает, заявила: «Пока рожать не буду!» А дальше, известно, поздно. Да и какая семья без детей? Тихо мы разошлись, как в море корабли. Она перебралась в Казахстан, где «въездам» платили стипендию в «баксах» Говорят, удачно вышла замуж за «мухача» – известного боксера-профессионала. Дай, Бог, ей счастья!

Ну а мне стоило большого труда отвыкнуть от королевской жизни. Поездки за рубеж остались в памяти лишь как приятное воспоминание. Быть на вторых ролях я не привык. Тем более – балластом. Спортсмены – те же артисты, работающие ради результата на публику. Впрочем, права узбекская пословица: «Небо над всеми одно, да любой – под своей тютбетейкой».

И все же мне повезло. Сейчас в родной школе, преобразованной в колледж, учу ребят делать «крест» на кольцах, организовал первенство по волейболу и мини-футболу. На работу ходим втроем. Наш пацан-малолетка крепко-крепко держится за руки отца и моей покладистой жены, учительницы химии. Живем материально налегко, подрабатывая маляркой на стороне, но душевно легко и дружно. Уже нет тихой мамы, совсем старенькая Клавдия Петровна. С корешами почти не встречаюсь. «Иных уж нет, а те далече». «Спец» – в прошлом посредственный атлет – защитил докторскую и как-то при случайной встрече не заметил меня.

караван истории

Рубен НАЗАРЬЯН

Родился в 1947 г. Автор многочисленных научных, научно-популярных и художественных публикаций. Преподаватель Самаркандского госуниверситета. Участник и лауреат международных конференций и конкурсов.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

В последней трети XIX столетия в наших краях из среды коренного населения стали выделяться люди, которых, говоря современным языком, можно именовать краеведами-любителями. Их было весьма немного, и интересы их едва ли выходили за рамки простого собирательства и составления коллекций старинных предметов. Однако были среди них и такие, которые, не ограничиваясь этими рамками, стали приобщаться к азам научной работы своими очерками и статьями, зарисовками быта и традиций народов Средней Азии. Не следует забывать, что люди эти были пионерами, вносящими посильный вклад в историю и этнографию своего народа. Именно они способствовали становлению национальной интеллигенции. И потому нет сомнения, что жизнь и деятельность этих подвижников науки заслуживают благодарной памяти потомков. Редакция журнала начинает публикацию цикла статей о таких незаслуженно забытых первопроходцах...

Наиболее яркими представителями этой плеяды были представители разных регионов Туркестанского края – ташкентец Акрам Аскарлов, самаркандцы Мирза Бухари и Абу Саид Махзум, Мирза Мулло Абд-ар-Рахман и Мулла Касымов, бухарец Мухаммед Вефа, чимкентец Саттархан Абдулгафаров, ходженец Хаджи Юсуф Мирфаязов и др.

«Акрам Аскарлов – явление весьма редкое...»

В 1887 году узбекская интеллигенция столицы Туркестанского края отпраздновала неординарное событие: парижское ученое археологическое общество заочно избрало своим членом ташкентского коллекционера древностей, купца Акрама Аскарлова. Именно ему суждено было стать первым узбеком, членом зарубежного научного общества. Это был весьма состоятельный человек, среди ташкентцев он был больше известен под кличкой Акрам-палван, присвоенной ему за высокий рост и необычайную физическую силу. Это прозвище позднее переросло в фамилию и в некоторых газетных публикациях той поры его нередко именовали Акрамом Палвановым.

Он был не только преуспевающим и предприимчивым купцом, но и активным поборником усовершенствования местных методов шелководства и шелкопрядчества. Именно поэтому его в 1886 году назначили распорядителем кустарного отдела на крупной Туркестанской сельскохозяйственной и промышленной выставке. Отдел этот демонстрировал не только шелковые ткани, но и керамику, медночеканные и ювелирные изделия края.

«Деятельность г. Акрама Аскарлова, – говорилось в отчете, автором которого был редактор газеты «Туркестанские ведомости» Н.Маев, – еще на выставке прошлого, 1885 года, обратила на себя внимание г. Главного начальника края. Аскарлов на нынешней выставке заявил себя как прекрасный шелковод,

далекий от обычной азиатской рутины. В его павильоне можно было видеть образцы шелка превосходной размотки даже в две нити, что представляет большие трудности. Тут же на большом столе разложены были образцы грены, коконы айлантового шелкопряда, больные черви (в спирту), коконы тутового шелкопряда разных пород. На стене развешен был интересный гербарий следующих местных видов и разновидностей тутовника: бидона, дилона, илан, иркек, кунак, марвари, балхи, шах, кара и кизыл-тут.

Сам уважаемый экспонент во все время выставки находился при своем павильоне и, владея довольно свободно русским языком, охотно давал все объяснения желающим. Из плодов г. Аскарлов выставил только два сорта фигов (плоды инжира – Р.Н.): желтые и черные. Кроме того, павильон Аскарлова был украшен снаружи большими гроздьями винограда, что, к слову сказать, привлекало к павильону огромное количество ос. Эти непрошеные и очень назойливые крылатые эксперты по части винограда немало надоедали публике, посещавшей павильон г. Аскарлова». По итогам выставки маститому предпринимателю Акраму Аскарлову была присуждена большая серебряная медаль за успехи в шелководстве.

А четыре года спустя на очередной выставке в Ташкенте вновь успешно функционировал принадлежавший Аскарлову павильон, ярко и колоритно в национальном стиле оформленный местными мастерами резьбы по дереву. В нем демонстрировались образцы кустарно-ремесленного производства, в числе которых были изделия шелкоткацкой мастерской Акрама Аскарлова и новейший станок, сконструированный самим купцом. Но подлинной изюминкой павильона, конечно же, была коллекция древностей его хозяина, которую составляли монеты разных эпох и государств, сосуды и светильники, вазы и амулеты, перстни и другие ювелирные изделия старины, предметы народного быта.

В 1884 году ташкентский купец, довольно хорошо знакомый с историей и литературой мусульманского мира, свел знакомство с прибывшим в Туркестан из Петербурга востоковедом и археологом Н.И.Веселовским. Россиянин с первого же дня знакомства разглядел в нем нужного и полезного ему человека. И не ошибся: знание местной жизни, языков и быта народов Средней Азии, умение разговаривать с различными людьми, широкая осведомленность о памятниках старины края сделали Аскарлова правой рукой Веселовского. Отныне ташкентский любитель старины стал постоянным спутником в многочисленных поездках российского ученого по Сырдарьинской и Ферганской областям, Бухарскому эмирату. Причем Аскарлов вовсе не был простым чичероне: Веселовского просто поражало то обстоятельство, что его спутник, «не будучи научно грамотным, обрел такой навык в собирании древних монет, что довольно точно определял время их чеканки».

Высоко оценивая неутомимую и весьма полезную деятельность Акрама Аскарлова, Веселовский настойчиво ходатайствовал перед Русским географическим обществом о награждении ташкентца «за его заслуги перед археологией. Акрам Аскарлов, – писал он в своем прошении, – представляет по своей деятельности и предприимчивости явление весьма редкое... Он проникся убеждением, что всякая древность имеет, кроме материальной ценности, еще другую – историческую, утрата которой невознаграждена никакими деньгами, и сделался ревностным оберегателем случайных находок от невежественного обращения с ними. В Ташкентский археологический музей он представил как от себя, так и от других много древних памятников, и притом без всякого вознаграждения... Живо интересуясь археологией, он не только не нажил от нее барыши, но сам еще нес приплаты. Такое отношение Аскарлова к археологии заслуживает, как я думаю, внимания со стороны нашего Общества».

Обращение маститого профессора не осталось без ответа: 30 марта 1887 года Российское археологическое общество приняло решение наградить Акрама Аскарлова «малой серебряною медалью, выдаваемой за содействие успехам археологии». И уже через короткое время Парижское археологическое общество, узнав из российских источников о ташкентском подвижнике, заочно избрало его своим членом...

К сожалению, жизнь этого деятельного человека оборвалась весьма неожиданно. Его, казалось бы, несокрушимое богатырское здоровье было подорвано банальным скоротечным туберкулезом: Акрам-палван с осени 1891 года уже не вставал с постели. Посетивший его незадолго до кончины известный туркестановед Н.П.Остроумов оставил в своем дневнике любопытную запись: «Вспоминаю, с каким благодарным видом встретил меня Акрам Аскарлов, лежавший в чухотке, когда я навещил его. Как он был трогательно возбужден тогда, просясь и ободрился... Я просидел у него более часа».

Чувствуя приближение конца, Аскарлов беспokoился о судьбе своей богатой нумизматической коллекции. По предсмертной воле сына мать после его кончины обратилась с прошением к генерал-губернатору Туркестанского края. В нем говорилось, что «Аскарходжа перед смертью завещал, чтобы все его движимое и недвижимое имущество было разделено между его сонаследниками, а о собранной им коллекции древностей было до-

ведено до сведения начальства». Бескорыстный любитель старины скончался 15 октября 1891 года и был похоронен в родном городе.

Вскоре после этого по распоряжению канцелярии туркестанского генерал-губернатора чиновнику особых поручений, впоследствии крупному историку и археологу, Д.И.Эварницкому было поручено составить описание коллекции умершего купца. Затем коллекция была передана на хранение в Ташкентский музей. Сделанная опись свидетельствовала, что в составе коллекции находились более двенадцати тысяч медных, около полутора тысяч серебряных и семнадцать золотых монет. Позднее часть этих древностей была приобретена Эрмитажем для нумизматического кабинета Средней Азии.

Собрание петербургского музея обогатилось редчайшими монетами чекана царей Бактрии, династий Сасанидов, Саманидов, Газневидов, Хорезмшахов, бухар-худатов, Илек-ханов, Тимуридов и Шейбанидов – вплоть до монет мангытских, кашгарских и кокандских правителей XVIII-XIX веков. Так завершилась жизнь бескорыстного любителя и собирателя древностей Акрама Аскарва, одного из энтузиастов науки Туркестанского края второй половины XIX столетия.

Странствия и деяния Ходжи Юсуфа из Ходжента

В фондах Самаркандского музея-заповедника хранится уникальный экспонат – глобус, вручную изготовленный из папье-маше, опилок арчи и тутового дерева. На поверхности его, покрытой позолотой и лаком, воспроизведены очертания материков, океанов и морей, горных хребтов и различных стран. На широкой линии экватора изображены двенадцать знаков зодиака. Кроме таблицы градусов, на глобусе черной линией нанесены меридианы и параллели, красной – тропики и границы полярных кругов. На поверхности экспоната разноцветными арабскими буквами обозначены названия географических пунктов. Их более тысячи. Примечательно, что значительная часть их приходится на Южную Америку (более 100 наименований), Австралию (более 70) и Африку (более 30).

Высота глобуса (вместе с подставкой) составляет 117 см, периметр его 160 см, а масштаб 1:25. Вполне естественно, что глобус, изготовленный почти 130 лет назад, отображал современную его автору систему знаний по географии, астрономии, картографии и природоведению. Потому-то меридианы его начинаются не с Гринвича, а с запада африканского континента. С течением времени внешнее покрытие обветшало, и некоторые названия ныне почти невозможно прочитать. Глобус довольно совершенен и в астрономическом плане. На нем можно выявить положение земли относительно солнца во все четыре времени года. На экваторе в стиле восточной миниатюры изображены знаки зодиака. Арабским шрифтом в четверостишии указаны год его изготовления (1313/1895) и имя автора: Хайати (псевдоним Мирфаязова).

Это удивительное творение рук человеческих было выполнено жителем Ходжента Ходжа Юсуфом Мирфаязовым и его учениками. Известно, что на Туркестанской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1886 года в Ташкенте глобус этот, предназначенный для учебных заведений края, был удостоен награды – бронзовой медали – с формулировкой: «за изображение земных полушарий с надписями на сартовском языке».

К сожалению, наши современники, за редким исключением, знают этого человека лишь как создателя упомянутого глобуса. Между тем, Мирфаязов был одним из образованнейших людей своего времени, страстным поборником науки и просвещения Туркестанского края. И потому попытка восполнить этот досадный пробел представляется весьма актуальной...

Родился Юсуф в 1842 году в Ходженте. Его отец, подобно другим горожанам, занимался традиционным для этих мест ремеслом – шелкоткачеством и имел небольшую шелкомотальную мастерскую. Семья была довольно обеспеченной. Родитель предполагал, что сын продолжит семейное дело, и потому с юных лет приучал мальчика к азам шелководства. Однако Юсуф довольно рано стал проявлять совсем иные склонности. Отличавшийся любознательностью мальчик интересовался историей и географией, особенностями жизни и религии народов Востока. Он любил слушать рассказы купцов и путешественников о разных странах, о важных событиях политической и экономической жизни...

Детство Юсуфа окончилось преждевременно: в 1854 году его отец отправился в хадж и пропал без вести. Тогда же мальчик дал себе слово отыскать родителя или его могилу. Что и было впоследствии осуществлено. С торговым караваном купцов-соотечественников рано повзрослевший 16-летний юноша совершил путешествие в далекую Аравию. В поисках следов отца ему пришлось исколесить различные регионы арабского мира, познакомиться с жизнью и историей далеких стран, изучить быт и культуру населявших их народов. По некоторым сведениям он отыскал могилу отца в Медине и установил на ней

памятный знак.

Но возвращаться в родные пенаты Ходжа Юсуф, как стали называть его после совершения паломничества в Мекку, не спешил. Встретив в Египте своего соотечественника – ученого мужа Ходжа Сайфулло Ходжанди – юноша из Средней Азии при его содействии изучил арабский язык и поступил в каирский университет Аль-Азхар. Лишь восемь лет спустя, в 24-х летнем возрасте, он возвратился в родной город. За это время Юсуф объехал крупнейшие города Ближнего Востока, выучил арабский и греческий языки, обрел разносторонние знания в медицине и географии, картографии, астрономии и философии.

Ходжент в те годы был уже уездным городом в составе Зарафшанского отдела Туркестанского генерал-губернаторства. Ходжа Юсуф сразу же нашел себе применение – стал заниматься здесь врачеванием местных жителей по рекомендациям «Канона врачебной науки» ибн Сины. Прекрасно образованный и начитанный, повидавший мир человек довольно быстро стал признанным авторитетом и кумиром здешней молодежи. Ходжа Юсуф обладал к тому же даром рассказчика, умением ненавязчиво прививать окружающим светские знания и интерес к истории родного края.

По праву считаясь наиболее образованным жителем Ходжента, Ходжа Юсуф Мирфаязов не переставал обогащать свои знания, постоянно штудировав книги восточных авторов. Любознательность и жажда познания мира влекли его к новым странствиям. В 1876 году вместе с неким Абдулло Фаезом Ходжа Юсуф отправился в Оренбург, оттуда в Москву, Петербург и другие крупнейшие города России. Затем из Одессы он морем добрался до Стамбула. Прожив некоторое время в Турции, Мирфаязов посетил Сирию, Марокко, другие арабские страны, Грецию, Италию, Испанию, Францию, побывал в Африке. Во время своих поездок ходженец посещал исторические места и достопримечательности, музеи, работал в библиотеках Стамбула и Каира, Парижа и Рима. Долгие десять лет продолжалось это путешествие...

Вернувшись в родной город, Ходжа Юсуф продолжил свою медицинскую практику. Овладев русским языком, он сблизился с представителями российской интеллигенции. Его дом стал вскоре местом встреч и общения местных и приезжих ученых, поэтов и музыкантов. Будучи знатоком и апологетом восточной медицины, Мирфаязов отнюдь не замыкался в ее рамках: в содружестве с русскими врачами Козловым и Моисеевским, умело сочетая начала традиционной восточной и современной европейской науки, они успешно лечили страдающих кожными, желудочными и сердечными заболеваниями жителей Ходжента. Имя Ходжи Юсуфа было хорошо известно далеко за пределами его родного города: лечиться к Мирфаязову приезжали уроженцы Ферганы и Коканда, Самарканда и Бухары.

Помимо этой многогранной и многотрудной деятельности он стал еще и мирабом – распределителем воды. Должность эта в условиях Средней Азии была чрезвычайно важна, и потому доверялась особо честным и принципиальным людям. Своим многолетним трудом на этом поприще Ходжа Юсуф оставил о себе добрую память. За трудолюбие, обширные знания, предпримчивость, мудрость и справедливость он пользовался уважением своих земляков. По его планам и под его наблюдением возводились различные ирригационные сооружения на реке Ходжабакирган, на каналах Кала и Раззок, действующие по настоящее время.

Опыт и мудрые советы уважаемого человека по рациональному использованию вод, стекавших с горы Кистишар, оказывались весьма полезными и своевременными. Авторитет Мирфаязова был высок и среди русских инженеров-ирригаторов, при содействии которых он был удостоен ряда наград и поощрений. По приглашению российских ученых Ходжа Юсуф принимал деятельное участие в Ойдынкульской естественно-научной экспедиции. Свою деятельность в качестве специалиста-ирригатора престарелый подвижник продолжил и в первые годы советской власти. Прожив долгую и плодотворную жизнь, этот труженик-просветитель скончался в 1924 году, отметив свое 82-летие, перед кончиной Мирфаязов завещая своим детям отдать его дом под школу, что и было исполнено...

Этот талантливый человек не был чужд и поэзии: под псевдонимами Ходжи и Хайати он писал стихи на узбекском и таджикском языках. А за несколько лет до смерти Мирфаязов завершил многолетнюю работу над своим объемистым научным трактатом «Фалакиет» («Космография»). К сожалению, труд этот оставшийся неизданным, был утрачен...

переводы

Кулман АЧИЛ

Родился в 1957 г. Окончил Ташкентский госуниверситет. Автор сборника рассказов и очерков «Жайдари фалсафа» («Житейская философия»). Работает в журнале «Тафаккур».

ПЛОВ ДЛЯ СЫНА

Перевод с узбекского Зебо БОБОЕВОЙ¹

Нафиса вынула из горячего тандыра лепешки, пару штук завернула в дастархан и поспешила к жене брата – своей невестке Саиде.

...Не повезло учителю Бахрому-ака и со второй женой. С виду пышущая здоровьем, день-деньской хлопчущая по хозяйству, она вдруг слегла. Рак желудка. За три месяца – две операции, но все напрасно. Вернулась из больницы, потеряв всякую надежду. Врачи сказали: «Мы сделали, что смогли. Остальное просите у Бога».

Первая жена Бахрома Гульнара умерла от инсульта. Три месяца она пролежала в больнице, скончалась через неделю после возвращения домой. А теперь и у второй обнаружили неизлечимую болезнь... Что тут поделаешь... Ну, у Бахрома жизнь как-нибудь да сложится. Трудно тому человеку, дни которого сочтены. И что хорошего видела в своей жизни Саида-опа? Ей ведь нет и пятидесяти.

В комнате на высокой белой постели, под белым одеялом лежала женщина тоже вся в белом и, держа за ручки своего внука Хамида, что-то ему говорила. Увидев Нафису, она попыталась привстать, но тут же застонала.

– Баралгин уже не действует, – сказала она. – Прошло четыре часа после укола.

– Не беспокойтесь, сестра! – Нафиса торопливо подошла и села возле ее постели. – Не тревожьтесь ни о чем!

Большая грустно улыбнулась. Лицо ее цветом напоминало желтый одуванчик. Видимо, из-за высокой температуры губы потрескались, из трешинок едва заметно сочилась кровь. А какой здоровой, крепкой и неутомимой она была! Очень вкусно готовила, была приветливой со всеми. Еще неделю назад, когда Нафиса навешала ее в больнице, она выглядела намного лучше.

– Хамиджан, иди во двор, поиграй, – сказала больная. – Мы с Нафисой-опа немного поговорим. Ладно, дорогой?

Круглолицый мальчик лет шести с большими глазами, пушистыми, как у девочки, густыми и длинными ресницами недовольно посмотрел на Нафису и по-взрослому неторопливой походкой вышел из комнаты. Лежашая смотрела ему вслед глазами полными слез.

– Трудно будет моему мальчику без меня.

– Зачем вы так говорите? Думайте о хорошем. Даст Бог,

¹ Родилась в 1958 г. Окончила Ташкентский Государственный педагогический институт им. Низами. Кандидат филологических наук, доцент. Работает главным редактором Главной редакции переводов УзА, занимается переводческой деятельностью.

еще у Хамида на свадьбе погуляем. И к тому же у него есть родители – ваши сын и невестка.

Саида-опа вновь грустно улыбнулась, с сожалением покачала головой. От первого брака у нее не было детей. Выйдя замуж за Бахрома, она усыновила его старшего внука и сдувала с него пылинки.

– Не будем об этом, Нафиса. Мне осталось от силы два-три дня. Я и сама хотела вас вызвать. Хорошо, что пришли. У меня есть к вам просьба...

– Просьба? Говорите, сестра. Помогу чем смогу.

Больная взяла правую руку невестки и до конца разговора не отпускала ее. Руки у нее были горячими.

– Сейчас мы с Хамиджаном вспоминали былые дни, разговаривали о том, о сем. Вспомнили, как за полночь он потребовал, чтобы я приготовила ему плов. И как я развела огонь в очаге и варила плов. «Сыночек, ты помнишь это?» – спросила я, он говорит: «Бабушка, я все помню». Он плакал, просил, чтобы я не уходила опять в больницу. Я сказала: «Теперь я никогда не поеду в больницу, мой дорогой!»

Нафиса, отвернувшись, еле сдерживала слезы.

– В тот раз я его долго упрашивала: «Подожди, сыночек, до утра. Пока ты проснешься, я приготовлю плов». А он стал меня пугать: «Если сейчас не приготовите плов, я пойду в мафию!» «Вай, что ты такое говоришь, Хамиджан? Что такое мафия?» – спрашиваю я. Он отвечает: «Мафия – это плохие люди с острыми ножами в кармане». – «Откуда ты все это знаешь?» Он говорит: «Я в кино видел». Я долго смеялась над словами своего сыночка и в два часа ночи начала готовить ему плов. Услышав шум на кухне, бабушка наш испугался и пришел на кухню с большой палкой. У него был такой грозный вид, что я сама сильно испугалась. Оказалось, он подумал, что к нам во двор пробрался воришка.

От приятных воспоминаний взор больной просветлел, она кивнула на стоящий рядом чайник. Нафиса налила чаю в пиалу и подала собеседнице, та хлебнула пару глотков и продолжила:

– Какие же это были прекрасные дни, Нафиса! Если бы я могла еще хоть один раз приготовить плов для моего сыночка! Еще бы еще раз поглядеть на то, с каким удовольствием он ест плов, приготовленный моими руками!..

Нафиса тихо всхлипывала.

– Может, Бог еще продлит ваши дни, не отчаивайтесь!..

– Сестра, я хочу вас попросить вот о чем.

Нафиса вытерла слезы рукавом своего ситцевого платья в мелкий цветочек.

– Говорите, родная!

– Через четыре месяца мой Хамиджан пойдет в школу. Хорошо бы, если бы вы взяли его в свой класс. Ладно? Ведь вы в этом году возьмете первый класс, верно?

– Да.

– Приглядывайте за ним во время перемен, моя дорогая. Знаете, мой сыночек – большой озорник. Как бы его кто не обидел...

– Ладно, дорогая! Об этом можете не беспокоиться.

– У меня есть еще одна просьба... что-то просьб у меня оказалось многовато, золотушка! Но с кем, кроме вас, я могу поделиться своими сокровенными мыслями? Нет у меня ни дочери, ни сына. Всю жизнь мечтала о ребенке... У родственников свои заботы...

– Не стесняйтесь, говорите, дорогая! Говорите!

– После моих похорон побыстрее жените Бахрома-ака... Если получится, жените его на дочери Сабира, бригадира из Шурчи. Говорят, она с маленькой дочкой вернулась в дом отца.

– Янга!¹ – вскрикнула Нафиса. – Почему вы не думаете о себе! Посмотрите, в каком вы положении, а о чем говорите!..

– Я говорю так потому, что думаю о себе, сестра! – ответила женщина, глядя в потолок. – Если здесь Хамиджан будет страдать, а Бахром-ака ваш будет неухоженным, никто не будет заботиться о нем, его питании, покое, каково будет мне на том свете, милая?

Нафиса не нашлась, что ответить.

– А какая будет у Хамида новая бабушка? Одному Богу известно! Поэтому после поминальных обрядов отправьте его к родителям...

¹Янга – обращение к невестке.

Родители Хамида живут на другом конце кишлака. Они тоже учителя, работают в школе. Кроме Хамида, у них есть еще двое детей.

– Хоп.

– Моя дорогая, еще одна просьба: в дни Хайита, или в День памяти, если Бахром-ака соберется на кладбище, напомните ему: пусть и Хамида с собой возьмет. Я буду тосковать о моем сыночке, буду ждать его. Если услышу, как стучат его ботинки рядом с моей могилой, услышу его голос, когда он заговорит, я обрадуюсь: «Пришел мой сыночек!» Вы моя любимая соседка и золовка, и сестра, Нафиса! Напоминайте об этом Бахром-ака, прошу вас!..

– Вай, моя милая, моя бедная сестра! Вай-вай!..

– Теперь откройте этот узелок.

Обливаясь слезами, Нафиса, развязала узелок, лежавший рядом с подушкой больной.

– Там есть фотография. Возьмите ее.

На тусклом фотоснимке двух-трехлетней давности были бабушка и внук.

– Пусть эта фотография хранится у вас, милая Нафиса, – сказала Саида. – Спрячьте понадежней. Когда Хамиджан женится, вставьте ее в рамку и повесьте в прихожей его дома. Не суждено мне увидеть счастливые дни, свадьбу моего сыночка. Если в его доме повесите эту фотографию, я тоже смогу оттуда встретить невестку. Ладно, моя дорогая?

– Ладно!

– Теперь моя последняя просьба: когда будете готовить плов, иногда приглашайте моего Хамиджана, ему много не надо. Мой сыночек очень любит плов...

– Ладно, милая, ладно!

– В жизни всякое бывает, если я когда-нибудь чем-то вас обидела, то простите меня!

Нафиса еле вымолвила:

– Вы тоже простите меня! Простите!

– Я тысячу раз благодарна вам!.. Как пахнет хлебом... Ох, запах хлеба!..

– Вай, я чуть не забыла! Ведь я испекла лепешки и вам парочку принесла.

– Я три месяца не ела хлеб. Если бы смогла попробовать хоть кусочек! Ведь я не могу, сестрица!.. Ладно, дайте мне немножко мякиша. Хоть во рту подержу. Как вкусно!..

проза

ВСТРЕЧА

(Рассказ)

Наконец настал в жизни Бахтияра день совершеннолетия – он получил паспорт. Сын стал взрослым – радовалась мать. Казалось бы, еще недавно, держа за тоненькую ручку, отвела его в первый класс... И вот он уже на голову выше ее, от дисканта и следа не осталось, голос превратился в грубоватый юношеский тенорок, над верхней губой пробился пушок.

Как-то вечером после ужина мать убрала посуду на кухне, подошла к нему и осторожно присела на стул.

Бахтияр встревожился:

– Мама, что-нибудь случилось?

Она, сложив на коленях вздрагивающие руки, нерешительно начала:

– Нет-нет, сынок, успокойся, ничего не произошло...

И, посмотрев на взволнованное лицо сына, тут же пожалела о своей затее, подумала, что лучше отложить разговор до более удобного случая, и собралась было уже покинуть комнату, но сын остановил ее:

– Так в чем же дело?

Мать поняла, что придется объясниться, такой уж у него характер. Она вытерла краешком платка выступившие на глазах слезы.

– Видишь ли, сынок, мне нелегко начать этот разговор. Я всегда боялась, что придет время, когда надо будет поговорить с тобой на эту тему. Но как бы ни трудно было это сделать, материнский долг обязывает меня...

Слова будто застревали у нее в горле, она с мольбой посмотрела на сына. Он же нежно обнял ее: «Успокойся и говори, ведь я уже взрослый».

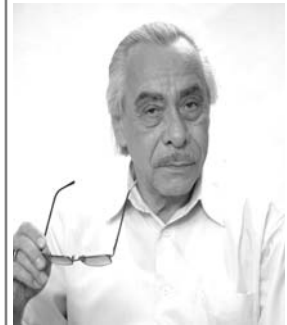
– У тебя есть отец, он жив. До сих пор я не говорила тебе о нем. Ждала, когда подрастешь. И вот время настало: теперь ты можешь все понять, рассудить, сделать вывод и, возможно, захочешь встретиться с ним. Это меня не обидит. Отец твой живет недалеко от нас, в соседней области...

Все это было сказано торопливо, на одном дыхании. Она замолчала, потом вздохнула так глубоко, словно освободилась от тяжелого груза. Сын и мать некоторое время напряженно молчали.

Для Бахтияра, сколько он помнил себя, во всем мире существовал единственный близкий человек – мама. Благодаря ей, он ни в чем не нуждался, мать всегда делала все возможное, чтобы он не чувствовал отсутствия отца. И это ей удавалось. В ребячьей суетной жизни у Бахтияра почти не возникало мысли о том, что где-то есть человек, которого он мог бы называть папой. А теперь вот можно встретиться с ним. Казалось, он должен радоваться этому. Но радости почему-то не было.

Несколько дней в отсутствие матери Бахтияр доставал из шкафа семейный альбом и, найдя в нем пожелтевшие от времени фотографии отца, подолгу разглядывал их. Со снимков на него смотрело лицо с веселыми глазами. В нем было что-то знакомое. Парнишка подходил к зеркалу, внимательно разглядывал себя и находил в себе отцовские черты...

По телефону они договорились встретиться воскресным днем

**Нариман
ИСКАНДАРОВ**

Родился в 1945 г.

Окончил историко-филологический факультет Калининского государственного педагогического института (ныне Тверской государственный университет). Автор повестей и рассказов.

Член Творческого союза журналистов Узбекистана. Живет в Намангане.

в соседнем городе – в сквере, у фонтана. Бахтияр приехал туда раньше назначенного времени. Стоял знойный полдень. У фонтана было многолюдно, словно население всего областного центра стеклось сюда в надежде найти спасение от духоты и нещадно палящего солнца. В этом столпотворении казалось невозможным найти человека, которого видел лишь на фотографии. Бахтияр обошел фонтан, внимательно вглядываясь в лица людей, сидящих на скамейках. Его взгляд остановился на мужчине, пристально рассматривающем его. Это был его отец.

Несмотря на свою полноту, тот легко вскочил со скамейки и направился к сыну. Бахтияр растерялся от столь быстрой, так вот, сразу произошедшей встречи. Его сердце гулко застучало.

– Бахтияр, сынок, здравствуй!

– Здравствуйте!

– Так вот ты какой, уже выше меня!

Отец с восхищением разглядывал сына. Но что случилось с Бахтияром, куда девались всколыхнувшиеся в нем чувства? Первые же слова этого человека рассеяли их, напомнили о том, что тот не видел его целых пятнадцать лет.

Парень пристально посмотрел ему в глаза и спросил:

– А каким вы помните меня?

– Маленьким, ты только начинал ходить. А знаешь... – начал было отец увлеченно рассказывать что-то из далекого прошлого, когда он жил с матерью Бахтияра, а тот был еще крохотным.

Но, прочитав в глазах сына упрек и обиду, замолчал и, достав из кармана портсигар, закурил. Руки его от волнения дрожали, спички одна за другой ломались. Бахтияру стало жаль его. Наконец, прикурив и несколько раз затянувшись, отец грузно опустился на скамейку и показал место около себя. Некоторое время они сидели молча.

– Сынок, конечно же, я очень виноват перед вами, но постарайся понять меня.

– Я слушаю вас, – сухо ответил Бахтияр.

– Что ж, и на том спасибо. Поверь мне, я очень любил маму. Слышишь? Очень!

– Да, слышу.

– Я очень любил ее, мне никто, кроме нее, на всем белом свете не нужен был. Ваши фотографии всегда со мной, я никогда не забывал вас...

– Почему вы разошлись? – перебил сын.

– Она уехала от меня.

– На это, наверное, были причины?

– Да, наверное, я пил, у меня было много друзей, с которыми я проводил много времени. Мать пробовала остановить меня. Мне тогда казалось, что она хочет лишить меня свободы... В общем, настал день, когда она ушла от меня, и я даже не попытался ее остановить. Скоро я понял, что вместе с ней от меня ушло счастье.

Не докурив сигарету, отец закурил новую.

– Молчишь? Скажи хоть слово!

– Мне кажется, она ждала вас всю жизнь. Наверное, нужно было попытаться вернуть ее.

– Почему ты говоришь мне «вы»? Скажи «ты», «папа»... Не хочешь? Вот оно как вышло. Ты почти мужчина, должен меня понять... Я чувствовал, что она ждет, она ведь однолюб, но, понимаешь ли, эта другая... У нее должен был появиться ребенок, а она совсем одна...

Бахтияр не выдержал:

– Да как вы можете говорить о какой-то другой! Мама тоже была одна, совсем одна, у нее был только я и больше никого. Я ничего не хочу слышать о другой. Она отняла вас у нас.

– Она ни в чем не виновата. Я очень рвался к вам, но так получилось, обстоятельства вынудили, понимаешь? Ты веришь в силу обстоятельств?

– Не знаю. Мне не приходилось бывать в подобных ситуациях и, думаю, не придется.

– Конечно же, твоя жизнь сложится иначе, но бывает, что обстоятельства оказываются сильнее нас. Да-да, сильнее! Скажи, разве не так.

– Говорите, я слушаю вас.

– Ну, слушай, слушай. Очень слабенькой родилась дочка. Вскоре она заболела, ей необходимо было лечение. Каждый день думал: «вот выздоровеет – сразу уеду». Вы мне снились – ты и мама... Но проходили день за днем, месяц за месяцем. То я не мог решиться, то дочь вновь заболела, то работы было много. А когда все-таки собрался, то родился сын и тоже очень слабенький. Как бросишь такого? И вновь все пошло по-прежнему – лечил, ждал выздоровления...

– Вы любили нас, скучали, собирались к нам, а дети рождались, росли. Как это понимать? Даже смешно слушать.

Бахтияр отвернулся от отца. Ему хотелось высказаться, но он никак не мог подобрать нужных слов.

– Что бы ты ни сказал, во всем будешь прав. Мне совестно глядеть тебе в глаза. Ох, если бы ты знал, как совестно! – продолжал оправдываться отец.

– Ни к чему все это.
 – Дай мне взглянуть на тебя, ведь ты моя кровиночка, мой сын... Какой же ты стал: гуды пробиваются. Мать-то, наверно, не нарадуется?
 – О маме больше не надо. Я не хочу.
 – Ну ладно, не буду, не сердись, только выслушай меня до конца. Очень прошу тебя, ведь я столько лет ждал этой встречи: мы не можем, не должны вот так просто расстаться.
 – Тогда очень прошу вас, ничего не говорите о прошлом.
 – Почему?
 – Потому что я уже услышал от вас все, что меня интересовало.
 – А раньше ты ничего не знал? Мать тебе ничего обо мне не рассказывала, не жаловалась на меня?
 – Нет.

Услышав ответ сына, отец съезжился, стал каким-то маленьким и жалким. Он обхватил голову руками, стал раскачиваться из стороны в сторону, словно его одолевала острая зубная боль. Бахтияру вдруг очень захотелось домой. Скорее к маме. Его мысли прервал отец:

– Бахтияр, идем ко мне, я познакомлю тебя с братьями и сестренкой. Погостишь у нас. Согласен?

Но сын решил: никаких знакомств.

– Я поеду домой! – объявил он отцу.

– Как? Разве ты не останешься хоть на денек? Встретились через столько лет и сразу расстаться?

Лицо отца было таким огорченным, что Бахтияру стало жалко его. Но решения он своего не поменял.

– Нет, спасибо, я должен ехать, – более мягко проговорил он. – Понимаете, мама одна осталась. Может быть, когда-нибудь в другой раз...

Отец согласно кивнул головой и спросил:

– Как ее здоровье?

– Временами ноги побаливают, а так ничего.

Отец глубоко вздохнул и с трудом поднялся со скамейки.

Бахтияр едва успел на последний автобус. Отец долго смотрел ему вслед. Как и много лет назад, от него уходило счастье. Тогда он не остановил его, не вернул, не поехал за ним. Промчались годы. За ту прошлую ошибку пришлось держать ответ перед взрослым сыном. Больно кольнуло сердце. Он прислонился к дереву.

– Вам плохо? Может, «скорую» вызвать? – спросила проходившая мимо девушка.

Он посмотрел на нее и вздрогнул: глаза ее были удивительно похожи на глаза сына. Он съезжился и глухо ответил:

– Спасибо, дочка, никто уже не поможет мне. Это прошлое отозвалось болью в сердце...

Бахтияр вбежал в подъезд поздним вечером и торопливо нажал на звонок. Послышались знакомые шаги, а вскоре и приветливый дорогой голос:

– Сейчас, минуточку, иду!

Бахтияр улыбнулся. Дверь открылась, перед ним стояла мама. Она заключила его в объятия.

– Уже вернулся? Не встретились? – с тревогой спросила она.

– Встретились, но, понимаешь, почему-то очень захотелось домой, к тебе, – ответил он. – Какая же ты у меня хорошая.

Больше мать ни о чем не спросила сына. В обнимку прошли в комнату, и, упав в кресло, женщина расплакалась. Это были слезы радости и гордости за сына.

Эпилог

...Прошли годы. Многое изменилось в жизни Бахтияра. После армии он окончил институт, стал работать в школе. Встретил ту единственную, без которой дальнейшая жизнь казалась невозможной. Мама благословила их союз. Один за другим у них родились два сына и дочь. Их маленькая семья превратилась в большое дружное семейство.

Немало времени прошло, пока мать вновь не напомнила Бахтияру об отце.

– Сынок, – сказала она. – Ты сам отец, и, думаю, понял, что значит родная кровь. Может случиться, что соберешься когда-нибудь к отцу, а его уже не будет. Подумай об этом.

Бахтияр не ответил, но через несколько дней, вернувшись с работы со свертками, объявил:

– Купил подарки для отца, завтра еду к нему.

Его встретили очень радушно. Особенно обрадовались приезду Бахтияра дети отца от второго брака. Наблюдая за их веселой, непринужденной беседой, отец счастливо улыбался...

И только тогда, когда отец через какое-то время неожиданно ушел из жизни, Бахтияр понял, что его мать всю жизнь продолжала любить первого и единственного мужа.

**Сайдамин
БАКИЕВ**

Родился в 1942 г. Окончил МГУ. Доктор технических наук, профессор. Специалист в области прикладной ядерной физики и ядерной аналитики. Имеет более 100 научных публикаций, автор 2 книг по мерфологии (изд. Москва). Представлен в международных биографических изданиях «Кто есть кто в мире», «Кто есть кто в Азии» и «2000 выдающихся интеллектуалов XXI столетия».

МЕРФОЛОГИЯ, ИЛИ ЗАКОНЫ, ПО КОТОРЫМ МЫ ЖИВЕМ

ДУРАКОЛОГИЯ¹

Античный афоризм

Осуждение глупцов – похвала.

Постулат Э. Роттердамского

Если кому-либо не хватает даров природы, он возмещает этот изъян усиленной дозой самодовольства.

Аксиома А. Попа

В каждом человеке ровно столько тщеславия, сколько ему недостает ума.

Определение Ларошфуко

Нет глупцов более несносных, чем те, которые не совсем лишены ума.

Постулат сравнительной вредности дураков

Хуже дурака обыкновенного может быть только дурак с инициативой.

Второй постулат сравнительной вредности дураков

Вреднее дурака с инициативой может быть только дурак изобретательный.

Закон гендерной симметрии В. Борисова

На всякого дурака найдется дура.

Болванам легче жить с болванками:

Прочней семейный узелок,
Когда невидимыми планками
Означен обший потолок.

И. Губерман

Народный афоризм

Глупому не страшно и с ума сойти.

Замечание Бакиева (может быть, и не только его)

Чтобы сойти с ума, надо его иметь.

Закон Л. Ариосто

Все человек теряет с годами: юность, красоту, здоровье, порывы честолюбия. И только одна глупость никогда не покидает людей.

Кумулятивный закон

Старые дураки – самые большие дураки. У них больше опыта.

Закон сохранения интеллекта Р. Бредбери

Первое, что узнаешь в жизни, – это что ты дурак. Последнее, что узнаешь, – это что ты все тот же дурак.

Закон Генина о трансформации дурусти

Количество дураков уменьшается, но качество их растет.

¹ Продолжение. Начало см. «Звезда Востока» № 1, № 2 2014 г.

Закон сохранения Бакиева, как следствие закона Генина

Общая сумма дурусти на земле есть величина постоянная.

Добавление Бакиева к закону сохранения

Общая сумма дурусти на земле есть величина постоянная, а население растёт...

Предельное следствие Бакиева к закону сохранения

Прародители человечества были поначалу мудры как чистый лист бумаги.

Предостережение Л. Питера

Измерение уровня интеллекта порою показывает, каким умницей ты был бы, если бы не позволил измерять свой интеллект.

Спасительный закон У. Блейка

Если бы другие не были дураками, мы были бы ими.

Замечание Л. Сухорукова

Любите дураков хотя бы за то, что на их фоне мы всегда – умные.

Основы счастья по Флоберу

Быть дураком, эгоистом и обладать хорошим здоровьем – вот три условия, необходимые для того, чтобы быть счастливым. Но, если первого из них не хватает, то остальные бесполезны.

Аксиома П. Гейзе

Глупость – дар Божий.

Замечание Бисмарка

Глупость – дар божий, но не следует им злоупотреблять.

Следствия Бакиева к аксиоме Гейзе**Следствие 1**

Если глупость – дар божий, то человек, одаренный богом, существенно отличается от просто одаренного человека.

Следствие 2

Если бы все люди попадали под божью милость, то обитатели планеты Земля счастливо жили бы сейчас где-то в каменном веке.

Следствие 3

У человека суммарное количество ума и счастья есть величина постоянная.

Распределительный закон А.Полежаева

Судьба проказница-шалунья,

Определила так сама:

Всем глупым счастье от безумья,

Всем умным – горе от ума.

Компенсационный закон Бакиева

Дураки – любимцы природы. Обделив их способностями, она компенсирует этот дефицит, наделяя их большим ощущением счастья.

Резюме Бакиева для молодого читателя

Немолодым уже поздно, но у тебя есть выбор: развивать интеллект, или резвиться, оставаясь счастливым...

Образование**Принцип Питера для образования**

Образование – это способ приобретения предубеждений более высокого порядка.

Определение образования по К. Краусу

Образование – это то, что большинство получает, многие передают и лишь некоторые имеют.

Альтернативное определение Д. Кейса

Образование – вдалбливание непонятого некомпетентными в умы равнодушных.

Замечание Ипхорской об образовании

Диплом учебного заведения – документ удостоверяющий, что у тебя был шанс чему-нибудь научиться.

Замечание Р. Эмерсона

То, чему мы учились в школах и университетах, не образование, а только способ получить образование.

Закон Д. Самойлова

Поступление мать учения.

Рецепт А. Франса

Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом.

Классификация Уильяма А. Уорда

Посредственный учитель излагает. Хороший учитель объясняет. Выдающийся учитель показывает. Великий учитель вдохновляет.

Наблюдение Т. Рузвельта о пользе образования

Совершенно необразованный человек может обчистить товарный вагон, а выпускник университета может украсть целую железную дорогу.

Классификация Б. Шоу

Кто умеет делать сам, делает сам. Кто не умеет делать сам, учит других. Кто не умеет делать ни того, ни другого, учит, как надо учиться.

Постулат наилучшей копилки Б. Франклина

Если высыпать содержимое кошелька себе в голову, его уже никто не отнимет.

Правило Ж. Элгози

Образованный человек никогда не читает – он перечитывает.

Признание Е. Сазонова

Чем больше я себя перечитываю, тем больше духовно обогащаюсь.

Принцип Дизраэли

Когда мне хочется прочитать хорошую книгу, я ее пишу.

Аксиома Шопенгауэра

Читать значит думать чужой головой вместо своей собственной.

Парадокс А. Кумора

Подумать только: грамоту выдумали неграмотные!

Аксиома Крауса

В пустую голову входит больше знаний.

Комментарий Бакиева

Это классический пример ложной логики. На самом же деле – чем больше голова заполнена, тем больше еще может вместить.

Замечание Г. Гейне

Просто удивительно, как в такой маленькой головке умещается такая масса невежества.

Закон Питера для образования

Утраченного невежества не воротить.

Аксиома М. Генина

Знания забудутся, пробелы в них – никогда.

Девиз Спинозы

Незнание – не довод. Невежество – не аргумент.

Замечание К. Тухольского

Прямо трудно поверить, как прекрасно можно обходиться без изобретений 2500 года! Многочему я научился у своих наставников, еще большему – у своих товарищей, но больше всего – у своих учеников.

Талмуд

Если бы небо услышало молитвы детей, на свете не было бы ни одного живого учителя.

Персидское изречение

Принцип религиозного образования халифа Омара

Если в этих книгах говорится то же, что в Коране, они излишни; а если другое – они вредны.

Комментарий Бакиева

Кто бы мог оценить степень катастрофического урона, нанесенного развитию восточной цивилизации этим остроумным высказыванием?

Постулат Ж. Элгози о великих изобретениях

Два величайших изобретения в истории: книгопечатание, усадившее нас за книги, и телевидение, оторвавшее нас от них.

(Продолжение следует)